

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ III.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1900.

Печатано по опредѣленію Учено - Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Товарищъ Предсѣдателя Общества:

проф. М. Е. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ офіціальный.

А.	Отчетъ о дѣятельности Общества за 1899—1900 г.	
	I. Засѣданія Общества	VII
	II. Совѣтъ Общества	XX
	III. Касса Общества	XXIII
Б.	IV. Смѣта на 1900 г.	XXIV
В.	V. Отчетъ о дѣятельности Педагогическаго Отдѣленія за 1899—1900 г.	XXV
Г.	VI. Протоколъ ревизіонной комиссіи	XXXI
Д.	VII. Библіотека Общества	XXXII
Е.	VIII. Списокъ членовъ Общества	XXXVI
Ж.	IX. Совѣтъ Общества на 1900 г.	XL

Отдѣлъ научный.

1.	Проф. А. С. Будиловичъ. Нѣсколько данныхъ и сообщеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ (б. Дерптскомъ) университетѣ въ истекающемъ столѣтіи	I
2.	Проф. А. С. Будиловичъ. Памяти Н. А. Лавровскаго (<i>съ портретомъ Н. А. Лавровскаго</i>)	74
3.	Н. И. Ивановъ. Педагогическіе труды Н. А. Лавровскаго	93
4.	И. С. Проданъ. О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями	121
5.	Проф. М. Е. Красноженъ. Отношеніе русской церковной и государственной власти въ иновѣрцамъ	181

Отдѣлъ офіціальный.

А.

Отчетъ

о дѣятельности Учено - Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1899—1900 годъ.

І. Засѣданія Общества.

Въ отчетномъ 1899—1900 году, кромѣ годичнаго засѣданія, происходившаго 5/VI 1899 г., Учено-Литературное Общество имѣло три закрытыхъ засѣданія (30/IX и 30/X 1899 г. и 16/V 1900 г.). Въ годичномъ засѣданіи Совѣтомъ Общества предшествующаго года былъ представленъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1898—1899 г. и согласно заключенію ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ д. ч. о. В. О. Заица, А. С. Царевского и Я. К. Неготина, утвержденъ собраніемъ, а также произведены выборы состава Совѣта на 1899—1900 (перечень см. во II отдѣлѣ) и членовъ ревизіонной комиссіи на тотъ-же годъ, при чемъ избранными въ послѣднюю оказались: Я. К. Неготинъ, В. К. Мальмбергъ и В. О. Заицъ. Въ томъ-же засѣданіи утверждена была и смѣта доходовъ и расходовъ на 1899—1900 годъ. Въ прочихъ закрытыхъ засѣданіяхъ происходили выборы новыхъ членовъ Общества всякій разъ по предложенію не менѣе, чѣмъ трехъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, предварительно прошедшему черезъ Совѣтъ Общества. Избрано въ отчетномъ году въ дѣйствительные члены 11 лицъ, а выбыло изъ состава Общества, бывшаго къ началу отчетнаго года (61), двое, такъ что къ слѣдующему отчетному году дѣйствительными членами Общества состоятъ 70 лицъ, въ томъ числѣ преподавателей: университета 27, Юрьевского ветеринарнаго института 4, другихъ учебныхъ заведеній 33, и другихъ лицъ 6.

Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ, 66 и живущихъ въ другихъ городахъ и за-границей 4. Такимъ образомъ Общество, какъ и въ первые два года существованія, состоитъ по преимуществу изъ лицъ, занимающихся ученой или педагогической дѣятельностью въ самомъ г. Юрьевѣ. Списокъ членовъ прилагается къ отчету.

Открытыхъ засѣданій Общества, въ которыхъ, кромѣ членовъ Общества, присутствовали также и постороннія лица (по § 23 Устава), было въ отчетномъ году шесть. Среднее число присутствовавшихъ въ каждомъ засѣданіи было 25. Въ этихъ засѣданіяхъ доложены были слѣдующія сообщенія г. г. членовъ Общества.

І-е засѣданіе — 30 сентября 1899 г.

А. Сообщение А. С. Будиловича: „Памяти Н. А. Лавровскаго“.

Сообщеніе это теперь напечатано въ III томѣ нашего „Сборника“.

Б. Сообщение В. К. Мальмберга: „Центральная группа восточнаго фронтона Парѣнона“.

Предпославъ общій очеркъ судьбы Парѣнона и его скульптуръ, референтъ сообщилъ о старыхъ и новыхъ попыткахъ археологовъ реконструировать центральную часть восточнаго фронтона храма, а также и о тѣхъ основаніяхъ, которыми въ данномъ случаѣ должно руководиться археологическое изслѣдованіе. Критическій разборъ мнѣній предшественниковъ привелъ референта къ убѣжденію, что отраженіе композиціи восточнаго фронтона нужно искать въ изображеніяхъ на такъ называемомъ мадридскомъ путеалѣ, т. е. что середину этого фронтона занимала композированная для заполнения треугольнаго (а не лентообразнаго) поля группа, состоявшая изъ Зевса, Аѣины и парящей между ними богини Побѣды, которая заполняла свободное пространство между первыми божествами, подобно тому какъ священное дерево по серединѣ западнаго фронтона занимало пустое мѣсто между Аѣиной и Посидономъ. Для того, чтобы убѣдиться въ пригодности рельефа на путеалѣ для заполнения средины плоскаго треугольника, необходимо лишь допустить, что богиня Побѣды парила нѣсколько выше,

чѣмъ представлено на путеалѣ, а именно приподнять ее настолько, чтобы ея правая нога приходилась надъ рукой Аѳины: при такомъ размѣщеніи вѣнокъ въ рукахъ Побѣды окажется какъ разъ надъ головой Аѳины. Для нагляднаго подтвержденія правильности этого утвержденія референтомъ былъ представленъ и рисунокъ, на которомъ фигуры мадридскаго путеала безъ всякаго измѣненія въ ихъ пропорціяхъ и деталяхъ расположены такъ, какъ того требуетъ предложенная реконструкція. (Сообщеніе В. К. Мальмберга позднѣе было напечатано въ рядѣ статей его подъ заглавіемъ: „По поводу новыхъ реконструкцій трехъ античныхъ фронтоновъ“, въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1899, ноябрь и декабрь).

II-е засѣданіе — 30 октября 1899 г.

А. Сообщеніе В. Г. Алексѣева: „Первые шаги чело-
вѣчества въ области точныхъ наукъ“.

Докладчикъ указалъ на то, что изъ точныхъ наукъ ариѳметика и геометрія зародились ранѣе другихъ. Какъ сложились у людей первоначальныя точныя понятія о счисленіи и объ измѣреніи протяженій, трудно сказать опредѣленно, но можно сдѣлать нѣкоторыя предположенія, болѣе или менѣе вѣроятныя, такъ какъ они подтверждаются наблюденіями надъ племенами, находящимися въ первыхъ стадіяхъ культурнаго развитія. На основаніи этихъ наблюденій мы можемъ, напр., утверждать, что основныя понятія ариѳметики и геометріи сложились путемъ индуктивнымъ, путемъ наблюденія явленій обыденной жизни. Потребности послѣдней мало-по-малу заставили первыхъ людей не ограничиваться только двумя числовыми понятіями: одинъ и неопредѣленнымъ много, а расчленять послѣднее, выдѣляя изъ него опредѣленныя понятія: два, три и т. д., что и положило начало точному счисленію. Точно также потребности обыденной жизни — при возведеніи разныхъ сооружений, при размежеваніи полей и пр. — заставили усмотрѣть соотношенія между величинами частей различныхъ геометрическихъ фигуръ: треугольника, квадрата, трапеціи и т. д., что и привело къ нѣкоторымъ болѣе или менѣе общимъ правиламъ или геометрическимъ положеніямъ чисто-эмпирическаго характера. Только значительно позднѣе явилась дедукція, и изъ эмпирически полу-

ченныхъ предложеній стали выводиться умозрительно новыя предложенія. Что касается историческихъ документовъ начального развитія точныхъ наукъ, то наиболѣе древніе найдены въ Египтѣ и Месопотаміи. Изъ египетскихъ наиболѣе замѣчательнъ папирусь Ринда около 20 в. до Р.-Х., написанный священнымъ (гіератическимъ) шрифтомъ древнихъ египтянъ. Онъ свидѣтельствуеъ о сравнительно уже высокомъ состояніи ариѳметическихъ и геометрическихъ знаній на берегахъ Нила за 20 вѣковъ до Р. Х. или даже на нѣсколько вѣковъ раньше, такъ какъ содержащееся въ папирусь руководство для сельскихъ хозяевъ уже переписано съ другого документа, относящагося къ болѣе раннему періоду.

Древнѣйшими памятниками математическихъ познаній халдеевъ, древнихъ обитателей страны между Тигромъ и Евфратомъ, служатъ двѣ глиняныхъ плитки съ таблицами квадратовъ и кубовъ чиселъ: 1, 2, 3 . . . 60, найденныя при раскопкахъ близъ Сенкере. Онѣ написаны клиновидными письменами и относятся приблизительно къ той-же эпохѣ, какъ и папирусь Ринда.

Конечно этихъ документовъ далеко недостаточно, чтобы составить понятіе о состояніи математическихъ познаній за много вѣковъ до Р. Х. у народовъ Египта и Месопотаміи, положившихъ начало культурному развитію человѣчества, но надо надѣяться, что раскопки дадутъ много новаго и прольютъ свѣтъ и въ этомъ отношеніи. Особенно много интереснаго можно ожидать отъ раскопокъ въ странѣ, лежащей между Египтомъ и Месопотаміей, въ Сиріи и въ Палестинѣ, гдѣ происходили непрерывныя столкновенія народовъ, стоявшихъ во главѣ культурнаго развитія древности; къ сожалѣнію однако онѣ ведутся крайне вяло, съ одной стороны вслѣдствіе плохого состоянія путей сообщенія, съ другой — вслѣдствіе различныхъ затрудненій, встрѣчающихся со стороны магометанскаго правительства, которое, вѣроятно подъ вліяніемъ своихъ религіозныхъ воззрѣній, неодобрительно относится къ предпріятіямъ подобнаго рода*)

Нѣкоторыя замѣчанія по поводу реферата были сдѣланы д. ч. о. Т. Л. Шаталовымъ.

*) Резюмировано докладчикомъ.

Б. Сообщение А. В. Никитского: „Замѣтки о греческихъ календаряхъ“.

Въ виду современнаго интереса къ вопросу о реформѣ календаря въ Россіи, референтъ считалъ не лишнимъ предварительно въ общихъ чертахъ сообщить объ основахъ, цѣляхъ и видахъ различныхъ практическихъ и теоретическихъ календарныхъ системъ у грековъ и отмѣтить ихъ достоинства и недостатки или неудобства сравнительно съ господствующими теперь календарями. Обратившись затѣмъ къ одному изъ минологическихъ вопросовъ, именно объ именахъ мѣсяцевъ и распредѣленіи ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, заселенныхъ въ древности греками, А. В. Никитскій, указавъ на господствовавшее въ этомъ отношеніи разнообразіе и отчасти объясняя его происхожденіе, доказывалъ ту мысль, что нужна величайшая осторожность какъ въ стремленіи сводить извѣстное отъ поздняго времени разнообразіе къ древнѣйшему единству или немногимъ типамъ (стремленіе старыхъ изслѣдователей), такъ и въ допущеніи максимальнаго разнообразія, принимаемомъ нѣкоторыми новѣйшими учеными. Послѣднее было пояснено толкованіемъ одной надписи объ отпущеніи рабовъ на волю, именно *Wescher et Foucart Inscriptions de Delphes 243*, въ связи съ разборомъ календарей Западной Локриды. Въ заголовкѣ надписи сопоставлены: мѣсяць Лафріэй этолійскаго стратига Александра, мѣсяць „Динонъ“ локридскаго агоноеета Телесарха, мѣсяць Апеллэй іанейскаго архонта Армодама и мѣсяць Поитропій дельфійскаго архонта Филократа, и при толкованіи этого сопоставленія изслѣдователи или прибѣгаютъ къ вынужденнымъ объясненіямъ и выводамъ, или оставляютъ его въ сторонѣ и не принимаютъ въ соображеніе. Безусловно ошибается, напр., Диттенбергеръ, который признаетъ Лафріэй мѣсяцемъ іанейскимъ, какъ-то странно не видя того, что соотвѣтствующій мѣсяць іанейскаго календаря былъ Апеллэй, называемый въ той-же надписи. Референтъ доказывалъ, что Лафріэй былъ этолійскимъ мѣсяцемъ, что его нужно поставить на единственное пока незанятое мѣсто этолійскаго календаря, именно *π-ε*, соотвѣтствующее дельфійскому не Поитропію (декабрь — январь), а Апеллэю (іюль — августъ), что на тоже мѣсто нужно поставить и мѣсяць локридскаго агоноеета „Динонъ“ и іанейскій Апеллэй. За это говоритъ и получаемое при этомъ взаимное соотвѣтствіе Апеллэя въ разныхъ городахъ Локриды

и въ Дельфахъ, и устраняемое при этомъ затрудненіе въ вопросѣ о времени вступленія въ должность локридскаго агоноеета. Однако для возможности такого размѣщенія нужно было разяснить, какимъ же образомъ произошло, что въ надписи всѣ три мѣсяца (Лафріэй, „Динонъ“ и Апеллэй) сопоставлены съ дельфійскимъ Поитропіемъ, такъ какъ извѣстно, что подобныя именно сопоставленія для календарныхъ изслѣдователей служатъ самымъ надежнымъ, удобнымъ и распространеннымъ основаніемъ выводовъ. Въ виду этого референтъ доказывалъ, что данная надпись представляетъ собою одно изъ рѣдкихъ исключеній среди множества подобныхъ надписей, а именно, что въ ней тремя первыми датами (resp. мѣсяцами) обозначено время заключенія договора, состоявшагося в нѣ Дельфѣ, на мѣстѣ жительства хозяина раба, а послѣдней датой (дельфійскимъ Поитропіемъ) обозначено лишь время заявленія этого договора въ Дельфахъ или его публикаціи, послѣдовавшее спустя мѣсяцевъ пять послѣ договора. На исключительность этой надписи, т. е. на ея, такъ сказать, внѣ-дельфійскій характеръ указываетъ то, что въ ней ни среди поручителей, ни среди свидѣтелей не называется ни одного дельфійца, тогда какъ присутствіе дельфійцевъ при манумиссіяхъ, дѣйствительно заключенныхъ въ Дельфахъ, было обязательно. Предложеннымъ толкованіемъ устраняется значительная доля того календарнаго разнообразія, которое допускалось изслѣдователями для Западной Локриды, признававшими, что тамъ не только существовали два союзныхъ способа обозначенія мѣсяцевъ (общій именной и общій числовой календарь), но и почти въ каждомъ городѣ области были еще свои особыя имена мѣсяцевъ. На самомъ дѣлѣ разнообразіе тутъ было далеко не такъ велико. Это заставляетъ въ настоящее время вновь пересмотрѣть весь западно-локридскій матеріалъ и сгруппировать его въ иномъ порядкѣ и освѣщеніи. Тоже необходимо сдѣлать и для фокидскихъ календарей. Кромѣ того референтъ останавливалъ вниманіе на нѣкоторыхъ мѣсячныхъ именахъ, требующихъ новаго толкованія, напр., мѣсяца Панама, Амона и др. Предпочтительность новаго толкованія календарныхъ данныхъ разобранной надписи иллюстрировалась посредствомъ особыхъ таблицъ *).

*) Резюмировано докладчикомъ.

III-е засѣданіе — 4 декабря 1899 г.

Сообщеніе А. С. Будиловича: „По поводу столѣтняго юбилея чешскаго поэта и филолога Челяковскаго“.

Совпаденіе юбилеевъ Пушкина, Мицкевича и Челяковскаго; близость ихъ значенія въ литературахъ русской, польской и чешской. — Біографическій очеркъ съ обзоромъ поэтическихъ и прозаическихъ произведеній Челяковскаго. Руководящія идеи его дѣятельности, особенно его взгляды на Россію и Славянство. Оцѣнка значенія Челяковскаго въ литературахъ чешской и общеславянской*).

IV-е засѣданіе — 5 февраля 1900 г.

Сообщеніе И. С. Продана: „О памяти (въ связи съ современными психологическими изслѣдованіями и теоріями)“.

Это сообщеніе напечатано въ III томѣ нашего „Сборника“.

V-е засѣданіе — 4 марта 1900 г.

Сообщеніе А. В. Никитскаго: „По поводу документовъ о продажѣ жречества у грековъ“.

Въ началѣ было обращено вниманіе вообще на своеобразность замѣщенія жреческихъ мѣстъ посредствомъ продажи, и это явленіе поставлено въ связь съ условіями жизни греческихъ городовъ въ македонско-еллинистическое время. Затѣмъ указаны были условія продажи и требованія, предъявлявшіяся по отношенію къ покупателю, на сколько они извѣстны изъ соотвѣствующихъ надписей, число которыхъ постепенно возрастаетъ. Главное вниманіе было обращено на толкованіе халкидонской надписи, въ послѣдній разъ изданной въ текущемъ году Диттенбергеромъ (въ *Sylloge inscriptionum Graecarum* II 596) и содержащей въ началѣ халкидонскій декретъ объ условіяхъ продажи жречества, а въ концѣ — приписку о состоявшейся продажѣ. Въ декретѣ указывается, что покупатель долженъ выдать тремъ жрецамъ по 3 овола (= $\frac{1}{2}$ драхмы) съ мины каждому, четвертому — 1

*) Резюмировано докладчикомъ.

драхму 2 овола и 4 халка (= $\frac{4}{8}$ овола по Бехтелю и Диттенбергеру) также съ мины, пятому — 3 драхмы и 2 овола также съ мины и шестому — 2 драхмы и 4 овола со всего [жрече]ства (дополнение В. В. Латышева, принимаемое всѣми). Въ припискѣ отмѣчено, что жречество куплено за 6300 драхмъ и указаны слѣдующія доли: $\frac{1}{30} = 210$ драхмъ, одна семьдесятъ вторая и три [девяти]сотыхъ = $108\frac{1}{2}$ драхмъ, кромѣ того плата глашатаю = 2 драхмы и 3 (или нѣсколько больше) овола. Какъ дополнение „[девяти]сотыхъ“ долей, такъ и вычисленіе цифры $108\frac{1}{2}$ сдѣлано В. В. Латышевымъ и принято всѣми, а на камнѣ сохранилось для первыхъ — $\alpha\sigma\tau\alpha\iota$, для послѣдней — НПС, т. е., при обычномъ халкидонскомъ обозначеніи чиселъ = 106 драхмъ. Исслѣдователи отказались разъяснить смыслъ неравномѣрныхъ выдачъ жрецамъ, а отмѣченные въ припискѣ доли $\frac{1}{30}$, $\frac{1}{72}$ и $\frac{3}{900}$ понимали въ смыслѣ пошлинъ съ купли-продажи, удивляясь однако, почему здѣсь взыскивается тройкая пошлина. Референтъ доказывалъ, что въ припискѣ только иными словами выражены тѣже самыя жреческія доли, о которыхъ говорится въ декретѣ, а именно: $\frac{1}{30}$ тоже, что 3 др. 2 ов. съ мины, $\frac{1}{72}$ тоже, что 1 др. 2 ов. 4 халка, только халкъ нужно считать за $\frac{1}{12}$ овола, а не за $\frac{1}{8}$, далѣе нужно дополнять три [двух]сотыхъ, а не [девяти]сотыхъ, т. е. $[\delta\iota\alpha\chi\alpha\tau]\alpha\sigma\tau\alpha\iota$, а не $[\epsilon\gamma\alpha\chi\alpha\tau]\alpha\sigma\tau\alpha\iota$, а $\frac{1}{200}$ представляетъ тоже, что 3 овола = $\frac{1}{2}$ драхмы съ мины, каковую долю получили три первыхъ жреца; наконецъ плата глашатаю тождественна съ платой 6-му жрецу, и въ припискѣ нужно тутъ видѣть 2 др. и 4 овола = ССТ[Π], какъ и въ декретѣ, гдѣ въ свою очередь вѣроятно слѣдуетъ дополнять не [жрече]ства, а [глашатай]ства, $[\chi\alpha\rho\iota\chi]\epsilon\iota\lambda\alpha\varsigma$, а не $[\iota\alpha\rho\omega\tau]\epsilon\iota\lambda\alpha\varsigma$. Въ связи съ этимъ при расчетѣ изъ 6300 драхмъ сумма $\frac{1}{72} + \frac{3}{200}$, конечно, должна равняться не $108\frac{1}{2}$ др., а 182, т. е. нужно дополнять НПС[С], и при этомъ понимать Π не въ значеніи 5 по обычной десятичной системѣ обозначенія чиселъ, а въ значеніи 80 по системѣ алфавитной. Что здѣсь стоитъ именно этотъ знакъ Π, а не какой другой, доказывается и эстампажемъ надписи, который референтъ, послѣ неоднократнаго обращенія къ нашему Археологическому институту въ Константинополѣ, получилъ наконецъ лишь непосредственно отъ Греческаго Константинопольскаго литературнаго общества, которое теперь владѣетъ надписью. Далѣе референтъ привелъ еще рядъ соображеній и выводовъ, вытекающихъ изъ

предложеннаго имъ объясненія частныхъ документа. Въ заключеніе онъ отмѣтилъ еще крайне неудачную попытку толкованія и дополненія одного мѣста въ другой также халкидонской надписи о продажѣ жречества, именно попытку г. Бурзи, съ которой согласился и Диттенбергеръ (Sylloge II 594). Эта попытка основана на ошибочномъ превращеніи *ἐκατοστὰ καὶ τριακοστὰ*, т. е. $\frac{1}{100} + \frac{1}{30}$ въ $\frac{1}{130}$ и подкрѣпляется совершенно неметодически и неправильными сравненіями и соображеніями *).

Нѣкоторыя замѣчанія по поводу доклада были сдѣланы Н. И. Ивановымъ и А. Н. Ясинскимъ.

VI-е засѣданіе — 16 мая 1900 г.

Сообщеніе А. В. Никитскаго: „Изъ греческой древности“.

Цѣлью реферата было отмѣтить, что до сихъ поръ въ изученіи греческой древности точная работа даже въ изслѣдованной и переизслѣдованной области не останется лишней и безплодной.

Примѣры были заимствованы изъ строя и исторіи этолійскаго союза. Интересъ къ послѣднему мотивировался новѣйшими греческими раскопками въ религіозномъ центрѣ Этоліи, служившемъ и мѣстомъ союзныхъ избирательныхъ собраній, именно въ *Θερμῆ* (довольно обстоятельныя извѣстія о ходѣ раскопокъ имѣлись въ полученномъ какъ разъ въ день засѣданія *Beilage* къ мюнхенской *Allgemeine Zeitung*, № 119, отъ 1900 г. мая 25/12; надписи пока еще не опубликованы). Послѣ общаго очерка внутренняго строя этолійскаго союза или симполитіи и указанія отличія его отъ прочихъ греческихъ союзовъ было замѣчено, что даже въ представленіи о *Θερμῆ* среди изслѣдователей господствовало до сихъ поръ странное разногласіе: большинство называло и называетъ *Θερμῆ* главнымъ городомъ Этоліи, лишь немногіе видятъ въ немъ только священный округъ, а между тѣмъ именно послѣднее можно было уже давно установить вполне прочно по указаніямъ точныхъ древнихъ писателей и другимъ признакамъ (напр., нѣтъ ни одного упоминанія о „*θερμῖται*“). Раскопками это, конечно, подтверждается.

*) Резюмировано докладчикомъ.

Нѣмецкій (австріійскій) ученый Санто (Szanto) дѣлаетъ въ своей книгѣ *Das griechische Bürgerrecht* (1892 г.) рядъ выводовъ изъ надписи, изданной Оссулье (*Bulletin de correspondance hellénique* 1882, VI стр. 460), принимая на вѣру всѣ дополненія Оссулье и не замѣчая, что въ текстѣ Оссулье пропзвольностей и ошибокъ столько же, сколько строкъ въ текстѣ, если даже не больше. Оставляя въ сторонѣ большинство эпиграфическихъ, діалектическихъ и даже грамматическихъ ошибокъ, достаточно указать на то, что у Оссулье извращенъ въ существенныхъ чертахъ самый смыслъ этолійскаго декрета и письма Оаксійцевъ (на Критѣ), коимъ декретъ былъ вызванъ. По Оссулье (и Санто), въ письмѣ оаксійскіе космы и община, привѣтствуя этолійскій совѣтъ, стратига и иппарха, сообщаютъ нѣкоторыя событія изъ жизни оаксійскаго гражданина Ератона и особенно сына его Епикла: послѣдній, попавъ въ плѣнъ, былъ проданъ въ качествѣ военноплѣннаго въ Амфиссу, но выкупился на волю и теперь живетъ въ Этоліи съ семьей, а потому оаксійцы просятъ позаботиться, чтобы никто не обижалъ ихъ согражданина Епикла и чтобы запись его въ граждане Этоліи (или въ союзное этолійское гражданство) оставалась на вѣки (*ἡ δὲ κοινοπολι[τεία] αἰδία ὑπάρχει ἀναχράφα*). Соотвѣтственно этому-де этолійцы постановляютъ: „[такъ какъ Епиклъ, сынъ Ератона]на есть оаксіецъ, а живетъ [въ Амфиссѣ, бывая и] въ Дельфахъ и въ Оермѣ, [то гражданиномъ записать (*ἀναγράψειν*) его и] запись (или публикацію, *τὴν ἀναγράψαν*) дать Епиклу, [а голосованіе] о записи (или публикаціи, *τὰς ἀναγράψας*) произвести въ [очередномъ собраніи]“. Отсюда вытекаетъ, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, естественный выводъ, что въ силу договора, вѣроятно существовавшаго между Этоліей и Оаксомъ, всякій оаксіецъ, поселившійся въ Этоліи (и *vice versa*), тѣмъ самымъ становился этолійскимъ гражданиномъ, и для присужденія ему гражданства или для вступленія его въ силу нужно было только доказать оаксійское гражданство, что въ данномъ случаѣ достигается посредствомъ официального письма изъ Оакса. Между тѣмъ, по мнѣнію референта, содержаніе этолійскаго декрета скорѣе слѣдующее: „этолійцы постановили: опубликовать въ Дельфахъ и Оермѣ (и вѣроятно въ Амфиссѣ) письмо, полученное отъ космовъ и общины оаксійцевъ относительно Епикла, который есть оаксіецъ, а живетъ въ Амфиссѣ, мѣсто же для публикаціи должны дать Епиклу, а

равно и позаботиться о публикаціи соотвѣтствующія власти". Соотвѣтственно этому нельзя признать правильнымъ и то, что Оссулье и Санто находили въ концѣ письма.

Моммзенъ, Пне и другіе ученые рѣшительно говорятъ, что въ началѣ 2-ой войны римлянъ съ Филиппомъ (201/200 до Р. Х.) Локрида, Дорида и Фокида тѣсно примыкали къ Македоніи или даже были подчинены ей. Для Дориды это невѣрно, для Локриды по крайней мѣрѣ не точно, такъ какъ одна изъ Локридъ, именно Западная или Озольская, тогда во всякомъ случаѣ, какъ и Дорида, составляла часть Этолій, а этоліицы въ этой войнѣ скоро изъ нейтралитета перешли на римскую сторону и стали дѣйствовать противъ македонскаго царя. Утвержденіе ученыхъ о Фокидѣ согласно съ показаніемъ такого точнаго источника, какъ Полибій (у Тита Ливія), сообщающаго о военныхъ дѣйствіяхъ консула Фламинина противъ фокидскихъ городовъ, очевидно слѣд. стоявшихъ на сторонѣ Филиппа, а не принадлежавшихъ Этолій. Между тѣмъ Помтовъ доказываетъ по надписямъ, что Фокида съ 201/0 до 189 года была этолійской, ссылаясь на то, что почти за каждый годъ этого промежутка есть дельфійскія надписи объ отпущеніи рабовъ, которыя отпустителями изъ фокидскихъ городовъ датируются именемъ того или другого президента (стратига) этолійскаго союза. Кто же правъ? Помтовъ, говоря о фокидскихъ отпустителяхъ, очевидно разумѣетъ подъ ними и плигонейцевъ, такъ какъ иначе не нашель бы ни одной фокидской манумиссіи для 201/0—195/4 г., какъ это видно изъ таблицъ въ книгѣ референта (Дельфійскіе эпиграфическіе этюды); очевидно также, что онъ такъ же, какъ почти всѣ другіе, плигонейцевъ отождествляетъ съ жителями фокидскаго города Флигонія, упоминаемаго Павзаніемъ и Стефаномъ Византійскимъ, и помѣщаетъ его, какъ принято, въ самой восточной части Фокиды. Наоборотъ для Диттенбергера, въ результатъ его одной ошибочной датировки, ясно какъ день, что плигонейцы жили въ Озольской Локридѣ. Референтъ доказывалъ, что плигонейцевъ необходимо помѣщать въ самомъ близкомъ со-сѣдствѣ съ Дельфами (какъ указано было только молодымъ итальянскимъ ученымъ Сальветти), т. е., если въ Фокидѣ, то на западѣ ея, или въ Озольской Локридѣ на границѣ съ дельфійскою областью. Тогда устраняется противорѣчіе между Поливіемъ и надписями: въ началѣ II сто-

лѣтія восточная часть Фокиды была македонской, а западная съ Дельфами и ихъ сосѣдями плигонейцами (если они фокидцы) — этолійской. Сосѣдство плигонейцевъ и дельфійцевъ явствуетъ изъ того, что въ дельфійскихъ надписяхъ объ отпущеніи рабовъ среди иногороднихъ отпусти- телей, поручителей и свидѣтелей никто такъ часто не выступаетъ, какъ съ одной стороны жители сосѣдняго съ Дельфами большого города Амфиссы, съ другой — плигонейцы. Мало того: можно установить относительно этихъ мало кому извѣстныхъ плигонейцевъ, что ихъ община перестала существо- вать въ 190 году и слилась съ дельфійской. Въ 201—191 (по декабрь) они появляются въ Дельфахъ слишкомъ часто (болѣе 50 лицъ, многіе по нѣскольکو разъ) и всегда обозначаются какъ Πλυγονεῖς. Съ 190 года всякое упоминаніе о „плигонейцахъ“ прекращается, но за то многіе прежніе плигонейцы послѣ этого года называются уже „дельфійцами“. Судьбу ихъ го- рода или деревни нужно ставить въ связь съ событіями на- чала лѣта 190 года: тогда консулъ 191 года Глабріонъ, вое- вавшій противъ этолійцевъ, бывшихъ въ союзѣ съ сирійскимъ царемъ Антиохомъ, долго и упорно осаждалъ Амфиссу; во время этой осады и могъ быть разрушенъ городъ плигоней- цевъ, а жители — переселиться въ Дельфы, или же соеди- неніе ихъ съ Дельфами состоялось при извѣстномъ регули- рованіи границъ дельфійской области, произведенномъ подъ руководствомъ того же Глабріона.

Прибывшіе на смѣну Глабріону Сципіоны, спѣша въ Азію противъ Антиоха, сняли осаду съ Амфиссы и отпра- вились на востокъ. Рѣшительное пораженіе Антиоку нанесено было при Магнисіи въ концѣ того же года (190). Въ пред- варительномъ договорѣ о мирѣ, заключенномъ тогда въ Азіи, говорится, что Антиохъ долженъ выдать римлянамъ Аннибала карфагенскаго, Феоанта этолійскаго, Мнасилоха акарнанскаго и Филона и Еввулида халкидскихъ (Polyb. XXI, 17). Въ 189 году условія мира были формулированы въ Римѣ, а въ 188 году окончательное установленіе условій и приведеніе ихъ въ исполненіе сдѣлано на мѣстѣ въ Азіи прибывшей туда комиссіей изъ 10 легатовъ. При этомъ въ договорѣ (Polyb. XXI 45) говорится: „Антиохъ долженъ выдать, если будетъ возможно, Аннибала (слѣдуетъ перечень тѣхъ же 4 лицъ) и изъ этолійцевъ всѣхъ тѣхъ, которые εἰλήφασιν союзныя должности“. Это εἰλήφασιν, кажется, всѣ

изсѣдователи и переводчики относятъ къ прошедшему времени и переводятъ посредствомъ „занимали“ и т. п., хотя получается странность: требуется выдача, конечно, представителей антиримской партіи, а вѣдь какихъ нибудь 10 лѣтъ раньше этолійцы дѣйствовали за одно съ римлянами, слѣд. и среди этолійцевъ, „занимавшихъ“ тогда союзныя должности (т. е. президента = стратига, начальника конницы = иппарха и союзнаго секретаря), были, конечно, сторонники Рима. Правильно передано *εἰλήφασιν* лишь въ недавнемъ переводѣ Поливія проф. Мищенко: „всѣхъ этолянъ занимающихъ союзныя должности“, т. е. въ моментъ договора, въ первой половинѣ антиципированнаго юліанскаго 188 года (189/188). Но переводъ не использованъ: почему въ самомъ дѣлѣ отъ Антиоха изъ Азіи требуютъ выдачи этолійскихъ властей 189/8 года? Въ 189 году римляне дали миръ и этолійцамъ; въ договорѣ (Polyb. XXI 32) между прочимъ говорится: этолійцы должны дать римскому „военачальнику на шесть лѣтъ 40 заложниковъ, не моложе 12 лѣтъ и не старше 40, по выбору римлянъ, но за исключеніемъ союзнаго военачальника (т. е. стратига), начальника конницы и союзнаго писца и тѣхъ, которые уже находились въ Римѣ заложниками“ = *χωρὶς στρατηγού καὶ ἱππάρχου καὶ δημοσίου γραμματέως καὶ τῶν δμηρευόντων ἐν Ῥώμῃ*. Это — переводъ проф. Мищенко, и также переводятъ и понимаютъ всѣ и не удивительно, такъ-какъ уже 1900 лѣтъ назадъ Титъ Ливій (XXXVIII, 11) фразу *χωρὶς* и пр. передалъ такъ: *obses ne esto praetor, praefectus equitum, scribe publicus neu quis qui ante obses fuit apud Romanos*. Итакъ 1900 лѣтъ думаютъ, что нельзя было представлять въ видѣ заложниковъ союзныхъ должностныхъ лицъ Этоліи и этолійцевъ, побывавшихъ уже раньше въ Римѣ заложниками. А, по мнѣнію референта, смыслъ тутъ обратный: этолійцы обязываются представить 40 заложниковъ по выбору римлянъ, сверхъ указанныхъ должностныхъ лицъ и сверхъ тѣхъ этолійцевъ, которые въ данное время уже находятся въ Римѣ заложниками. Подъ послѣдними разумѣются (чего никто не понималъ) тѣ главари антиримскаго движенія въ Этоліи, выдача которыхъ римлянами неоднократно ставилась непремѣннымъ условіемъ самага начала мирныхъ переговоровъ съ Этоліей; они въ моментъ заключенія договора, конечно, уже находятся въ Римѣ, а изсѣдователи въ угоду *qui ante fuit* Ливія даже измѣняли

чтеніе *ὁμηρευόντων* въ *ὁμηρευόντων*, или прибавляли *прѳтерон*. Съ другой стороны римляне желаютъ оставить Этолію безъ союзныхъ властей, требуя ихъ выдачи опредѣленно, не включая въ число 40 другихъ заложниковъ, — требуя или потому, что имъ было извѣстно антиримское настроеніе этихъ властей, или для того, чтобы содѣйствовать распаденію союза (*divide et impera*). Референтъ полагаетъ, что союзныя власти этолійцевъ 189/8 года постарались скрыться изъ Этолій и искали спасенія въ Азій, а потому именно въ окончательномъ договорѣ съ Антіохомъ въ 188 году римляне отъ послѣдняго и требуютъ, если будетъ возможно, выдачи „этолійцевъ, занимающихъ союзныя должности“. Документально отсутствіе по крайней мѣрѣ этолійскаго президента въ 189/8 г. подтверждается посредствомъ *argumentum ex silentio*: въ этомъ году (въ декабрѣ 189 — январѣ 188 и въ маѣ — іюнѣ 188 г.) жители Озольской Локриды, тогда и позднѣе вплоть до 166 года еще тѣсно связанной съ Этоліей, датируютъ свои документы не именемъ президента этолійскаго союза, какъ это было обычно и раньне и позднѣе, а именемъ *βούλαρχος τοῦ Λοκρικοῦ τέλεος*. Так. обр. и эта исключительная датировка, вызывавшая разныя толкованія ученыхъ, при предлагаемой комбинаціи и толкованіи фактовъ получаетъ естественное освѣщеніе. *)

Кромѣ указанныхъ общихъ засѣданій Общества въ отчетномъ году было пять открытыхъ засѣданій начавшаго функционировать въ концѣ прошлаго отчетнаго года Педагогическаго отдѣленія Общества. Отчетъ о дѣятельности послѣдняго слѣдуетъ ниже (отдѣлъ V-й).

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества въ 1899/1900 г. составляли:

1. Предсѣдатель Общества, ректоръ Юрьевскаго университета А. С. Будиловичъ,
2. Товарищъ пресѣдателя, профессоръ того-же университета М. Е. Красноженъ,

*) Резюмировано докладчикомъ.

3. Секретарь, профессоръ того-же университета А. В. Никитскій,
4. Казначей, профессоръ того-же университета С. К. Богусевскій,

Члены Совѣта:

5. Директоръ Юрьевской классической гимназій Н. И. Ивановъ,
6. Профессоръ Юрьевского университета В. Г. Алексѣевъ,
7. Профессоръ того-же университета, протоіерей А. С. Царевскій.
8. Товарищъ предсѣдателя Педагогическаго отдѣленія Общества, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского района Е. А. Гравитъ.

Библіотекаремъ Общества былъ наставникъ Юрьевской учительской семинаріи М. Н. Столяровъ.

Засѣданій Совѣта въ 1899/1900 г. было пять: 20. IX, 20. X, 9. XII 1899 г. и 3. IV и 19. V 1900 г. Совѣтъ принималъ предложенія объ избраніи новыхъ членовъ Общества и сообщалъ Обществу имѣющіяся свѣдѣнія о кандидатахъ, предлагаемыхъ къ избранію, обсуждалъ вопросы о времени и способѣ созванія засѣданій Общества, распоряжался хозяйственными дѣлами Общества, принималъ мѣры къ распространенію изданій Общества, прежде всего распредѣляя ихъ между членами Общества, затѣмъ разсылая ихъ различнымъ ученымъ учрежденіямъ, обществамъ, редакціямъ повременныхъ изданій и отдѣльнымъ лицамъ (II томъ „Сборника“ былъ разосланъ въ количествѣ 70 экземпляровъ), препровождая ихъ на комиссію въ книжные магазины разныхъ городовъ и сообщая въ печати о выходѣ „Сборника“ въ свѣтъ. Въ видахъ распространенія „Сборника“ Совѣтомъ возбуждено ходатайство предъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія о рекомендованіи „Сборника“ для приобрѣтенія въ бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго учебнаго округа; ко времени заключенія настоящаго отчета результатъ этого ходатайства еще не былъ извѣстенъ.*) Для пополненія бібліотеки Общества Совѣтъ

*) 26 мая 1900 г. получено сообщеніе, что I и II томъ „Сборника“ рекомендованы для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, „какъ всѣхъ вообще, такъ и въ особенности Рижскаго учебнаго округа.“

обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями, и такимъ путемъ получались въ отчетномъ году изданія университетовъ Юрьевского, Варшавскаго и Кіевскаго, Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Археографической Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ, Историко-Филологическаго Общества при томъ-же Институтѣ, Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края и журналы: „Вопросы философіи и психологіи“, „Душеполезное чтеніе“ и „Образованіе“. Отдѣльныя пожертвованія книгъ поступили отъ проф. Н. С. Суворова и членовъ Общества С. К. Богушевскаго и В. К. Трутовскаго. Далѣе Совѣтомъ весьма сочувственно было принято предложеніе г. бібліотекаря Общества М. Н. Столярова относительно постепеннаго образованія при Обществѣ собранія книгъ, брошюръ и статей, преимущественно на русскомъ языкѣ, прямо или косвенно относящихся къ исторіи и современной жизни Прибалтійскаго края, и начало осуществленія этой мысли положено обращеніемъ къ авторамъ подобныхъ изданій (или ихъ наслѣдникамъ) съ просьбой о пожертвованіи изданій или о сообщеніи условій ихъ пріобрѣтенія для Общества. Совѣтъ считаетъ пріятнымъ долгомъ съ благодарностью отмѣтить, что на призывъ его прежде всего откликнулись Д. Θ. Самаринъ, приславшій въ даръ Обществу 8 томовъ сочиненій брата его Ю. Θ. Самарина, и Е. И. Чешихина, принеся также въ даръ Обществу изданія мужа ея, Е. В. Чешихина (въ 10 частяхъ). Въ теченіе отчетнаго года въ бібліотеку вообще поступило 88 книгъ и выпусковъ и въ настоящее время въ бібліотекѣ имѣется 154 книги (въ томъ числѣ 52 выпуска періодическихъ изданій)*). Часть книгъ въ отчетномъ году была переплетена, при чемъ болѣе мелкія изданія для сокращенія расходовъ соединены въ общіе переплеты. Въ интересахъ г. г. членовъ Общества Совѣтомъ постановлено напечатать при данномъ отчетѣ и списокъ изданій, имѣющихся въ бібліотекѣ, составленный г. бібліотекаремъ (ст. отдѣлъ VII). Совѣтъ и въ истекшемъ году заботился о продолженіи изда-

*) Въ отчетномъ году было выдано г. г. членамъ Общества 35 книгъ, въ томъ числѣ 13 №№ періодическихъ изданій.

тельской дѣятельности Общества, печатая III томъ „Сборника“, состоящій изъ статей г. г. членовъ Общества, почти исключительно доложенныхъ въ свое время въ засѣданіяхъ Общества въ видѣ рефератовъ и рѣчей. Редакція III тома была возложена на товарища предсѣдателя М. Е. Красножена. Печатаніе научнаго отдѣла ко времени заключенія отчета уже почти закончено, и выходъ въ свѣтъ III тома съ присоединеніемъ официальнаго отдѣла состоится въ началѣ іюня 1900 г. Наконецъ, Совѣтъ занимался въ послѣднемъ засѣданіи разсмотрѣніемъ отчетовъ, представленныхъ секретаремъ, казначеемъ и библіотекаремъ, и составленіемъ общаго отчета за 1899/1900 г.

III. Касса Общества

за время съ 2 іюня 1899 г. по 19 мая 1900 г.

Приходъ.

	Р.	К.
Остатокъ отъ 1898/99 г.	152	51
Членскіе взносы	114	—
Отъ продажи I и II т. „Сборника“	22	20
Пособіе отъ Правленія Юрьевского Универс.	300	—
Прочія поступленія	7	71
Итого	596	42

Расходъ.

	Р.	К.
По счету печатанія I т. „Сборника“	90	85
По счету печатанія II т. „Сборника“	300	—
Публикаціи	22	36
Канцелярскіе и почтовые расходы	63	06
Прочіе расходы	17	60
Итого	493	87

Касса къ 20 мая 1900 г.

	Р.	К.
На текущемъ счетѣ въ Псковскомъ Коммерче- скомъ Банкѣ	67	71
Наличными деньгами	34	84
Итого	102	55

Б.

IV. СМѢТА.

на годъ съ 20 мая 1900 г. по 20 мая 1901 г.

Приходъ.

	Р.	К.
Остатокъ отъ 1899/1900 г.	102	55
Членскіе взносы	140	—
Отъ продажи I, II и III т. „Сборника“	50	—
Пособіе отъ Правленія Юрьевского Университета	300	—
Прочія поступленія	7	45
Итого	600	—

Расходъ.

	Р.	К.
По счету печатанія II тома „Сборника“	182	47
За печатаніе III тома „Сборника“	500	—
На бібліотеку	20	—
Публикаціи	25	—
Канцелярскіе и почтовые расходы	72	53
Итого	800	—

В.

V. Отчетъ

о дѣятельности Педагогическаго Отдѣленія Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за первый (1899—1900) годъ его существованія.

Педагогическое Отдѣленіе Учено-Литературнаго Общества начало свою дѣятельность при слѣдующемъ составѣ должностныхъ лицъ:

Предсѣдатель Отдѣленія — директоръ Юрьевской гимназіи Н. И. Ивановъ.

Товарищъ его — инспекторъ народныхъ училищъ Е. А. Гравитъ.

Секретарь — инспекторъ реального училища В. О. Заицъ.

Всѣхъ членовъ Отдѣленія къ концу отчетнаго года состоитъ 64; въ томъ числѣ лицъ, находящихся на учебной службѣ въ Юрьевскомъ университетѣ, 25, прочихъ лицъ 39; всѣ они живутъ въ г. Юрьевѣ.

Отдѣленіе въ отчетномъ 1899—1900 году имѣло 3 закрытыхъ засѣданія и 5 открытыхъ.

Засѣданіе 12 мая 1899 года.

Въ засѣданіи присутствовали 16 членовъ Отдѣленія.

Засѣданіе было посвящено избранію должностныхъ лицъ Отдѣленія, названныхъ выше.

Засѣданія 2 іюня 1899 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовало 24 члена Отдѣленія.

I. Въ открытомъ засѣданіи Отдѣленія Н. И. Ивановъ сдѣлалъ сообщенія на темы: 1) „Памяти А. А. Хованскаго“ и 2) „Къ исторіи вопроса — о приготовленіи учителей для среднихъ учебныхъ заведеній“.

На первое сообщеніе были сдѣланы замѣчанія Н. Я. Кипріяновичемъ, на второе — В. Е. Данилевичемъ, Д. Н. Золотаревымъ, Н. Я. Кипріяновичемъ и А. П. Павловымъ.

II. Въ закрытомъ засѣданіи Отдѣленія обсуждали программу дѣятельности Отдѣленія, и по обсужденіи этого вопроса постановлено: 1) желательно собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, 2) желательны: а) обзоръ теоретической разработки педагогическихъ вопросовъ, б) обзоръ текущей педагогической литературы и учебниковъ и в) раздѣленіе труда по обзору текущей педагогической литературы.

Засѣданія 16 октября 1899 года.

Въ засѣданіяхъ присутствовало 22 члена Отдѣленія, а также многіе гости; кромѣ того, открытое засѣданіе почтилъ своимъ присутствіемъ Управлявшій Рижскимъ учебнымъ округомъ В. Я. Поповъ.

I. Въ открытомъ засѣданіи Отдѣленія предсѣдателемъ Отдѣленія Н. И. Ивановымъ предложено членамъ и гостямъ почтить память покойнаго Попечителя Рижскаго учебнаго округа Н. А. Лавровскаго вставаніемъ, что и было исполнено. Послѣ того Н. И. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Педагогическіе труды Н. А. Лавровскаго. Посвящается его памяти“.

II. Въ закрытомъ засѣданіи Отдѣленія было постановлено поручить товарищу предсѣдателя Отдѣленія Е. А. Гравиту присутствовать въ Совѣтъ Общества, на основаніи § 10-го Устава Общества.

Засѣданіе 18 декабря 1899 года.

Въ открытомъ засѣданіи присутствовало 18 членовъ Отдѣленія.

Н. И. Ивановъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Объ учебныхъ предметахъ и учебникахъ въ средней школѣ (по поводу предполагаемой реформы этой школы)“.

Важнѣйшія положенія доклада:

1. Учебный предметъ средней школы нельзя разсматривать ни какъ науку вообще, ни какъ науку сокращенную (мнѣніе г. Каптерева).

2. Учебный предметъ можетъ быть разсматриваемъ лишь, какъ особый пріемъ или, лучше сказать, рядъ пріемовъ въ выборѣ и изложеніи научнаго матеріала.
3. Учебникъ не можетъ и не долженъ быть остономъ науки (мнѣніе проф. Карѣва).
4. Избранный со строго педагогической точки зрѣнія научный матеріалъ учебникъ долженъ представлять не въ сухомъ отвлеченно-научномъ изложеніи, а въ изложеніи по возможности наглядномъ и во всякомъ случаѣ строго соотвѣтственномъ развитію учащихся.
5. Существующее распредѣленіе учебныхъ предметовъ по классамъ не нормально и отзывается вредно какъ на обученіи, такъ и на серьезности содержанія самыхъ учебныхъ предметовъ.
6. Наиболѣе цѣлесообразнымъ представляется распредѣленіе учебнаго матеріала всѣхъ учебныхъ предметовъ по концентрическимъ кругамъ.
7. Такихъ концентрическихъ круговъ въ гимназій съ подготовительнымъ классомъ могло бы быть три, по три класса въ каждомъ.

Первый кругъ долженъ представлять исключительно подготовительную ступень, состоящую въ практическихъ занятіяхъ по учебнымъ предметамъ съ весьма ограниченной дозой теоріи, т. е. того, что не можетъ быть представлено непосредственно наглядно.

Второй кругъ долженъ заключать наряду съ практическими упражненіями элементарный теоретическій курсъ.

Третій курсъ — возможные въ средней школѣ систематическіе курсы, сопровождаемые соотвѣтственнымъ чтеніемъ и практическими занятіями.

Замѣчанія по поводу этого сообщенія сдѣланы были г.г.: В. О. Занцемъ, Д. Н. Золотаревымъ, И. С. Проданомъ и М. Н. Столяровымъ.

Засѣданіе 26 февраля 1900 года.

Въ открытомъ засѣданіи присутствовало 18 членовъ Отдѣленія и трое гостей.

В. О. Заицъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Что такое хорошій урокъ?“, основанное на сочиненіи г. Бобров-

никова подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ замѣчаніяхъ на разбираемую книгу докладчикъ особенно подробно остановился на сущности натурального метода преподаванія чужихъ языковъ въ народной школѣ, основываясь, главнымъ образомъ, на статьѣ г. Шаталова о преподаваніи русскаго языка въ инородческой школѣ (Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ. за 1897 г., № 3).

Это сообщеніе вызвало прежде всего слѣдующія замѣчанія А. С. Невзорова: референтъ не указалъ, что такое хорошій урокъ, ссылаясь на статью г. Шаталова, основанную на ложныхъ посылкахъ, напрасно не возразилъ энергично г. Бобровникову по поводу нѣкоторыхъ его мнѣній. Оппонентъ выразился за безусловную необходимость отдѣльнаго учителя для каждаго отдѣленія школы.

Потомъ возраженія сдѣлалъ И. И. Дависъ: о необходимости для учителя любви къ ученикамъ; о неизбѣжности отдѣленій въ училищахъ для народа; о непримѣнности натурального метода въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; о необходимости въ народной школѣ переводнаго метода въ качествѣ вспомогательнаго, потому что натуральнымъ методомъ нельзя дать точныхъ, опредѣленныхъ понятій о предметахъ и нельзя такъ скоро изучить языкъ; о невозможности учить орфографіи безъ грамматики.

Далѣе возраженія сдѣлалъ В. Е. Данилевичъ. По его заявленію, въ Кавказскомъ учебномъ округѣ, гдѣ переводы не допускаются, успѣхи въ русскомъ языкѣ прекрасные, при домашнемъ обученіи иностранные языки изучаются безъ переводовъ; азбуки и звуки у многихъ инородцевъ имѣютъ очень мало сходства съ русскими.

И. И. Дависъ возразилъ, что онъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, Рижскій учебный округъ, гдѣ можно пользоваться переводнымъ методомъ какъ вспомогательнымъ.

А. С. Невзоровъ объяснилъ возраженія И. И. Дависа основанными на недоразумѣніяхъ. Необходимости любви учителя къ ученикамъ онъ не отрицалъ. Успѣхи возможны при обученіи новому языку только на этомъ языкѣ.

В. Е. Данилевичъ заявилъ, что примѣры, приведенные И. И. Дависомъ о неудачномъ объясненіи русскихъ словъ на курсахъ русскаго языка въ г. Юрьевѣ, ничего не доказываютъ. Для Рижскаго учебнаго округа примѣнимъ тотъ же натуральный методъ, что и въ другихъ мѣстахъ.

И. И. Дависъ заявилъ, что онъ говорилъ только объ объясненіи непонятныхъ словъ переводнымъ методомъ.

Т. Л. Шаталовъ высказался за рациональность метода Н. И. Ильминскаго для Казанскаго учебнаго округа.

Референтъ вошелъ въ подробности относительно преподаванія натуральнымъ методомъ не только въ начальной, но и въ средней школѣ.

М. Н. Столяровъ сдѣлалъ возраженія по поводу затрудненій при натуральномъ методѣ.

Окончаніе преній отложено до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе 18 марта 1900 года.

Въ открытомъ засѣданіи присутствовали 21 членъ Отдѣленія и 7 гостей.

И. Н. И. Ивановъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія на предыдущій рефератъ.

а) О составѣ урока: нельзя примѣнять строго логическій составъ урока, въ особенности на первой ступени обученія, такъ что согласиться вполне съ г. Бобровниковымъ нельзя.

б) Г. Бобровниковъ отрицаетъ занятія грамматикой для выработки навыковъ правописанія, съ чѣмъ нельзя согласиться.

в) Авторъ односторонне смотритъ на списываніе съ книги.

г) Авторъ отрицаетъ значеніе пересказовъ. Является непонятнымъ, что авторъ разумѣетъ подъ „самостоятельными сочиненіями“. Авторъ заблуждается, предполагая, что у учениковъ, начинающихъ ученіе, есть занасъ мыслей. Лишь у отдѣльныхъ учениковъ могутъ быть такіе таланты, что они могутъ написать самостоятельное сочиненіе, — и искусство изложенія начинается съ подражанія.

И. И. И. Дависъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „О первоначальномъ преподаваніи русскаго языка въ пнородческихъ училищахъ?“

Референтъ прежде всего указалъ на преимущества обученія по естественной методѣ передъ обученіемъ по грамматическому способу. Обученіе по первой методѣ состоитъ: 1) изъ подготовительныхъ бесѣдъ, 2) изъ обученія грамотѣ, 3) изъ обученія чтенію и 4) изъ письменныхъ работъ. Гра-

мотѣ надо учить лишь тогда, когда дѣти уже понимаютъ устную рѣчь. Этому требованію вполне удовлетворяетъ обученіе по естественной методѣ. Предметы по возможности показываются. Если не все возможно показать, то надо пользоваться слѣдующими приемами.

1. Мѣсто предметовъ, ихъ дѣйствія и качества показываются на моделяхъ или картинахъ.
2. Указываются ученикамъ уже извѣстные предметы и явленія, на основаніи чего они переходятъ къ пониманію новыхъ предметовъ и явленій.
3. Сравниваются извѣстные предметы и явленія по контрасту.
4. Неизвѣстное видовое понятіе подводится подъ родовое.
5. Неизвѣстное родовое понятіе объясняется приведеніемъ видовыхъ понятій.
6. Составляется характерное описаніе предмета.
7. Объясняется понятіе при помощи словопроизводства.
8. Переводъ, какъ приемъ для объясненія словъ, а не переводная система“.

Переводомъ нужно пользоваться съ большою осторожностью. Прибѣгать къ этому приему надо тогда, когда объясненіе по другимъ приемамъ заняло бы больше времени. Этимъ приемомъ надо пользоваться въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. когда то или иное понятіе извѣстно на родномъ языкѣ;
2. для провѣрки того, понимаютъ ли ученики то или иное слово;
3. при объясненіи производныхъ словъ.

Послѣ того референтъ говорилъ о тѣхъ результатахъ, которые получаются отъ уроковъ учителей, не признающихъ перевода, какъ приема.

Референтъ привелъ нѣкоторыя мѣста изъ книги Шельцеля. По мнѣнію И. И. Дависа, ученики, обучающіеся по книгѣ Шельцеля, знаютъ лишь предметы и дѣйствія, а слѣдовательно разговорной рѣчи не усваиваютъ.

Указавъ, что полезно учениковъ — инородцевъ предварительно обучить читать и писать по — инородчески, референтъ указалъ порядокъ занятій и перечень письменныхъ работъ, а затѣмъ привелъ нѣсколько уроковъ съ цѣлью показать, какъ ведется преподаваніе по естественному методу.

На сообщеніе И. И. Дависа сдѣлалъ замѣчанія Н. И. Ивановъ: 1) утвержденіе, что безъ перевода, какъ вспомогательнаго средства, обойтись нельзя, не совсѣмъ вѣрно;

2) недостатки успѣховъ преподаванія по методу Шельцеля заключаются въ нерациональномъ распредѣленіи матеріала, а не въ отсутствіи перевода, какъ вспомогательнаго средства.

И. И. Дависъ указалъ, что краткость времени обученія и обиліе учениковъ въ классѣ заставляють пользоваться переводомъ какъ пріемомъ. Кромѣ того, книга Шельцеля составлена плохо, а лучшей нѣтъ.

Г.

VI. Протоколъ

ревізійной комиссіи Учено - Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ.

Избранная въ засѣданіи Общества 5 іюня 1899 года ревізійная комиссія, въ составѣ членовъ: В. К. Мальмберга, Я. К. Неготина и В. О. Заица, произвела 23 мая 1900 года повѣрку кассы, отчета и бібліотеки и нашла бумаги и книги секретарей Общества и Педагогическаго Отдѣленія въ исправности, денежные средства и бібліотеку Общества въ сохранности и въ порядкѣ. Все ведено правильно.

Члены ревізійной комиссіи: Заицъ.

Я. Неготинъ.

Вл. Мальмбергъ.

Д.

VII. Библіотека Общества.

Бердниковъ, И. С. Арханческое направленіе въ церковномъ правѣ. Казань, 1896.

— Бракъ, разсматриваемый въ своей природѣ и со стороны формы его заключенія. Казань, 1896.

— Государственное положеніе религіи въ Римско-Византійской имперіи. Т. I. Государственное положеніе религіи въ Римской имперіи (до Константина В.). Казань, 1881.

✓ — Забѣтки о раскольникѣмъ бракѣ. (Три брошюры). Казань, 1895, 1896 и 1897.

— Краткій курсъ церковнаго права. Казань, 1886. Дополненіе. Казань, 1889.

— Краткій очеркъ учебной и ученой дѣятельности Казанской духовной академіи за 50 лѣтъ ея существованія (1842—1892). Казань, 1892.

— Къ вопросу о государственномъ положеніи религіи. Рѣчь. Казань, 1881.

— Новое государство въ его отношеніи къ религіи. Рѣчь. Казань, 1888.

— Новые опыты курса православнаго церковнаго права. Казань, 1890.

— Нѣсколько словъ по поводу рецензій на изслѣдованіе проф. А. С. Павлова о 50-й главѣ Кормчей книги. Казань, 1891.

— О воспріемничествѣ при крещеніи и о духовномъ родствѣ, какъ препятствіи къ браку. Отвѣтъ на брошюру А. С. Павлова. Казань, 1892.

— Отвѣтъ на анонимную рецензію на мою книгу: „Краткій курсъ церковнаго права“. Казань, 1888.

— Отвѣтъ проф. Павлову на его „Продолжающіяся недоумѣнія по вопросу о воспріемничествѣ“. Казань, 1893.

— Отзывъ объ ученыхъ трудахъ Н. Θ. Красносельцева. Казань, 1895.

— Разборъ сочиненія проф. свящ. М. Горчакова: „О тайнѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й главы печатной Кормчей книги“. СПб., 1884.

- Бердниковъ, П. С. Церковное право, какъ особая самостоятельная правовая область, и его отношеніе къ общей системѣ права. Вступит. лекція. Казань, 1885.
- Бобровъ, Е. А. Новая реконструкція монадологіи Лейбница. Юрьевъ, 1896.
- О понятіи искусства. Умозрительно-психологическое изслѣдованіе. Юрьевъ, 1894.
- Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности. Юрьевъ, 1895.
- Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ, 1897.
- Веселовскій, А. Н. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ, 1888.
- Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. Москва, 1896.
- Этюды и характеристики. Москва, 1894.
- Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ. Москва, 1881.
- ✓ Висковатовъ, П. А. Сжатый обзоръ исторіи новой русской литературы. Дерптъ, 1892.
- Дашкевичъ, Н. П. 25-лѣтіе Историческаго Общества Нестора-лѣтописца. Рѣчь и историч. записка. Кіевъ, 1899.
- Древности. Труды Археографической Коммисіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. I, вып. 1—3. Москва, 1898—1899.
- Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. XVII. Нѣжинъ, 1899.
- Кестлинъ Юлій. Существо Церкви по ученію и исторіи Новаго Завѣта. Пер. съ предисл. Н. Суворова. Ярославль, 1882.
- Красноженъ, М. Е. О разводѣ въ Россіи. Историческій очеркъ. М., 1899.
- Происхожденіе старо-католичества и IV интернаціональный старо-католическій конгрессъ. Юрьевъ, 1898.
- Старые и новые законы о бракѣ. Юрьевъ, 1898.
- Толкователи каноническаго кодекса Восточной Церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ. Москва, 1892.
- Лебедевъ, В. А. Бумажные деньги. Рѣчь. СПб., 1889.
- Городскіе финансы и квартирный налогъ (Изъ „Рус. Экономич. Обозрѣнія“ за 1898 г., № 4).
- Графъ Е. Ф. Канкринъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. СПб., 1896.

- Лебедевъ, В. А. Мѣстные налоги въ Англіи (Изъ „Рус. Эконом. Обзор“. 1898 г.).
- Мѣстные налоги. Опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія. СПб., 1886.
- Націонализація земли и поземельная реформа (Изъ „Журн. Юридич. Общ“. 1896 г.).
- Новое городовое положеніе. (Изъ Журн. „Юридическ. Лѣтопись“ 1892 г. ноябрь).
- О поземельномъ налогѣ. СПб., 1886.
- Питейное дѣло. СПб., 1898.
- Сообщение о предстоящей денежной реформѣ. СПб., 1896.
- Финансовое право. Т. I, (вып. 1—3). 2-е изд. СПб., 1889—1893. Т. II, (вып. 4). СПб., 1885. Приложение къ Т. I. Обзоръ современныхъ бюджетовъ. СПб., 1893.
- Маасенъ, Фр. Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти. Пер. съ нѣм. съ предислов. Н. Суворова. Ярославль, 1882.
- Осокинъ, Н. А. Исторія среднихъ вѣковъ. Т. I и II (2 ч.). Казань, 1888—89.
- Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края за 1895 г. Астрахань, 1897.
- Тоже за 1897 г. Астрахань, 1899.
- Русскія древности въ памятникахъ искусства, издав. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. Вып. I—VI. СПб., 1889—1899. (Вып. IV въ 2 экз.).
- Самаринъ, Ю. О. Собраніе сочиненій. Т. II, III, V—X. М. 78—98.
- Сборникъ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ князя Безбородко въ Нѣжинѣ. Т. I. Кіевъ, 1897. Т. II. Нѣжинъ, 1899.
- Сборникъ матеріаловъ для исторіи Румянцовскаго Музея. Вып. II. М. 1886.
- Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. I—III. Рига, 1877, 1879 и 1880.
- Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, т. XI. Харьковъ, 1899.
- Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. М. 1891.
- Суворовъ, Н. С. Вѣра и дѣла. Лекція. Ярославль, 1889.
- Къ вопросу о западномъ вліяніи на древне-русское право. Ярославль, 1893.

- Суворовъ, Н. С. Къ вопросу о тайной исповѣди и о духовникахъ въ Восточной Церкви. Ярославль, 1886.
- Вопросъ о Номоканонѣ Іоанна Постника въ новой постановкѣ. Ярославль, 1898.
 - О гражданскомъ бракѣ. Ярославль, 1887.
 - О церковныхъ наказаніяхъ. Опытъ изслѣдованія по церковному праву. СПб., 1876.
 - Памяти А. С. Павлова. СПб., 1898.
 - Средневѣковые университеты. М., 1898.
 - Учебникъ церковнаго права. Ярославль, 1898.
 - Христіанская благотворительность въ языческой Римской имперіи. Лекція. Ярославль, 1889.
- Тейхмюллеръ, Г. Безсмертіе души. Пер. А. К. Николаева. Юрьевъ, 1895.
- Дарвинизмъ и философія. Пер. А. К. Николаева. Юрьевъ, 1894.
- Трутовскій, В. К. Текіе Афганъ Мохаммедъ-султана въ г. Касимовѣ и вновь открытыя въ ней могильныя плиты съ надписями. М. 1891.
- Уставъ, составъ, отчетъ о дѣятельности, списокъ рефератовъ, сообщеній, рѣчей и публичныхъ лекцій и протоколы собраній Курскаго юридическаго общества за 1897/8 годъ. Курскъ, 1898.
- Чешихинъ, Е. В. Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ. 7 вып. Рига, 1884—87.
- Чумиковъ, А. А. Къ исторіи сношеній Россіи съ Швеціей при царѣ Иванѣ IV. Москва, 1895.
- Неизданные русскіе акты XV—XVI вв. Ревельскаго городского архива (Изъ „Чтеній въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1897 г., кн. II).
 - Осада Ревеля (1570—1571) герцогомъ Магнусомъ, королемъ Ливонскимъ, голдовникомъ царя Івана Грознаго. М., 1891.
 - Старое и новое о наболѣвшихъ вопросахъ воспитанія (Изъ журн. „Образованіе“ 1897 г., іюль).

Періодическія изданія.

- „Варшавскія Университетскія Извѣстія“ за 1900 г.
- „Вопросы Философін и Психологін“ за 1899 и 1900 г.г.
- „Душеполезное Чтеніе“ за 1900 г.
- „Образованіе“ за 1899 г.

„Университетскія Извѣстія“ (Кіевъ) за 1899 и 1900 г.г.

„Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета“ за 1898 г. (№№ 1—2), за 1899 г. (№№ 2, 4 и 5) и за 1900 г.

„Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1899 и 1900 г.г.

Е.

VIII. Спѣсокъ

ч л е н о в ъ О б щ е с т в а .

Дѣйствительные члены*):

1. Александровъ, Николай Александровичъ, доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.)
3. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
- 4.* Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
5. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
6. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
7. Будиловичъ, Антонъ Семеновичъ, ректоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
8. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
9. Васильевъ, Степанъ Михайловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

*) Звѣздочкой обозначены г.г. члены, не участвующіе въ Педагогическомъ отдѣленіи Общества.

10. Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ Юрьевского городского училища (съ 26 августа 1898 г.).
11. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
12. Горушкина, Надежда Никифоровна, надзирательница Юрьевской женской гимназiи А. С. Пушкина (съ 30 октября 1899 г.).
13. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 29 января 1898 г.).
14. Дависъ, Иванъ Ивановичъ, учитель городского училища (съ 22 октября 1898 г.).
15. Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
16. Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
17. Заицъ, Василій Осиповичъ, инспекторъ реального училища (съ 26 марта 1898 г.).
18. Зачинскій, Адамъ Францовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
19. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, учитель гимназiи (съ 29 мая 1899 г.).
20. Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ гимназiи (съ 19 декабря 1897 г.).
21. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
22. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
23. Кириановичъ, Николай Яковлевичъ, инспекторъ гимназiи (съ 10 мая 1898 г.).
24. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
25. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
26. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
27. Кривцова, Варвара Васильевна, жена профессора университета (съ 26 марта 1898 г.).
28. Кривцовъ, Александръ Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
29. Кувичинская, Елена Федоровна, учительница Юрьевской женской гимназiи А. С. Пушкина (съ 18 марта 1899 г.).

30. Курчинскій, Василій Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
31. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
32. Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
33. Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, учитель реального училища (съ 30 сентября 1899 г.).
34. Михайловъ, Александръ Васильевичъ, ассистентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
35. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
36. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
37. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
38. Никитскій, Александръ Васильевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
- 39.* Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
40. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
41. Павловъ, Александръ Павловичъ, учитель гимназій (съ 23 октября 1897 г.).
- 42.* Петровъ, Василій Васильевичъ, учитель гимназій (съ 23 октября 1897 г.).
43. Придикъ, Александръ Мартыновичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
44. Проданъ, Исидоръ Савичъ, учитель гимназій (съ 30 сентября 1899 г.).
45. Птицына, Софія Яковлевна, классная надзирательница Юрьевской женской гимназій А. С. Пушкина (съ 30 октября 1899 г.).
46. Пѣтуховъ, Евгенийъ Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
47. Рейникъ, Мартынъ Діонисіевичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
48. Роше, Степанъ Ивановичъ, лекторъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
49. Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназій (съ 30 сентября 1899 г.).

50. Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающій 2-мъ Юрьевскимъ городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
51. Сироткинъ, Павелъ Андреевичъ, учитель городского училища (съ 10 мая 1898 г.).
52. Скрябинъ, Николай Александровичъ, учитель гимназій (съ 29 января 1898 г.).
53. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
55. Токарская, Евгенія Антоновна, учительница женской гимназій А. С. Пушкина (съ 18 марта 1899 г.).
56. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
57. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназій въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
58. Троицкая, Зиновія Алексѣевна, учительница Юрьевской женской гимназій А. С. Пушкина (съ 30 окт. 1899 г.).
59. Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназій (съ 16 мая 1900 г.).
- 60.* Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1899 г.).
- 61.* Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ Юрьевѣ (съ 30 октября 1899 г.).
62. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
63. Цвѣткова, Марія Ивановна, учительница Юрьевской женской гимназій А. С. Пушкина (съ 30 октября 1900 г.).
64. Черноусовъ, Евгеній Александровичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
65. Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
- 66.* Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
67. Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель реального училища (съ 18 марта 1899 г.).

68. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начального при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
69. Янковичъ, Марія Адамовна, учительница Юрьевской женской гимназіи А. С. Пушкина (съ 23 октября 1897 г.).
70. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

Ж.

IX. Совѣтъ Общества на 1900/1 г.

Предсѣдатель — А. С. Будиловичъ.

Товарищъ предсѣдателя — М. Е. Красноженъ.

Секретарь — А. В. Никитскій.

Казначей — Е. А. Гравитъ (онъ-же товарищъ предсѣдателя Педагогическаго отдѣленія).

Члены Совѣта: Н. И. Пвановъ (онъ-же предсѣдатель Педагогическаго отдѣленія), В. К. Мальмбергъ и В. О.

Зайцъ (онъ-же секретарь Педагогическаго отдѣленія).

Библіотекарь — М. Н. Столяровъ.

Отдѣлъ научный.

Нѣсколько данныхъ и соображеній объ успѣхахъ русскаго языка въ Юрьевскомъ (б. Дерптскомъ) университетѣ въ истекаю- щемъ столѣтіи.

Рѣчь, прочитанная 10 мая 1898 г. въ годичномъ собраніи состоящаго при
этомъ Университетѣ Учено-литературнаго общества.

Мм. Гг.

Хотя исторія Юрьевскаго университета еще не написана, вслѣдствіе чего отдѣльныя стороны ея, въ томъ числѣ и положеніе въ немъ русскаго языка, далеко еще не выяснены, тѣмъ не менѣе главные моменты этого вопроса могутъ уже быть освѣщены въ общихъ чертахъ, на основаніи опубликованныхъ¹⁾ документовъ и по актамъ университетскаго архива.

Извѣстно, что въ учредительной грамотѣ Юрьевскаго университета (отъ 12 дек. 1802 г.) и въ первомъ уставѣ его (отъ 12 сент. 1803 г.) ничего не сказано о языкѣ преподаванія въ этомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе уже изъ цѣли послѣдняго, выраженной въ грамотѣ 12 дек. 1802 г. словами: „распространеніе человѣческихъ познаній въ наниемъ государствъ и купно образованіе юношества на службу отечества“, а въ § 1-омъ устава 1803 г. словами: „учрежденъ въ Россійской имперіи для общаго блага, въ особенности же

1) Главнымъ образомъ въ Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Пр. (тт. I—XII), въ Сборникѣ распоряженій М. Н. Пр. (тт. I—V) и въ Циркулярахъ Рижскаго (б. Дерптскаго) Уч. Окр. за 1886 слл. годы.

для пользы губерній Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской“, — видно, что здѣшній университетъ не могъ не отличаться въ этомъ отношеніи отъ университетовъ нѣмецкихъ, призванныхъ служить не русскому государству и отечеству, а нѣмецкому фатерланду.

Въ самомъ дѣлѣ, въ здѣшнемъ университетѣ уже по уставу 1803 г. (гл. VI) положены были особыя профессуры: 1. руссiйскаго языка и словесности, 2. исторiи, статистики и географiи Россiйскаго государства, а въ особенности Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской губерній и 3. теоретическаго и практическаго руссiйскаго правовѣдѣнія. Между лекторами же на первомъ планѣ тутъ поставленъ лекторъ руссiйскаго языка, а за нимъ уже слѣдуютъ лекторы языковъ нѣмецкаго, латышскаго, эстляндскаго и финляндскаго, французскаго и англійскаго.

Всѣ эти каѳедры оставлены были и по уставу 1820 г. (§§ 74, 75), за изыятіемъ каѳедры русской исторiи, географiи и статистики, переименованной въ общую каѳедру „статистическихъ и географическихъ наукъ“. Но въ послѣдствіи, указомъ 15 мая 1853 г. была здѣсь возстановлена особая каѳедра русской исторiи, которая была сохранена и въ уставѣ 1865 г. Наряду съ нею положены по этому уставу еще каѳедры: 1) русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще и 2) русскаго права. Что же касается лектуры русскаго языка, положенной по уставамъ 1803 и 1820 г. и по Высочайшему повелѣнію 1 іюня 1837 г., съ обязательствомъ читать не менѣе 6 часовъ въ недѣлю¹⁾, то лектура эта не значится въ уставѣ 1865 г., но обязанности такого лектора перешли на одного изъ десяти штатныхъ доцентовъ, положенныхъ по этому уставу²⁾. Кромѣ того въ уставѣ 1865 г. значится особая каѳедра православнаго богословія, впервые намѣченная гр. Уваровымъ во всеподданнѣй-

1) Сборн. постановл. II, 1009.

2) Сборн. постановл. IV, 111.

шемъ отчетѣ о ревизіи Дерптскаго учебнаго округа отъ 20 іюня 1833 г.¹⁾ и установленная указомъ 31 окт. 1833 г.²⁾. Впослѣдствіи учреждена была еще указомъ 23 дек. 1880 г. особая каѳедра для „сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій“. Повидимому, это та же каѳедра, которую имѣлъ въ виду Петръ В., когда въ „Аккордныхъ пунктахъ съ лифляндскимъ рыцарствомъ“ отъ 12 окт. 1710 г. выразилъ готовность сохранить въ г. Перновѣ университетъ, съ тѣмъ, чтобы въ немъ былъ назначенъ особый профессоръ для „славонскаго языка“: *welcher in der Slawonischen Sprache profitieren und dieselbe alldorten mit introducieren könne*³⁾.

На юридическомъ факультетѣ указомъ 4 февр. 1889 г. учреждены были особыя каѳедры для 1) русскаго гражданскаго права и судопроизводства и 2) исторіи русскаго права, — вообще, былъ преобразованъ составъ каѳедръ, въ смыслѣ сближенія съ таковымъ въ прочихъ русскихъ университетахъ.

Естественно было бы предполагать, что преподаваніе по каѳедрамъ, посвященнымъ изученію Россіи, ея языка, словесности, права, исторіи, географіи, будетъ вестись на языкѣ русскомъ. Но, насколько извѣстно, это выдерживалось только на лектурѣ русскаго языка и каѳедрѣ русской словесности, да еще на каѳедрѣ православнаго богословія. По прочимъ же изъ упомянутыхъ каѳедръ допускаемы были отступленія въ пользу языка нѣмецкаго, хотя правительство неоднократно требовало русскаго преподаванія по этимъ каѳедрамъ. Такъ изъ протоколовъ совѣта видно, что 30 окт. 1842 г. попечитель, по порученію министра н. пр., предписалъ, чтобы лекціи по обѣимъ каѳедрамъ русскаго права, согласно Высочайшей волѣ, были впредь читаемы на русскомъ языкѣ⁴⁾.

1) Тамъ-же II, 402.

2) Дополн. къ Сборн. постанов. 1867 г. стр. 414.

3) *Das erste Jubelfest der Kals. Univers. Dorpat am 12. Dec. 1827* (Dorpat 1828, стр. 24).

4) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ подъ 1842 г.

По медицинскому же факультету въ 1844 г. предписано было: въ основу преподаванія государственнаго врачебно-вѣдѣнія принять постановленія Свода законовъ на русскомъ языкѣ, упражняя также студентовъ въ составленіи на ономъ судебно-медицинскихъ протоколовъ и свидѣтельствъ, для чего при этой каѳедрѣ учреждена была тогда должность частнаго преподавателя¹⁾.

Вообще, тогда (въ 1845 г.) было предписано преподавать на каждомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ хоть одну науку сверхъ русской словесности²⁾.

При учрежденіи же въ 1855 г. особой каѳедры русской исторіи, въ мотивахъ всеподданнѣйшаго доклада по сему предмету было указано, что предметъ этотъ совмѣстно со всеобщей исторіей читается проф. Крузе по-нѣмецки, при томъ поверхностно, безъ прямого изученія источниковъ³⁾.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что когда въ Дерптскомъ учебномъ округѣ учреждена была должность помощника попечителя, то во временной инструкціи послѣднему отъ 28 дек. 1868 г. на него возложено было попеченіе объ успѣхахъ русскаго языка и предметовъ, преподаваемыхъ по-русски въ университетѣ и прочихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, подвѣдомственныхъ министерству нар. просвѣщенія⁴⁾.

Но болѣе широкая постановка вопроса о языкѣ преподаванія въ этомъ университетѣ впервые сдѣлана была въ указѣ 4 февр. 1889 г. о реформѣ юридическаго факультета, вызванной введеніемъ въ этой окраинѣ судебныхъ уставовъ Императора Александра II и судопроизводства на русскомъ языкѣ. При таковой реформѣ на первое время признано было необходимымъ ввести преподаваніе на государственномъ языкѣ хотя бы по нѣкоторымъ предметамъ, напр. по исторіи

1) Тамъ-же подъ 2 іюня 1844 г., 17 авг. и 10 ноябр. 1845 г. Ср. Сборн. постанов. т. II стр. 799 сл.

2) Сб. пост. X, 793.

3) Тамъ-же. Дополненіе 1867 г. стр. 903.

4) Сб. распоряженій IV, 674.

русскаго нрава, русскому государственному праву, институціямъ римскаго права и энциклопедіи права¹⁾. Но вскорѣ эта мѣра была проведена и по отношенію къ другимъ кафедрамъ названнаго факультета.

Что касается прочихъ факультетовъ, то еще въ предложеніи попечителя совѣту отъ 4 ноября 1886 г. въ отвѣтъ на ходатайство (отъ 16 іюля 1886 г.) объ учрежденіи кафедры теоретической хирургіи, было разъяснено, что министръ былъ бы готовъ дать дальнѣйшее движеніе этому ходатайству, если бы въ виду возрастающаго числа русскихъ студентовъ можно было ввести преподаваніе названнаго предмета на русскомъ языкѣ; но что увеличеніе кафедръ съ нѣмецкимъ языкомъ не представляется возможнымъ²⁾.

Съ 1889 г. при назначеніи новыхъ профессоровъ или оставленіи на слѣдующія пятилѣтія старыхъ, по факультетамъ: историко-филологическому (напр. проф. Озе, отъ 9 ноября 1889 г.), физико-математическому (доц. Таммана, 13 ноября 1889 г.; проф. Лемберга, 18 марта 1891 г.; проф. Шварца, 23 апр. 1892) и медицинскому (проф. Кербера, 12 Февр. 1890 г.; доц. Цеге-фонъ-Мантейфеля, 13 ноября 1889 г.), ставилось условіе, что по первому требованію правительства лица эти обязываются перейти къ русскому преподаванію³⁾.

Въ нѣкоторой связи съ вопросомъ о языкѣ преподаванія находились и указы: 1) отъ 24 ноября 1889 г., коимъ измѣнены нѣкоторые параграфы устава 1865 г., относящіеся къ порядку назначенія на должности ректора, декановъ и профессоровъ⁴⁾ и 2) отъ 9 марта 1892 г. о возвышеніи раз-

1) Циркуляры по Дерптск. уч. окр. за 1889 г. стр. 341. Слѣдуетъ отмѣтить, что еще въ Указѣ 6 іюля 1887 г. при назначеніи проф. Мейкова на кафедру римскаго права предписано было предметъ этотъ преподавать на русскомъ языкѣ. Тамъ-же за 1887 г. стр. 402.

2) Дѣло Совѣта о русс. яз..

3) Тамъ-же.

4) Циркуляры по Д. у. о. за 1889 г. стр. 691.

мѣра пенсій тѣмъ профессорамъ Юрьевскаго университета, кои читають лекціи на русскомъ языкѣ¹⁾.

Нѣсколько позже, именно 12 дек. 1892 г. попечитель Н. А. Лавровскій обратился къ университету съ запросомъ: кто изъ преподавателей его, читающихъ лекціи на нѣмецкомъ языкѣ, хотя и состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, можетъ перейти немедленно или въ теченіе 1893/4 уч. года къ преподаванію на русскомъ языкѣ и кому изъ нихъ потребуется для сего отсрочка? На основаніи полученныхъ на этотъ запросъ отвѣтовъ по распоряженію министра н. пр. гр. Делянова (отъ 5. февр. 1893 г.) установленъ былъ для сего крайній двухлѣтній срокъ. Въ сторонѣ оставленъ былъ пока только богословскій факультетъ, относительно котораго въ предложеніи отъ 12 марта 1893 г. было сказано: „Его Сіятельство не призналъ возможнымъ сдѣлать какое либо распоряженіе о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ на богословскомъ факультетѣ въ виду тѣхъ особыхъ условій, въ которыхъ находится этотъ факультетъ и неудобствъ, которыя могутъ встрѣтиться при введеніи русскаго языка въ преподаваніи предметовъ сего факультета. Но если бы оказалось изъ числа профессоровъ лицо, извѣстное въ ученомъ мірѣ по своимъ научнымъ и преподавательскимъ достоинствамъ, изъявившее желаніе читать тотъ или другой предметъ на русскомъ языкѣ, то Его Сіятельство не преминетъ войти въ сношеніе съ подлежащими вѣдомствами о дозволеніи такому профессору чтенія лекцій по избранному предмету на русскомъ языкѣ“²⁾.

Въ новѣйшее время, по петиціямъ нѣкоторыхъ латышскихъ и эстонскихъ приходовъ, возбужденъ вопросъ объ учрежденіи по пастырскому богословію параллельныхъ профессуръ на латышскомъ и эстонскомъ языкахъ, знаніе которыхъ еще въ 1845 г. было признано необходимымъ Генѣ-

1) Тамъ-же за 1892 г. стр. 108.

2) Дѣло Совѣта о русс. яз.

ральной еванг.-лютеранскою консисторією¹⁾; но то или другое рѣшеніе этого вопроса не имѣетъ прямого отношенія къ темъ настоящаго сообщенія.

Что касается иностранныхъ профессоровъ, преподающихъ на нѣмецкомъ языкѣ по занимаемымъ ими кафедамъ историко-филологическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, то по отношенію къ этимъ профессорамъ пока еще не послѣдовало никакихъ распоряженій о переходѣ къ русскому преподаванію. Невольно вспоминается при этомъ резолюція Императора Николая I отъ 12 янв. 1851 г. по вопросу о вызовѣ для Юрьевскаго университета профессоровъ изъ чужихъ краевъ: „я имѣю слишкомъ высокое мнѣніе о Дерптскомъ университетѣ, чтобы усомниться въ возможности обходиться ему безъ выписки профессоровъ изъ чужихъ краевъ, полагая, что въ числѣ приготовленныхъ имъ ученыхъ можно безъ затрудненія находить у насъ дома такихъ, которые, будучи допущены къ преподаванію высшихъ наукъ, сдѣлаютъ честь университету и, по удовлетвореніи требуемымъ условіямъ, займутъ съ пользою вакантныя кафедры“²⁾. Нужно впрочемъ отмѣтить, что аналогичное желаніе выражено было и Императоромъ Павломъ (въ 1800 г.), который признавалъ необходимымъ для проектированнаго протестантскаго университета ограничиваться находящимися въ Россіи учеными. Но Александръ I въ 1801 г. разрѣшилъ выписывать такихъ ученыхъ и изъ заграницы³⁾.

И въ вышеупомянутомъ докладѣ министра нар. пр. отъ 15 мая 1853 г. объ учрежденіи кафедры русской исторіи было выражено требованіе, чтобы она была „занята кореннымъ русскимъ профессоромъ, вполне оживленнымъ чувствомъ любви къ своему отечеству“⁴⁾.

Къ вопросу о языкѣ преподаванія примыкаетъ затѣмъ

1) Сб. распоряженій II, 801.

2) Дополн. къ Сб. постановл. стр. 867.

3) Das erste Jubelfest der Kais. Univ. Dorpat. 1828 г. стр. 25.

4) Дополн. къ Сб. постап. стр. 903.

и вопросъ о языкѣ испытаній, диспутовъ, диссертаций и другихъ научныхъ изданій университета и состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ. Въ актахъ прежняго времени мнѣ не удалось отыскать указаній правительства по этому предмету. Таковыя появляются лишь въ послѣдніе годы, со времени преобразованія университета. Такъ предложеніе попечителя отъ 27 янв. 1893 г. предписываетъ производить впредь испытанія на званіе учителя на русскомъ языкѣ, по правиламъ 1870 г.; 5 мая 1894 г. предписано было, чтобы на русскомъ языкѣ производились всѣ экзамены и диспуты преподавателями, читающими на этомъ языкѣ свои лекціи; то же требованіе предполагается и въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 25 окт. 1894 г. о примѣненіи къ Юрьевскому юридическому факультету положенія о государственной испытательной комиссіи, за изъятіемъ установленнаго въ прочихъ университетахъ двадцатирублеваго взноса съ каждаго испытуемаго въ комиссіи; предложеніемъ министра нар. пр. отъ 19 авг. 1893 г. установлено было, чтобы диссертации на ученые степени были представляемы на государственномъ языкѣ тѣми соискателями, которые окончили гимназіи на русскомъ языкѣ или состоятъ преподавателями на ономъ; предложеніемъ министра нар. пр. отъ 22 септ. 1893 г. признано цѣлесообразнымъ установить, чтобъ рѣчи, произносимыя на актѣ 12 дек., были составляемы на русскомъ языкѣ, причемъ рѣчи, написанныя лицами не знающими русскаго языка по-нѣмецки, могутъ быть произносимы въ русскомъ переводѣ, изготовляемомъ подъ редакціей факультета университетскимъ переводчикомъ, а нѣмецкій текстъ оныхъ можетъ печататься въ университетскихъ изданіяхъ.

Что касается „Ученыхъ Записокъ“ университета, то по правиламъ объ ихъ изданіи отъ 4 дек. 1892 г. къ напечатанію въ нихъ допускаются статьи какъ на русскомъ, такъ и на другихъ распространенныхъ европейскихъ языкахъ.

Въ уставахъ существующихъ нынѣ при университетахъ трехъ ученыхъ обществъ: 1. эстонскаго, 2. естествоиспы-

тателей и 3. учено-литературнаго не имѣется никакихъ постановленій относительно языка докладовъ и публикацій, но по установившемуся обычаю въ первомъ безраздѣльно господствуетъ языкъ нѣмецкій, во второмъ русскій началъ проникать лишь въ самое послѣднее время, въ третьемъ же, возникшемъ по почину русскихъ профессоровъ, нѣмецкій языкъ вовсе не употребляется.

Переходя затѣмъ отъ ученой дѣятельности университета къ учебной и отъ преподавателей его къ студентамъ, мы увидимъ, что со стороны правительства не было недостатка въ напоминаніяхъ о необходимости изученія русскаго языка, но долгое время они оказывались напрасными.

Такъ еще 25 мая 1804 г. совѣтъ университета, по предложенію попечителя Клингера, постановилъ при выдачѣ дипломовъ обращать вниманіе на знаніе русскаго языка студентами, особенно юристами, врачами и государствовѣдами. Въ росписаніи предметовъ для студентовъ, желавшихъ поступать въ военную службу (іюль 1807 г.), на первомъ планѣ поставленъ „россійскій языкъ, причемъ наиболѣе наблюдается, чтобы на ономъ могъ говорить испытуемый“¹⁾. По Высочайшему повелѣнію отъ 20 янв. 1819 г. къ числу предметовъ, по коимъ студентъ долженъ экзаменоваться для полученія ученыхъ степеней, принадлежитъ и русскій языкъ. Въ средѣ профессоровъ долгое время велись споры объ объемѣ требованій по этому предмету. Проф. Перевощиковъ въ мнѣніи отъ 8 окт. 1821 г. считалъ для медиковъ и другихъ студентовъ необходимымъ: пройти съ лекторомъ русскаго языка этимологію онаго и упражняться въ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій, а затѣмъ подъ руководствомъ профессора русскаго языка и литературы изучить синтаксисъ и прочія части грамматики, упражняясь также въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій и въ разговорахъ, причемъ для болѣе усилившихъ полагается еще изученіе исторіи русской

1) Сб. распор. 1, 147.

литературы и сочиненій лучшихъ писателей. Тѣ же приблизительно требованія по сему предмету формулированы и въ „Временныхъ правилахъ педагого-филологическаго семинарія“, отъ 25 мая 1822 г. Въ совѣтскомъ опредѣленіи 9 дек. 1822 г. постановлено было „засадить на каникулы въ карцеръ“ тѣхъ медиковъ-стипендіатовъ, которые не оказали успѣховъ въ русскомъ языкѣ. Когда же въ засѣданіи совѣта 18 окт. 1823 г. высказано было предположеніе, что на градуальныхъ испытаніяхъ студентовъ камеральнаго и военнаго отдѣленій можно ограничиться по русскому языку программю С.-Петербургской школы для колонновожатыхъ (отъ 24 авг. 1823 г.), а отъ прочихъ студентовъ требовать только перевода съ русскаго языка на нѣмецкій, то попечитель кн. Ливень въ отвѣтъ на запросъ по сему дѣлу совѣта отъ 18 дек. 1823 г. заявилъ, что никакъ не можетъ согласиться со столь слабыми требованіями по русскому языку и наоборотъ полагаетъ, что испытуемые должны по меньшей мѣрѣ правильно читать и писать по-русски, хорошо переводить съ русскаго на нѣмецкій и съ нѣмецкаго на русскій и хоть съ нѣкоторою легкостью объясняться по-русски.

Правда, совѣтъ далъ этому распоряженію ограничительное толкованіе, постановивъ руководствоваться имъ лишь при испытаніяхъ студентовъ дипломатіи и военныхъ наукъ. Но все же оно не осталось безъ вліянія, такъ что напр. правленіе университета въ засѣданіи 9 февр. 1825 г. постановило заключать въ карцеръ тѣхъ студентовъ медицины, кои не держатъ въ концѣ семестра испытаній по русскому языку¹⁾.

8 ноября 1824 г. объявлено было университету Высочайшее повелѣніе, „чтобы по Дерптскому университету и всѣмъ училищамъ его вѣдомства обращено было вниманіе на преподаваніе русскаго языка, подобно какъ сіе исполняется въ другихъ университетскихъ округахъ,

1) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ.

дабы впослѣдствіи не могло быть затрудненія присоединить училища Псковской губерніи къ вѣдомству Деритскаго университета“¹⁾.

Въ засѣданіи 6 іюня 1827 г. совѣтъ призналъ необходимымъ требовать при испытаніяхъ: на званія дѣйств. студента по юридическому и историко-филологическимъ факультетамъ — умѣнья переводить съ русскаго языка на нѣмецкій, а на степень кандидата — умѣнья перевести письменную статью нѣмецкую на языкъ русскій, оставивъ требованія по богословскому и медицинскому факультетамъ безъ измѣненій²⁾.

Нѣскольکو позже, 23 авг. 1827 г. совѣтъ призналъ необходимымъ отъ поступающихъ въ медицинскій институтъ требовать знанія русской этимологіи, умѣнья свободно переводить съ русскаго языка на нѣмецкій и устно объясняться по-русски³⁾.

Тогда же, во исполненіе Высочайшей воли, выраженной въ Высочайше утвержденномъ „Положеніи о евангелическо-лютеранскомъ семинаріи при Дерпскомъ университетѣ“, на членовъ этого семинарія возложена была обязанность прилежно заниматься русскимъ языкомъ и сдавать по оному экзаменъ въ концѣ каждаго семестра и затѣмъ — при выпускѣ⁴⁾.

16 мая 1829 г. мин. нар. пр. кн. Ливенъ предписалъ совѣту объявить всѣмъ учащимся, что никто изъ нихъ не будетъ утвержденъ ни въ одной ученой степени, если на испытаніи не докажетъ знаній своихъ въ русскомъ языкѣ. Въ мотивировкѣ этого предложенія сказано, что онъ, кн. Ливенъ, еще будучи попечителемъ, старался, чтобы въ училищахъ Деритскаго уч. округа обучали русскому языку и чтобы всѣ студенты, не исключая и своекоштныхъ, при ис-

1) Сб. постанов. I, 1603. Ср. дѣло Совѣта о русс. яз. подъ 24 мая 1825 г.

2) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ.

3) Тамъ-же.

4) Тамъ-же.

пытаніяхъ на ученую степень сдавали экзаменъ по русскому языку, ибо всѣ русскіе подданные, обучающіеся въ русскихъ университетахъ, должны знать господствующій въ государствѣ языкъ, такъ что „особаго предписанія на сіе не нужно“¹⁾.

Но впослѣдствіи, по ходатайству совѣта отъ 12 іюня 1829 г. министръ согласился изъять изъ этого правила своекоштныхъ богослововъ, въ виду того, что они должны изучать въ университетѣ, сверхъ языковъ греческаго и еврейскаго, одинъ изъ мѣстныхъ языковъ, т. е. эстонскій или латышскій, „отъ основательнаго знанія коего всего болѣе зависитъ и ихъ пригодность къ службѣ“²⁾.

Новый рядъ аналогичныхъ предписаній открывается Высочайшимъ указомъ 16 дек. 1836 г., коимъ повелѣно во 1) „строго подтврдитъ Дерптскому учебному округу, чтобы никто не былъ удостоенъ званія дѣйств. студента, кандидата и лѣкаря безъ достаточнаго знанія русскаго языка и во 2) черезъ пѣть лѣтъ никого въ сей университетъ не принимать въ студенты, ежели не выдержитъ предварительнаго строгаго экзамена въ основательномъ знаніи русскаго языка“³⁾.

Сообщивъ совѣту объ этомъ указѣ, попечитель Крафстремъ предписалъ (26 дек. 1836 г.) впредь доносить ему о результатахъ испытаній въ русскомъ языкѣ при удостоеніи званій дѣйствит. студента и кандидата⁴⁾.

27 марта 1837 г. попечитель разъяснилъ совѣту, что указъ 16 дек. 1836 г. не распространяется на иностранцевъ, окончившихъ заграничные университеты и только экзаменующихся въ Дерптскомъ, но строго долженъ быть примѣняемъ ко всѣмъ русскимъ подданнымъ, обучавшимся въ Дерптскомъ университетѣ или испытываемымъ въ немъ⁵⁾.

1) Сб. распор. I, 703—705. Ср. дѣло Совѣта о русс. яз. подъ 19 іюня 1829 г.

2) Дѣло о русс. яз. подъ 12 іюля 1829 г.

3) Сб. постан. II, 950.

4) Дѣло Совѣта о русс. яз.

5) Тамъ-же.

Предложеніемъ отъ 23 авг. 1838 г. такое ограниченіе допущено и къ ировизорамъ изъ иностранцевъ, отъ которыхъ по уставу врачебному знаніе русскаго языка требуется лишь въ случаѣ открытія ими на свое имя аптекъ¹⁾.

Указомъ 15 дек. 1839 г. пятилѣтній срокъ, опредѣленный Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 16 дек. 1836 г. по ходатайству министра н. пр. продленъ до 16 дек. 1845 г., причемъ ассигнована была съ 1 янв. 1840 г. особая сумма (143 р. с.) на поощреніе успѣховъ по русскому языку²⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано „всѣ правила, относящіяся до изученія русскаго языка, считать равно относящимися и къ богословскому факультету на томъ основаніи, что по § 138 „Устава евангелическо-лютеранскихъ церквей въ Россіи“ право проповѣдывать дается только тѣмъ, кто о достаточномъ знаніи русскаго языка представитъ надлежащее свидѣтельство“. Въ Высочайшей резолюціи по сему предмету было прибавлено:

„Я несомнѣнно надѣюсь, что въ скоромъ времени изъ среды дерптскихъ студентовъ найдутся многіе, которые въ состояніи будутъ поступать въ учителя русскаго языка въ самомъ краѣ, ибо отличный духъ ихъ мнѣ давно извѣстенъ“³⁾.

31 янв. 1840 г. совѣтъ, по требованію попечителя, постановилъ не допускать впредь къ учительскимъ испытаніямъ лицъ, которые ранѣе не дадутъ урока по своему предмету на русскомъ языкѣ, въ присутствіи профессора русскаго языка и словесности⁴⁾.

8 іюня 1845 г. министръ предписалъ совѣту: во 1) отъ всѣхъ, поступающихъ въ Дерптскій университетъ, съ 16 дек. 1845 г. требовать, чтобы они въ состояніи были написать по-русски сочиненіе на заданную тему или перевести съ нѣ-

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же.

3) Сб. постанов. II, 1221, 1224.

4) Дѣло о русс. яз.

мецкаго на русскій языкъ данный отрывокъ, безъ ошибокъ, вредящихъ смыслу, и чтобы они легко понимали прозаическія и поэтическія произведенія болѣе извѣстныхъ русскихъ авторовъ 18 и 19-го в. и могли объясняться по-русски если не вполне чисто, то безъ замѣтныхъ затрудненій, хотя бы и съ не совсѣмъ правильнымъ выговоромъ; во 2) съ отмѣткою 3 (порядочно) по-русскому языку въ студенты не принимать, а только съ отмѣткою 2 (хорошо); въ 3) такихъ же познаній требовать отъ выпускаемыхъ студентовъ, поступившихъ не ранѣе января 1845 г.; отъ тѣхъ же изъ нихъ, кто поступилъ позже этого времени, требовать при испытаніяхъ на ученія степени и званія полнаго умѣнія выражать свои мысли на русскомъ языкѣ, причемъ ошибки грамматическія не допустимы, а развѣ стилистическія; въ 4) по прежнему вносить въ дипломы отмѣтку по русскому языку, впредь до особыхъ распоряженій; въ 5) для большаго и точнѣйшаго упражненія студентовъ въ русскомъ языкѣ, необходимо на каждомъ факультетѣ преподавать на русскомъ языкѣ, сверхъ русской литературы, еще одинъ предметъ Конечно, на богословскомъ факультетѣ таковымъ долженъ быть предметъ не изъ богословской области¹⁾.

Въ засѣданіи 5 ноября 1845 г. совѣтъ по представленію профессора русскаго языка Розберга (отъ 4 ноября), призналъ возможнымъ достигнуть достаточнаго знакомства съ русскимъ языкомъ студентовъ, не прибѣгая къ преподаванію на ономъ одного изъ факультетскихъ предметовъ, если принять слѣд. правила:

1. студенты, принятые въ университетъ съ посредственными знаніями по русскому языку, обязаны прослушать: 2 семестра у лектора русскаго языка (устные переводы съ нѣмецкаго на русскій, съ грамматическими объясненіями); 4 семестра у профессора русскаго языка (изъ нихъ 2 семестра для объясненія русскихъ прозаиковъ и поэтовъ и 2 сем.

1) Дѣло Совѣта о русс. яз. Ср. Сб. распор. II, 828 сл.

для практическихъ упражненій въ письменныхъ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій и въ сочиненіяхъ);

2. поступившіе съ хорошими познаніями по русскому языку должны слушать 1 семестръ у лектора и 4 сем. у профессора русскаго языка;

3. поступившіе съ весьма хорошими познаніями должны заниматься подъ руководствомъ профессора 1 семестръ объясненіями русскихъ авторовъ и 2 сем. практическими упражненіями;

4. посѣщеніе лекцій по исторіи русской литературы и испытаніе въ оной требовать только отъ студентовъ дипломатіи, филологіи, исторіи и особенно русской литературы¹⁾.

На представленіе по сему предмету совѣта, попечитель Крафстремъ въ предложеніи отъ 4 дек. 1845 г. потребовалъ разъясненія для доклада министру нар. пр., почему Совѣтъ признаетъ возможнымъ требовать отъ лучшихъ студентовъ занятій русскимъ языкомъ въ теченіе 3 семестровъ, отъ среднихъ — въ теченіе 5 сем., а отъ слабыхъ — въ теченіе 6 сем., тогда какъ по утвержденному въ 1839 г. плану факультетскихъ занятій всѣ студенты обязаны заниматься русскимъ языкомъ въ теченіе всего своего пребыванія въ университетѣ?

Разъясненіе, составленное проф. Розбергомъ (14 дек. 1845 г.), заключалось въ томъ, что новый планъ представляетъ не уменьшеніе занятій студентовъ русскимъ языкомъ, а скорѣе усиленіе, ибо во 1. по дѣйствующему плану на философскомъ факультетѣ, хотя русскій языкъ и причисленъ къ наукамъ, необходимымъ для полноты курса, но безъ ближайшаго опредѣленія, какъ онъ долженъ быть преподаваемъ и безъ указанія, что посѣщеніе лекцій по этому предмету обязательно въ теченіе всего времени, назначеннаго для прохожденія отдѣльныхъ специальностей; во 2. въ учебныхъ планахъ медицинскаго, юридическаго и богословскаго факуль-

1) Дѣло Совѣта о русс. языкѣ.

тетовъ, хотя ясно сказано, что изученіе русскаго языка должно продолжаться въ теченіе всего курса, но не указано точно, какія части этого предмета и въ какой послѣдовательности должны быть проходимы. . . . Вслѣдствіе того многіе медики, эконоы и юристы записывались-де только на исторію русской литературы, т. е. предметъ, который не ведетъ къ непосредственнымъ упражненіямъ въ русскомъ языкѣ и читается всего по 1 часу.

Въ виду этихъ соображеній министръ предложеніемъ отъ 17 янв. 1846 г. иризналъ возможнымъ не настаивать на иреподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ и утвердилъ планъ совѣта въ видѣ опыта на 6 семестровъ съ тѣмъ, чтобы исполненіе въ этомъ отношеніи Высочайшей воли было предметомъ постоянной заботы университета ¹⁾).

Въ протоколѣ совѣта отъ 17 іюня 1846 г. имѣется постановленіе, чтобы на градуальныхъ исиытаніяхъ богословскаго факультета отъ испытуемыхъ требовались такія же познанія въ русскомъ языкѣ, какъ и по прочимъ факультетамъ, въ виду предписаній министра нар. пр. отъ 8 іюля 1845 г. и попечителя отъ 17 іюля 1845 г. ²⁾).

Въ послѣдніе годы управленія округомъ попечителя Крафстрема (по 7 сент. 1854 г.) и въ первые годы — фонъ Брадке (съ 20 сент. 1854 г. по 3 апр. 1862 г.) какъ будто ослабѣваетъ интересъ правительства къ положенію въ Юрьевскомъ университетѣ русскаго языка. Отъ этого времени имѣется только указаніе, что ио учебнымъ иланамъ 26 авг. 1849 г., 16 сент. 1851 г. и 14 февр. 1853 г. всѣ студенты должны были слушать лекціи русскаго языка по 4—6 семестровъ, въ зависимости отъ отмѣтокъ пріемнаго испытанія ³⁾), какъ это установлено было въ 1845 г.

По учебному плану 14 апр. 1860 г. всѣ студенты обя-

1) Дѣло Сов. о русс. яз. подъ 5 ноября, 4 дек., 28 дек. 1845 г. и 25 янв. 1846 г.

2) Тамъ-же.

3) Сб. распор. III, 61, 147.

заны были въ теченіе 2—3 семестровъ упражняться въ письменныхъ и устныхъ переводахъ на русскій языкъ и въ объясненіи русскихъ авторовъ, а на испытаніи должны были обнаружить знакомство съ болѣе извѣстными русскими писателями 18 и 19 вв., умѣнье плавно и точно переводить съ русскаго на нѣмецкій и обратно, а также безъ затрудненій говорить по-русски и писать безъ крупныхъ грамматическихъ погрѣшностей, за изъятіемъ развѣ не вполнѣ русскихъ оборотовъ. Отъ специалистовъ по этому плану требовалось нѣсколько больше, но и имъ были извиняемы несполнѣ русскіе обороты при письменномъ изложеніи.

Правила эти держались до недавняго времени, причемъ лишь сроки испытаній по русскому языку были точнѣе определены совѣтомъ въ 1884 г.

Въ 1889 г. 12 янв. попечитель Капустинъ предложилъ совѣту обсудить мѣры для усиленія знаній по русскому языку тѣхъ студентовъ, которые готовятся быть учителями, а по мѣстнымъ языкамъ тѣхъ, которые призваны быть катехетами.

12 сент. 1893 г. утверждены были министромъ нар. пр. новыя правила испытаній по русскому языку, объявленныхъ впредь обязательными не для всѣхъ студентовъ, а только для тѣхъ, которые окончили курсъ гимназій на нѣмецкомъ языкѣ или приняты въ университетъ по аттестатамъ заграничныхъ гимназій. На испытаніяхъ этихъ требуется полное теоретическое и практическое знакомство съ русскимъ языкомъ, удостовѣряемое клаузурною письменною работою и устными объясненіями по содержанію этой работы.

Что касается затѣмъ языка университетскаго дѣлопроизводства и переписки съ другими правительственными лицами и мѣстами, то изъ уставовъ 1803 (§ 87) и 1820 (§ 75) годовъ, именно изъ учрежденія по опыту должности перевод-

чика при совѣтѣ, возложенной на лектора русскаго языка, видно, что университету уже въ первые годы его существованія приходилось кое съ кѣмъ переписываться по-русски.

То же доказывается слѣдующими словами названныхъ уставовъ о профессорѣ російскаго языка и словесности: „профессоръ сей кафедръ ведетъ російскую переписку по порученіямъ совѣта“. Изъ протоколовъ совѣта отъ 25 апр. 1810 г. видно, что по требованію государственнаго контроля университетская отчетность представлялась тогда на 2 языкахъ: русскомъ и нѣмецкомъ.

Въ засѣданіи же совѣта 8 мая 1812 г. между прочимъ заслушано было предписаніе министра нар. пр. Разумовскаго — сноситься съ нимъ на болѣе правильномъ русскомъ языкѣ. По этому поводу совѣтъ рѣшилъ доложить министру, что университетъ не имѣетъ средствъ для найма еще одного русскаго переводчика и для содержанія русской канцеляріи, что представляется-де тѣмъ болѣе извинительнымъ, что въ теченіе уже 8—9 лѣтъ университетъ имѣлъ разрѣшеніе писать свои представленія по-нѣмецки¹⁾.

Къ этому вопросу имѣетъ нѣкоторое отношеніе и Высочайшее повелѣніе отъ 16 дек. 1836 г., „чтобы впредь на свободныя мѣста директоровъ гимназій, ихъ помощниковъ и начальниковъ училищъ опредѣлять чиновниковъ преимущественно изъ русскихъ, съ исключеніемъ въ пользу тѣхъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, которые, при требуемыхъ для того качествахъ и способностяхъ, будутъ хорошо знать русскій языкъ; и по мѣрѣ таковыхъ измѣненій въ начальникахъ и самомъ составѣ учебныхъ заведеній постепенно вводить производство училищныхъ дѣлъ на русскомъ языкѣ, въ чемъ должна подавать примѣръ канцелярія попечителя и общее управленіе учебнаго округа въ новомъ его видѣ²⁾).

Къ сожалѣнію, это Высочайшее повелѣніе не было въ

1) Дѣло Сов. о русс. яз.

2) Сб. пост. IV, 1434 сл.

свое время опубликовано, а сообщено секретно попечителю (отъ 19 дек. 1836 г.), съ предписаніемъ приводить оное въ исполненіе постепенно, по мѣрѣ возможности.

12 марта 1841 г. попечитель предложилъ совѣту, чтобы университетскія присутствія употребляли впредь русскій языкъ въ перепискѣ съ департаментомъ нар. пр., а равно въ приложеніяхъ и счетахъ, для облегченія дѣлопроизводства и контроля. По поводу этого предложенія совѣтъ возложилъ на юридическій факультетъ дать заключеніе о томъ, какъ возможно исполнить означенное предложеніе, не отступая отъ существующихъ законовъ и привиллегій университета. Заключеніе по сему предмету, отъ 10 апр. 1841 г. состояло въ слѣдующемъ:

„Управление Лифляндской области и ея дѣловой языкъ — нѣмецкіе. Когда область эта подчинилась Польшѣ, то нѣмецкое управленіе обезпечено было за нею въ § 9 пунктѣ 5 договора объ этомъ подчиненіи отъ 28 ноября 1561 г., а также статьею 4 привиллегіи Сигизмунда Августа отъ 28 ноября 1561 г. и статьею 9 § 1 союзнаго договора отъ 16 дек. 1566 г. Шведское правительство, какъ позднѣйшій обладатель Лифляндіи, подтвердило ея привиллегіи, слѣдов. и вышеуказанную. То же сдѣлала Россія, когда ей досталась эта область. Въ 6-омъ „Аккордномъ пунктѣ“ отъ 29 іюня 1710 г. она разрѣшила рыцарству нѣмецкое управленіе, а въ § 10-омъ капитуляціи г. Риги отъ 4 іюля 1710 г. дозволила, чтобы „въ этомъ городѣ и его области не были назначаемы новые судьи и чтобы нѣмецкій языкъ оставался въ канцеляріяхъ и перепискѣ“; въ Высочайшей же резолюціи отъ 1 марта 1712 г. на Меморіаль рыцарства положительно сказано въ § 6-омъ: „область должна сохранить привиллегію Сигизмунда Августа“. Въ § 27-мъ дѣйствующаго донынѣ Генеральнаго регламента Петра В. отъ 27 февр. 1720 г., трактующаго о различіи областей, сказано буквально слѣдующее: „Понеже русскому скипетру подчинены и находятся подъ славнымъ управленіемъ Его Величества сверхъ русскихъ

царствъ и земель различныя провинціи и владѣнія, имѣющія особыя привиллегіи, то каждая коллегія обязана объ этомъ освѣдомиться, снять копіи съ тѣхъ привиллегій и трактовать каждую націю по Всемиловѣише утвержденнымъ Его Имп. Величествомъ привиллегіямъ и правамъ“. Ништадтскій миръ, заключенный 30 авг. 1721 г. между Россіей и Швеціей, вновь подтвердилъ оныя, что и позже случалось со стороны отдѣльныхъ правительствъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ оговорокъ и обѣщаній нѣмецкій языкъ былъ и остается и подъ русскимъ верховенствомъ дѣловымъ языкомъ Лифляндскихъ присутствій. Всегда онъ былъ признаваемъ таковымъ. Такъ, между прочимъ, сенатъ указомъ отъ 28 іюня 1761 г. повелѣлъ отправить въ Остзейскія области нѣсколько коллежскихъ и титулярныхъ юнкеровъ (Titularjunkers), знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, для изученія нѣмецкаго права и экономическихъ условій, въ виду того, что въ этихъ областяхъ судьи и секретари набираются нерѣдко изъ иностранцевъ, недостаточно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ, такъ что поступающіе отъ нихъ акты съ переводами представляютъ для сената не мало трудностей. Высочайшимъ же указомъ отъ 3 іюля 1783 г. объ учрежденіи Рижскаго намѣстничества не только разрѣшено нѣмецкое дѣлопроизводство въ этой области, за исключеніемъ казенной палаты и ея экспедицій по отчетности, представляемой въ имперское казначейство (Reichsschatzmeisterei), — но учреждена при губернскомъ правленіи особая русская экспедиція, чрезъ которую донинѣ отправляются на русскомъ языкѣ нѣмецкіе отпуски провинціальныхъ присутствій, адресованные въ русскія присутствія. Наконецъ и Высочайше утвержденное нынѣ царствующимъ Государемъ 28 дек. 1832 г. „Положеніе объ евангелическо-лютеранской церкви въ Россіи“ въ § 306 разрѣшаетъ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской консисторіямъ употреблять нѣмецкій языкъ въ докладахъ министру внутреннихъ дѣлъ, тогда какъ консисторіи Петербургская и Московская обязаны ихъ представлять на русскомъ языкѣ. Подобно

тому, какъ губернское правленіе по Высочайшему повелѣнію отъ 5 іюля 1783 г. является посредствующимъ органомъ для нѣмецко-русскихъ дѣлъ въ провинціи, такъ и управленіе округа служитъ такимъ посредникомъ для Имп. Дерптскаго унверситета, который по § 1-ому устава 1820 г. предназначается особенно для Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи, а по § 2-ому образуетъ изъ этихъ провинцій свой учебный округъ и пользуется дарованными для Лифляндіи преимуществами, — по крайней мѣрѣ о такой роли окружнаго управленія можно утверждать по отношенію къ дѣламъ, восходящимъ отъ университета къ центральному правительству въ С.-Петербургѣ.

„Но принимая во вниманіе, что нѣкоторыя административныя дѣла университета направляются непосредственно въ департаментъ нар. просвѣщенія и, конечно, могутъ тамъ причинить затрудненія въ письменномъ оборотѣ, особенно же при контролѣ счетовъ съ приложеніями, то юридическій факультетъ полагалъ бы — въ видахъ и охраненія своихъ привиллегій и облегченія дѣлопроизводства — наиболѣе удобнымъ выходомъ изъ этого рода затрудненій такой пріемъ, чтобы всѣ представленія, направляемые непосредственно въ департаментъ за подписью ректора, писались по-нѣмецки, но съ приложеніемъ русскаго перевода, сдѣланнаго и скрѣпленнаго лекторомъ русскаго языка, какъ присяжнымъ переводчикомъ. При этомъ само собою разумѣется, что ректоръ — нерѣдко иностранецъ — былъ бы отвѣтственъ только за подписанный имъ нѣмецкій подлинникъ, а лекторъ — только за точность подписаннаго имъ перевода“.

Докладъ этотъ былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта 14 апр. 1841 г., причемъ было постановлено: принять къ исполненію предложеніе попечителя указаннымъ въ заключеніи способомъ, сообщить о томъ казначейству и донести попечителю ¹⁾.

Въ слѣдующемъ 1842 г. правленіе обсуждало отношеніе

1) Дѣло Совѣта о русс. яз. подъ 10 и 14 апр. 1841 г.

Динабургской комиссаріатской комиссіи отъ 18 мая 1842 г. слѣдующаго содержанія: „Полученное отношеніе онаго Правленія отъ 1 сего мая, писанное на нѣмецкомъ языкѣ безъ русскаго перевода, Коммиссія на основаніи ст. 1744 т. X Св. гражд. зак. при семъ честь имѣетъ препроводить въ Правленіе университета“. Отвѣтъ на это отношеніе правленія, отъ 2 іюня 1842 г. былъ слѣдующій: „Хотя нѣмецкій языкъ для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской ничуть не можетъ почитаться за иностранный языкъ; напротивъ того, по существующимъ донинѣ привиллегіямъ для присутственныхъ мѣстъ этихъ провинцій есть тотъ самый языкъ, на которомъ производятся всѣ дѣла, почему и приведенные въ отношеніи Динаб. комм. комиссіи отъ 18 мая с. г. мѣсто изъ Св. зак. т. X ст. 1744 не можетъ относиться къ вышеупомянутому случаю; при всемъ томъ университетское Правленіе, желая исполнить просьбу (!) Коммиссіи въ уваженіе того, что въ оной можетъ быть нѣтъ чиновниковъ, свѣдущихъ въ нѣмецкомъ языкѣ, препровождаетъ при семъ переводы на русскій языкъ съ отношеній отъ 1 и 22 мая с. г. касательно высылки прогонныхъ депегъ для медицинскихъ казенныхъ воспитанниковъ Дерптскаго университета, именно для Риттера и Циммермана¹⁾).

Возбужденный Динабургской ком. комиссіей вопросъ въ скоромъ времени получилъ законодательное разрѣшеніе въ ст. 121 ч. I Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ (СПб. 1845 г.), гдѣ сказано:

„Въ присутственныхъ мѣстахъ Остзейскихъ губерній производятся дѣла вообще на нѣмецкомъ языкѣ, кромѣ лишь мірскихъ крестьянскихъ судовъ, въ коихъ оныя производятся на мѣстныхъ по принадлежности языкахъ леттскомъ и эстскомъ. Примѣчаніе. Для составленія бумагъ на русскомъ языкѣ въ сношеніяхъ съ общими государственными мѣстами и установленіями и съ присутственными мѣстами

1) Дѣло Совѣта о русс. яз.

другихъ губерній, находятся въ присутственныхъ мѣстахъ губерній Остзейскихъ особыя экспедиціи или переводчики“.

Эта статья съ нѣкоторыми дополненіями воспроизведена была въ Высочайше утвержденномъ (3 янв. 1850 г.) положеніи комитета министровъ слѣдующаго содержанія: во 1) подтвердить губернскимъ присутствіямъ и всѣмъ вообще короннымъ присутственнымъ мѣстамъ всѣхъ трехъ Остзейскихъ губерній производить на русскомъ языкѣ всю переписку не только съ высшими и общими государственными установленіями и властями и съ присутственными мѣстами всѣхъ Остзейскихъ губерній, но и съ тѣми, находящимися въ Остзейскихъ губерніяхъ, присутственными и правительственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла не на нѣмецкомъ, а на русскомъ языкѣ, а также со всѣми вообще находящимися въ тѣхъ губерніяхъ мѣстами и лицами военныхъ вѣдомствъ, во 2) генералъ-губернатору наблюдать, чтобы впредь члены присутствій коронныхъ мѣстъ и высшіе въ нихъ канцелярскіе чиновники были опредѣляемы преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ въ русскомъ языкѣ познанія, достаточныя для производства на ономъ языкѣ; въ 3) съ 1-аго января 1858 г., т. е. по окончаніи начинающими въ 1850 г. свое высшее образованіе полнаго курса въ гимназіяхъ и университетѣ Дерптскаго уч. округа, во всѣ вообще должности какъ членовъ, такъ и канцелярскихъ чиновниковъ опредѣлять только лицъ, имѣющихъ основательныя познанія въ русскомъ языкѣ и могущихъ заниматься дѣлопроизводствомъ на ономъ; въ 4) когда главное мѣстное начальство признаетъ, что такихъ чиновниковъ во всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ достаточное число, то войти оному съ особымъ представленіемъ о назначеніи положительнаго и опредѣлительнаго срока для введенія всего въ нихъ дѣлопроизводства на одномъ только русскомъ языкѣ¹⁾“.

1) Сб. postan. IV, 1435. Ср. Ю. Самарина, Сочиненія т. VIII, стр. 111 сл.

Это Высочайшее повелѣніе своевременно сообщено было министромъ нар. пр. попечителю Дерптскаго уч. окр., причемъ затребованы были отъ него свѣдѣнія: какія мѣста и должностныя лица по всему вообще управленію округа производятъ дѣла на русскомъ языкѣ впольнѣ, какія — частью, и на какія и когда можетъ быть распространена вышесказанная мѣра? На этотъ запросъ попечитель отвѣтилъ въ донесеніи отъ 25 янв. 1850 г. что „переписка по управленію округа, по Дерптскому университету и Ветеринарному училищу, а равно директорами гимназій въ округѣ производилась и производится на русскомъ языкѣ съ тѣми присутствіями и правительственными мѣстами и лицами, кои сами производятъ дѣла на русскомъ языкѣ; по уѣзднымъ же и другимъ училищамъ сего края не встрѣчаются еще случаи къ подобной перепискѣ“¹⁾.

Изъ этого отвѣта можно бы заключать, что и переписка попечителя съ Дерптскимъ университетомъ уже въ ту пору производилась по-русски. Но на дѣлѣ было иначе, какъ видно во 1) изъ указа 15 мая 1853 г. объ учрежденіи особой каедрой для русской исторіи, причемъ университету было предписано впредь печатать и разсылать „Обозрѣнія преподаванія“ не на нѣмецкомъ лишь языкѣ, что министръ признаетъ прямо неприличнымъ, а на русскомъ языкѣ, съ нѣмецкимъ переводомъ; во 2) изъ Высочайшихъ повелѣній по вопросу о языкѣ дѣлопроизводства въ Прибалтійскихъ губерніяхъ отъ 1 іюня 1867 г. и отъ 21 окт. 1869 г. Въ первомъ изъ этихъ указовъ постановлено обратить особое вниманіе министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями на настоятельную необходимость совокупными усиліями всѣхъ вѣдомствъ приступить къ безотлагательному на самомъ дѣлѣ исполненію Монаршей воли о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго края русскаго дѣлопроизводства, выраженной въ Высочайше утвержденномъ 3 янв.

1) Сб. постановл. IV, 1435 сл.

1850 г. положеніи комитета министровъ. Въ этомъ же указѣ (1 іюня 1867 г.) намѣченъ цѣлый рядъ мѣръ для усиленія преподаванія русскаго языка въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ Д. уч. округа, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручено министру нар. пр. изыскать еще и другія средства, ведущія къ успѣшнѣйшему и скорѣйшему достиженію указанной цѣли, и предположенія свои по сему предмету внести въ комитетъ министровъ¹⁾. Во второмъ же изъ вышеупомянутыхъ указовъ (отъ 21 окт. 1869 г.) повелѣно: во 1) вмѣнить въ обязанность всѣмъ учебнымъ заведеніямъ Д. уч. округа, содержимымъ вполнѣ или частію на средства казны, вести исключительно на русскомъ языкѣ переписку какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями Прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ губернскими присутственными мѣстами; и во 2) подтвердить дѣйствіе Высочайшаго повелѣнія отъ 16 дек. 1836 г. объ опредѣленіи на должности директоровъ и инспекторовъ гимназій, а равно смотрителей уѣздныхъ училищъ — лицъ, которыя при требуемыхъ для сего качествахъ и способностяхъ будутъ основательно знать русскій языкъ²⁾.

Когда возникло потомъ сомнѣніе въ примѣнимости этого указа къ Дерптскому университету, а въ частности къ перепискѣ послѣдняго съ попечителемъ округа, то разсмотрѣніе этого вопроса возложено было на особое совѣщаніе, составленное по волѣ Императора Александра II изъ генералъ-адъютанта Шувалова, генералъ-губернатора Альбединскаго, министра нар. пр. гр. Д. А. Толстого и попечителя Дерптскаго уч. окр. Жерве. Совѣщаніе это единогласно признало необходимымъ разъяснить, что выраженное въ I-омъ пунктѣ указа 31 окт. 1869 г. требованіе относительно веденія переписки на русскомъ языкѣ одинаково распространяется какъ на на-

1) Сб. пост. IV, 478 сл.

2) Сб. пост. IV, 1422 сл.

чальниковъ гимназій, содержимыхъ вполнѣ или частію на счетъ казны, такъ и на университетъ, его ректора, совѣтъ и правленіе, и что оно обязательно для коронныхъ учреждений этихъ во всѣхъ официальныхъ сношеніяхъ ихъ между собою и съ попечителемъ, какъ ближайшимъ и непосредственнымъ своимъ начальникомъ. При этомъ однако дозволяется всякаго рода приложенія: сиравокъ, выписокъ изъ протоколовъ, журналовъ, отдѣльныхъ мнѣній профессоровъ университета, излагать на языкѣ нѣмецкомъ, съ приложеніемъ къ нимъ препроводительной бумаги на русскомъ языкѣ и перевода на оный въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе дѣла зависитъ отъ высшей центральной власти. Кромѣ того разрѣшается вести на русскомъ языкѣ переписку съ факультетами и въ ихъ кругу. Въ заключеніе постановлено было объяснить ректору университета, что засимъ никакихъ отклоненій въ исполненіи означенныхъ мѣръ допущено не будетъ. Постановленіе этого совѣщанія было Высочайше утверждено 13 марта 1870 г.¹⁾

Но окончательное утвержденіе дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ въ Юрьевскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ коронныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, составляетъ историческій подвигъ Имп. Александра III. Руководящее значеніе имѣютъ при этомъ Высочайше утвержденныя 14 сент. 1885 г. Правила объ употребленіи русскаго языка въ дѣлопроизводствѣ и перепискѣ присутственныхъ мѣстъ прибалтійскаго края. Первая статья этихъ Правилъ гласить: „Губернаторы и всѣ правительственныя установленія и власти въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ, за исключеніемъ поименованныхъ въ пунктѣ 3-емъ²⁾, производятъ дѣла и ведутъ переписку исключительно на рус-

1) Сб. постан. IV, 1533.

2) А именно: высшихъ въ губерніяхъ судовъ, уѣздныхъ судовъ 1-ой степени, мѣстъ и лицъ земской полиціи, магистратовъ съ нижними городскими судами и городскими управленіями, затѣмъ сословныхъ учреждений евангелическо-лютеранскаго духовенства, бюргерства и крестьянства.

скомъ языкѣ, даже если въ составѣ ихъ есть лица мѣстной выборной службы“. По 4-ой же статьѣ этихъ Правилъ: „во всѣхъ засѣданіяхъ присутственныхъ мѣстъ Прибалтійскихъ губерній сужденія происходятъ на томъ языкѣ, на которомъ ведется дѣлопроизводство оныхъ“.

Правила эти были примѣнены къ университету не сразу, а въ постепенности, опредѣляемой слѣдующими распоряженіями:

I. Предложеніемъ попечителя Капустина отъ 5 дек. 1885 г. разъяснено, что впредь всѣ дипломы, аттестаты, свидѣтельства и всякаго рода удостовѣренія, выдаваемые университетомъ, должны быть составляемы на русскомъ языкѣ, хотя къ нимъ можетъ быть прилагаемъ и переводъ на латинскомъ или другомъ языкѣ; на русскомъ же языкѣ должны производиться сношенія университета со всѣми правительственными мѣстами и лицами, а также общественными и словесными учрежденіями; но во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ университета, а именно: въ сношеніяхъ факультетовъ между собою и съ совѣтомъ, въ протоколахъ совѣта, правленія и университетскаго суда, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ факультетовъ и профессоровъ, равно какъ во всѣхъ постановленіяхъ, касающихся внутреннего порядка, допускаются языки латинскій и нѣмецкій; наконецъ, въ представляемыхъ бумагахъ должно быть излагаемо на русскомъ языкѣ содержаніе дѣла, такъ чтобы впредь не понадобились особые выписки изъ протоколовъ.

II. Предложеніемъ попечителя отъ 24 окт. 1891 г. разъяснено: во 1) что впредь дипломы и другія удостовѣренія отъ университета должны быть выдаваемы единственно на русскомъ языкѣ; во 2) что внутреннее дѣлопроизводство на юридическомъ факультетѣ должно вестись исключительно на русскомъ языкѣ, а на прочихъ факультетахъ, въ совѣтѣ и правленіи, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, разрѣшается вести на нѣмецкомъ языкѣ; въ 3) что акты внутреннего дѣлопроизводства факультетовъ, совѣта и прав-

ленія (за исключеніемъ протоколовъ совѣта и правленія) должны быть представляемы попечителю на русскомъ языкѣ и въ 4) что обзорѣніе лекцій, личный составъ университета и матрикулы студентовъ должны впредь вестись на русскомъ языкѣ.

Обѣщанныя въ этомъ предложеніи „дальнѣйшія распоряженія“ попечителя Лавровскаго послѣдовали годъ спустя, а именно :

III. 6 окт. 1892 г. предписано было протоколы правленія и совѣта составлять впредь на русскомъ языкѣ, причемъ нѣсколько позже разрѣшено было къ русскому протоколу совѣта прилагать и нѣмецкій переводъ, не имѣющій впрочемъ officialнаго значенія ;

IV. 27 ноября 1892 г. предписано : ввести русское дѣлопроизводство во всѣхъ факультетахъ и учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета.

Этимъ распоряженіемъ и закончены были мѣропріятія по постепенному проведенію въ дѣйствіе по отношенію къ университету указа 14 сент. 1885 г., который затѣмъ вступилъ въ полную силу во всѣхъ частяхъ университетскаго дѣлопроизводства, за исключеніемъ временно допущеннаго двуязычія въ засѣданіяхъ богословскаго, историко-филологическаго, физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ, а также совѣта, съ приложеніемъ къ русскимъ officialнымъ ихъ протоколамъ нѣмецкихъ переводовъ.

Изъ представленнаго обзора мѣропріятій правительства по утвержденію русскаго языка въ преподаваніи, въ живой рѣчи студентовъ и въ дѣлопроизводствѣ университета видно, какое значеніе оно придавало во всѣ царствованія этому національно-государственному вопросу. Особенное вниманіе обращали на него Императоры Николай I и Александръ III, какъ видно изъ многочисленныхъ указовъ по сему предмету пер-

ваго въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ, а второго — въ 80-ыхъ. Между тѣмъ, если вникнуть въ успѣхъ разсмотрѣнныхъ постановленій и распоряженій правительства, то окажется, что они не имѣли столь быстраго и полного успѣха, какъ бы слѣдовало ожидать.

Учрежденныя по уставамъ 1803 и 1820 гг. и дополнителнымъ постановленіямъ каѳедры, предназначенныя для изученія русскаго языка, русской исторіи, русскаго права, нерѣдко не были замѣщаемы или занимались людьми, которые не вполне соответствовали законнымъ требованіямъ. Такъ напр. каѳедра русскаго языка и словесности, занятая первоначально Григоріемъ Андреевичемъ Глинкою (1803 до 1810 г.), а потомъ Андреемъ Сергѣевичемъ Кайсаровымъ, была вакантна въ 1812—1813 гг. когда Кайсаровъ былъ откомандированъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи¹⁾. Затѣмъ, послѣ выхода изъ службы профессоровъ Александра Оеодоровича Воейкова (1814—1820) и Василя Матвѣевича Перевощикова (до 1830 г.), каѳедра эта была вновь вакантна 6 лѣтъ, до назначенія на оную Михаила Петровича Розберга (1836—1867 г.).

На каѳедру русской исторіи назначенъ былъ въ 1803 г. саксонскій географъ Гаспари (до 1809 г.), который врядъ ли могъ излагать ее по источникамъ, а тѣмъ менѣе — на русскомъ языкѣ. Его преемникомъ былъ И. Ф. Г. Эверсъ (1810—1820 гг.), хорошій работникъ по исторіи русскаго права, но все же человекъ съ нѣмецкимъ міросозерцаніемъ и направленіемъ. При первой возможности онъ пожертвовалъ этою каѳедрою и по упраздненіи ея уставомъ 1820 г. перешелъ на каѳедру государственнаго и международнаго права. Когда впослѣдствіи, въ 1855 г. каѳедра русской исторіи была восстановлена, причѣмъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ по сему дѣлу было выражено требованіе, чтобы она „занята была кореннымъ русскимъ профессоромъ, вполне оживлен-

1) Палъ въ битвѣ при Гайнау, 26 мая 1813 г.

нымъ чувствомъ любви къ своему отечеству“¹⁾, то послѣ кратковременнаго профессорства Петра Ефимовича Медовникова (1855 г.) и Николая Алексѣевича Иванова (1856—1859 г.), каѳедра эта 4 года оставалась вакантною, а затѣмъ, въ 1865 г., замѣщена пресловутымъ лифляндскимъ полемистомъ и завзятымъ недругомъ Россіи К. Ширреномъ. Свой взглядъ на русскую исторію онъ выразилъ въ памфлетъ „Lifländische Antwort“ (1869 г.) въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ автору „Окраинъ Россіи“ Ю. О. Самарину: „вы не знаете прошедшаго и не имѣете будущаго“²⁾. По увольненіи же Ширрена отъ службы за антигосударственное направленіе (въ 1869 г.) и послѣ 2-лѣтняго перерыва на каѳедру русской исторіи былъ назначенъ проф. Брикнеръ, бытописатель русскаго „европеизма“, который также не могъ быть названъ „кореннымъ русскимъ, вполне оживленнымъ чувствомъ любви къ своему отечеству“, если подъ послѣднимъ понимать не Лифляндію, а Россію.

На юридическомъ факультетѣ очень долго вакантною была каѳедра русскаго законовѣдѣнія, именно съ 1803 по 1825 г., хотя нѣкоторые курсы по этому предмету были читаемы профессорами смежныхъ каѳедръ: И. Г. Нейманомъ, Фр. Лампе, Г. Эверсомъ. Съ 1825 г. по 1840 г. занималъ эту каѳедру А. Ф. Рейцъ, хорошій ученый, ученикъ Неймана и Эверса. Послѣ Рейца она опять была вакантна въ теченіе 4 л., пока не занялъ ее въ 1844 г. Э. С. Тобинъ. Параллельно съ нимъ, на второй каѳедрѣ русскаго законовѣдѣнія, учрежденной въ 1842 г., читалъ на русскомъ языкѣ лекціи этого предмета проф. Александръ Степановичъ Жиряевъ. Но по переводѣ послѣдняго въ С.-Петербургскій университетъ въ 1856 г. эта каѳедра долго оставалась незамѣщенной, а наконецъ 22 іюля 1863 г., по ходатайству попечителя была переименована въ каѳедру юридической прак-

1) Сб. пост. Дополн. 1867 г., стр. 903.

2) „Sie kennen keine Vergangenheit und Sie haben keine Zukunft“. Ср. Ю. Самарина, Собр. соч. т. VІІІ.

тики, съ отнесеніемъ къ ней чтенія нѣкоторыхъ частей мѣстнаго права Прибалтійскихъ губерній¹⁾. Преемникомъ же проф. Тобина былъ (съ 1860 г.) проф. Ив. Егор. Энгельманъ, читавшій русское законовѣдѣніе по-нѣмецки до преобразованія юридическаго факультета въ 1889 г. Замѣчательно, что по уставу 1865 г. была положена одна каѳедра для всѣхъ отдѣловъ русскаго права и двѣ — для мѣстнаго!

Вообще, правительственныя распоряженія 1842—1845 годовъ относительно преподаванія на каждомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ по крайней мѣрѣ одной науки, сверхъ русской словесности, были временно исполняемы только на юридическомъ факультетѣ, пока тамъ преподавалъ вышеназванный профессоръ Жиряевъ. Самъ министръ нар. пр. вынужденъ былъ наконецъ признать введеніе преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ неисполнимымъ, о чемъ попечитель сообщилъ совѣту предложеніемъ отъ 25 января 1846 г. Даже преподаваніе русской исторіи въ 60—80-ыхъ годахъ, когда эту каѳедру занимали профессора Ширренъ и Брикнеръ, велось по-нѣмецки. Тоже относится къ каѳедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія на медицинскомъ факультетѣ, хотя при ней учреждена была въ 1845 г. особая приватъ-доцентура для русскаго преподаванія²⁾. Даже Пироговъ и Варвинскій вынуждены были тогда читать свои лекціи по-нѣмецки³⁾, хотя имъ конечно было бы удобнѣе преподавать на родномъ русскомъ языкѣ. Еще въ 1882 г. анонимный авторъ изданнаго въ Лейпцигѣ соч. *Die deutsche Universität Dorpat* имѣлъ право съ гордостію указать на то, что въ составѣ профессоровъ этого университета всѣ нѣмцы (23 балта и 19 заграничныхъ), за изытіемъ профессоровъ русской словесности и православнаго богословія⁴⁾.

1) Сб. расп. III, 567.

2) Дѣло Сов. о русск. яз. подъ 10 ноября 1845 г.

3) Тамъ-же подъ 30 іюля 1845 г.

4) Стр. 55.

Лишь съ конца 80-ыхъ годовъ въ этомъ отношеніи наступаетъ перемѣна, сначала на юридическомъ факультетѣ, а съ 1892—1893 гг. и на прочихъ, за изъятіемъ богословскаго. Все же и теперь изъ 74 наличныхъ профессоровъ, доцентовъ и приватъ-доцентовъ университета только 58 читаютъ лекціи на русскомъ языкѣ, остальные же 16 на нѣмецкомъ, такъ что изъ пяти факультетовъ только юридическій можетъ считаться вполне преобразованнымъ по языку преподаванія, остальные находятся въ состояніи переходномъ, — богословскій же вовсе не задѣтъ реформою по отношенію къ языку преподаванія.

Подобное двуязычіе остается донинѣ и въ производствѣ испытаній, диспутовъ, въ диссертацияхъ на ученые степени, наконецъ — въ научныхъ изданіяхъ университета и состоящихъ при немъ ученыхъ обществъ. Особенно отстало въ этомъ отношеніи ученое общество эстонское, тогда какъ въ обществѣ естествоиспытателей въ послѣднее время русскій языкъ получилъ доступъ въ пренія и изданія.

Столь же медленно подвигалось знаніе и употребленіе русскаго языка и въ средѣ студентовъ университета. Это видно изъ самаго обилія мѣръ правительства по утвержденію между ними знанія русскаго языка, а равно изъ нѣкоторыхъ другихъ официальныхъ данныхъ и указаній.

Очень характерныя указанія по сему предмету имѣются въ дѣлахъ совѣта за 1818 и 1819 г. когда въ немъ обсуждались предложенія проф. Неймана о мѣрахъ для усиленія знанія студентами русскаго языка. Въ засѣданіи 28 октября 1818 г. проф. Нейманъ просилъ внести въ протоколъ совѣта слѣдующее его мнѣніе:

„Необходимо выработать болѣе подробныя и точныя правила относительно изученія (студентами) русскаго языка. Это могло бы быть достигнуто двумя способами:

либо ограничить пріемъ такими лицами, которыя владѣютъ русскимъ языкомъ, т. е. могутъ на оный переводить, на немъ говорить и писать, что было бы согласно и съ законами, по силѣ коихъ русскій языкъ изучается во всѣхъ

окружныхъ училищахъ и гимназіяхъ, причемъ постановлено, что въ высшія учебныя заведенія могутъ быть принимаемы только тѣ ученики, которые въ должной мѣрѣ изучили науки и языки, преподаваемые въ низшихъ училищахъ;

либо, въ случаѣ невозможности настаивать на первомъ требованіи, въ виду недостаточнаго числа удовлетворяющихъ ему лицъ, необходимо серіознѣе позаботиться о пополненіи студентами недочетовъ въ русскомъ языкѣ во время академическаго курса.

„Насколько я могъ донынѣ наблюдать, въ здѣшнемъ университетѣ изученіе русскаго языка находится въ большомъ пренебреженіи. Даже тѣ студенты, которые намѣрены посвятить себя государственной службѣ, по гражданской специальности, имѣютъ очень слабыя познанія въ русскомъ языкѣ и вовсе не считаютъ необходимымъ включить изученіе его въ свою научную подготовку, хотя это положительно предписано указомъ 6 августа 1809 г. Можно поэтому опасаться, что и подготовляющіеся къ государственной службѣ медики, обремененные очень сложнымъ планомъ 4-лѣтняго курса и увлекаемые общимъ настроеніемъ, не дадутъ себѣ труда достаточно изучить русскій языкъ, чтобы къ концу курса они могли съ нѣкоторою легкостію говорить и писать на немъ. А между тѣмъ такое знаніе безусловно требуется отъ чиновниковъ, иступающихъ на русскую государственную службу, особенно во внутреннія губерніи. Поэтому не только интересъ службы, но и слава университета понесла бы ущербъ, еслибы юноши, получающіе въ немъ образованіе на казенный счетъ, при поступленіи на службу оказывались невѣждами по предмету, знать который обязаны даже гимназисты при вступленіи въ университетъ. Я полагаю потому, что молодые люди, принятые въ оный съ недостаточными познаніями по русскому языку, обязаны въ концѣ каждаго полугодія подвергаться по этому предмету экзамену, результаты коего должны быть сообщаемы попечителю, съ тѣмъ, чтобы не оказывающіе успѣховъ подвергались лишенію сти-

пендій и взысканію израсходованныхъ на нихъ казенныхъ денегъ“.

Когда это мнѣніе проф. Неймана была заслушано въ засѣданіи 13 ноября, то всѣ члены совѣта заявили, что на основаніи личнаго опыта не могутъ съ этимъ мнѣніемъ согласиться, ибо хотя и желательно-де, чтобы здѣшніе студенты посвящали болѣе труда изученію русскаго языка, тѣмъ не менѣе и нынѣ послѣдній не находится въ такомъ пренебреженіи, какъ думаетъ проф. Нейманъ. Къ этому ректоръ Эверсъ прибавилъ, что съ своей стороны онъ протестуетъ противъ упрека въ общемъ пренебреженіи къ русскому языку въ школахъ Дерптскаго учебнаго округа, насколько упрекъ этотъ падаетъ на учрежденія, вѣдающія этими школами. Школьная коммиссія (университета) во мѣрѣ возможности заботится - де о скорѣйшемъ замѣщеніи учительскихъ должностей по русскому языку, равно какъ о точномъ выполненіи установленнаго плана занятій по сему предмету; если это преподаваніе не всегда оказывается достаточно плодотворнымъ, то это обусловлено недостаткомъ хорошихъ учителей, котораго нельзя-де устранить распоряженіями университета, ибо вообще рѣдко встрѣчаются учителя, соединяющіе основательное знаніе русскаго и нѣмецкаго языковъ съ одной стороны, а надлежащаго учебнаго метода съ другой. Присутствовавшіе въ этомъ засѣданіи члены медицинскаго факультета выразили еще мысль, что хотя знаніе русскаго языка необходимо врачамъ, готовящимся къ казенной службѣ, однако нельзя утверждать, будто знаніе это является масштабомъ пригодности къ ней этихъ молодыхъ людей: они могутъ вѣдь и даже должны пополнить свои познанія въ этомъ отношеніи на мѣстахъ своей будущей службы, тогда какъ ихъ пробѣлы въ научной подготовкѣ врядъ ли уже могутъ быть пополнены¹⁾.

Еще подробнѣе былъ разсмотрѣнъ этотъ вопросъ въ засѣданіи совѣта 2 апрѣля 1819 г., гдѣ была заслушана слѣ-

1) Дѣло совѣта о русск. яз. подъ 28 октября и 13 ноября 1818 г.

дующая записка проф. Неймана объ усиленіи занятій русскимъ языкомъ :

„Уже нѣсколько разъ официально докладывалъ я о господствующемъ въ нашемъ университетѣ невѣжествѣ по русскому языку. Говорю „невѣжествѣ“, ибо слабыя познанія въ немъ того или другого изъ нашихъ студентовъ не идутъ даже въ расчетъ по сравненію съ тѣмъ, что они должны бы знать; говорю „господствующемъ“, ибо — насколько я могъ донинѣ наблюдать — изъ десяти студентовъ врядъ ли найдется одинъ, хотя бы посредственно лишь знающій этотъ предметъ, а основательное съ нимъ знакомство врядъ ли окажется у одного изъ 20 студентовъ.

„Въ виду этого, я считаю своимъ долгомъ предложить нѣкоторыя мѣры для устраненія этого недостатка, тяжело отзывающагося на нашемъ университетѣ, ибо, во 1) я считаю противнымъ здравому смыслу, если молодые люди, получающіе въ русскомъ университетѣ образованіе для служенія русскому государству, отпускаются изъ академіи съ надлежащими аттестатами объ окончаніи курса и слѣд. объявляются въ публичномъ документѣ достаточно подготовленными для государственной службы — когда извѣстно, что они не понимаютъ языка своей страны; и во 2) мнѣ представляется противнымъ и закону, и видамъ правительства, если не понимающій по-русски студентъ отпускается со свидѣтельствомъ о надлежаще законченномъ курсѣ и такимъ образомъ становится соучастникомъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ преимуществъ, какія по закону соединяются съ таковыми свидѣтельствами въ видахъ поощренія занятій въ русскихъ университетахъ. Это явствуетъ изъ относящихся сюда указовъ, по которымъ русскій языкъ признается главнымъ предметомъ научнаго образованія, иричемъ не сдѣлано какихъ либо изъятій для отдѣльныхъ областей или провинцій. Въ законахъ, относящихся къ Остзейскимъ провинціямъ, постановлено, что никто не можетъ быть зачисленъ въ студенты сего университета безъ надлежащихъ познаній въ предме-

тахъ, назначенныхъ для (средняго) школьнаго обученія. Въ указѣ 6 августа 1809 г. грамматическое знаніе русскаго языка и умѣнье составлять на немъ письменныя работы причислены къ предметамъ, изъ коихъ каждый чиновникъ долженъ сдать экзаменъ, или — что выходитъ на то же — онъ долженъ представить удостовѣреніе отъ одного изъ русскихъ университетовъ объ успѣшныхъ занятіяхъ этимъ предметомъ. Въ противномъ случаѣ чиновникъ не можетъ получить чина коллежскаго ассессора или статскаго совѣтника. Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ предписаніяхъ сдѣлана ссылка на означенный указъ и выражено требованіе, чтобы выдаваемые аттестаты объ основательномъ изученіи необходимыхъ для государственной службы наукъ обнимали всѣ тѣ предметы, какіе установлены въ томъ указѣ.

„Отсюда видно, что правительство требуетъ отъ всѣхъ государственныхъ слугъ изученія русскаго языка и что слѣдов. совѣтъ университета дѣйствуетъ врядъ ли законно, если выдаетъ свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи наукъ, не имѣя полной увѣренности, что данное лицо основательно владѣетъ русскимъ языкомъ. А потому слѣдовало бы: во 1) при приѣмѣ въ студенты обращать должное вниманіе на основательное знаніе поступающими русскаго языка, ибо по общимъ школьнымъ законамъ въ высшія заведенія принимаются лишь тѣ, кто обладаетъ такимъ знаніемъ, и во 2) при выпускныхъ испытаніяхъ удостовѣряться въ томъ, что данный студентъ повторялъ изученное, практиковался въ устномъ употребленіи русскаго языка и слѣд. въ состояніи написать работу правильнымъ русскимъ языкомъ, какъ это требуется указомъ отъ 6 авг. 1809 г.

„Первое изъ означенныхъ испытаній предписано законами; второе хотя прямо не предписано, но вполне согласно съ истиннымъ смысломъ закона, ибо его требованія распространяются на всѣхъ государственныхъ слугъ, не исключая и Остзейскихъ провинцій. А такъ какъ въ послѣднихъ академическое преподаваніе ведется по-нѣмецки, то необходимо

принять какія нибудь мѣры, чтобы молодые люди не забыли тутъ русской рѣчи; ибо не соотвѣтствовало бы истинному смыслу того указа, чтобы ученики только приносили въ университетъ знаніе русскаго языка, а необходимо еще, чтобы они обладали таковымъ и при выходѣ въ практическую жизнь.

„Такимъ образомъ, мое предложеніе, какъ основанное на законахъ, должно бы быть принято въ полномъ объемѣ. Однако мѣстныя условія требуютъ, повидимому, нѣкотораго видоизмѣненія этого предложенія. Въ самомъ дѣлѣ, насколько мнѣ извѣстно по распросамъ и личному отвѣту, русскій языкъ не изучается въ низшихъ школахъ съ такимъ усердіемъ, съ какимъ бы это должно дѣлаться по закону и въ интересахъ государства. Слѣдовательно, можно полагать безъ преувеличеній, что строгое соблюденіе предписанія о приѣмѣ въ университетъ лишь тѣхъ, кто основательно знаетъ русскій языкъ, повлекло бы за собою въ первые годы, можетъ быть и надолго, значительное уменьшеніе числа нашихъ студентовъ. Отъ этого же университетъ уклонился бы отъ цѣли, для которой онъ основанъ монархомъ, и значительно была бы ограничена его дѣятельность.

„Единственнымъ выходомъ изъ этого рода коллизій то съ закономъ, то съ интересами университета было бы слѣдующее :

во 1) подвергать испытанію изъ русскаго языка поступающихъ въ университетъ, и тѣмъ изъ нихъ, кто не обнаружитъ въ немъ достаточныхъ познаній, назначать нѣкоторый срокъ, напр. одинъ годъ, въ теченіе котораго они вновь должны подвергнуться испытанію, чтобы доказать, что они пополнили свои пробѣлы въ этомъ отношеніи.

„Примѣчаніе. Я не допускаю при этомъ никакихъ исключеній на основаніи свидѣтельствъ зрѣлости, ибо послѣднія — подобно всѣмъ прочимъ документамъ — могутъ претендовать на довѣріе лишь дотолѣ, доколѣ противное не доказано или не стало общезвѣстнымъ; между тѣмъ извѣстно, что въ нашъ университетъ уже многіе поступали съ такими свидѣтель-

ствами, хотя не понимали русскаго языка, почему имъ и нельзя впредь довѣрять въ этомъ отношеніи. Но чтобы по возможности поддержать авторитетъ подвѣдомственныхъ (университету) дирекцій въ глазахъ ихъ подчиненныхъ и не подвергать эти дирекціи нареканіямъ по поводу вышеуказанной новой мѣры (что вовсе не желательно), я предложилъ бы предписать директорамъ гимназій, чтобы въ свидѣтельствахъ зрѣлости была дѣлаема отмѣтка о томъ, въ какой мѣрѣ знакомъ абитуріентъ съ русскимъ языкомъ: можетъ ли онъ понимать русскаго автора только со словаремъ или безъ онаго, умѣетъ ли онъ только говорить по-русски или и писать, и притомъ можетъ быть даже правильно? Учителямъ же русскаго языка, которые одни только и могутъ во многихъ случаяхъ давать такія удостовѣренія, слѣдуетъ предписать, чтобы они соблюдали при этомъ строжайшую добросовѣстность, такъ какъ при пріемѣ въ студенты эти молодые люди будутъ еще разъ экзаменоваться по этому предмету, въ виду того, что нѣтъ почти ни одной гимназіи, гдѣ учителя были бы въ состояніи обсудить и удостовѣрить эту часть испытаній“;

„во 2) нынѣшнимъ студентамъ университета слѣдуетъ объявить на черной доскѣ, что впредь они должны усерднѣе заниматься русскимъ языкомъ, ибо, въ виду необходимости знанія его каждымъ слугою государства, университетъ будетъ обращать на это строгое вниманіе при выускныхъ испытаніяхъ, и будетъ вносить въ аттестаты отмѣтку о мѣрѣ познаній въ русскомъ языкѣ.

„Вотъ все, что возможно теперь предпринять по этому дѣлу. Остальное придется отложить до другого раза, ибо тамъ, гдѣ идетъ рѣчь объ устраненіи укоренившихся злоупотребленій, особенно по отношенію къ молодымъ людямъ, нерѣдко оказывается болѣе полезнымъ сначала нѣсколько попустить въ строгости закона, чтобы обезпечить исполненіе закона въ будущемъ, не рискуя при этомъ вредными послѣдствіями отъ внезапной отмѣны привычнаго, хотя бы таковымъ было явное злоупотребленіе.

„На мое предложеніе могутъ бытьъ сдѣланы главнымъ образомъ три возраженія:

Во 1) могутъ отрицать фактъ, отъ котораго я отправляюсь, могутъ упрекнуть меня (какъ это уже случилось однажды) въ преувеличеніи, могутъ сказать, что между нашими студентами найдется не мало хорошо знающихъ русскій языкъ.

„На это я отвѣчаю вкратцѣ слѣдующее: я утверждаю, что между 10 нашими студентами найдется развѣ одинъ такой, который сумѣетъ правильно перевести безъ словаря не совсѣмъ ужъ легкаго русскаго прозаика. Что касается перевода поэтовъ, разговорнаго и нисѣмннаго употребленія русской рѣчи, что собственно и требовалось бы по отношенію къ языку страны (*Landessprache*), то объ этомъ нечего и говорить. Если мои возражатели будутъ настаивать на противномъ, то мнѣ ничего другого не останется, какъ потребовать публичнаго испытанія, которое могло бы быть произведено въ присутствіи нашего попечителя, какъ компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ. Я полагаю, что предметъ этотъ достаточно важенъ, чтобы этимъ способомъ удостовѣриться въ истинѣ моего или противоположнаго утвержденія.

„Вторымъ возраженіемъ можетъ бытьъ выставлено то, что повторительный экзаменъ противорѣчилъ бы закону о приѣмѣ (въ университетъ) по свидѣтельствамъ зрѣлости отъ гимназій. Но если, по закону, русскій языкъ обязателенъ въ нашихъ школахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, что не всѣ матуристы приносятъ въ университетъ достаточныя познанія въ немъ. . . . то было бы коварствомъ ссылаться на слова закона, въ обходъ ясно выраженной воли законодателя. . . .

„Третьимъ возраженіемъ могло бы быть то, что знаніе русскаго языка требуется только отъ юристовъ, обязанныхъ читать въ подлинникъ изучаемые ими законы, не довѣряясь однимъ переводамъ.

„Но и это не совсѣмъ вѣрно. Русскій языкъ необходимъ каждому, кто предназначаетъ себя для государственной службы,

а слѣд. и студентамъ философскаго факультета, значительная часть коихъ идетъ потомъ въ государственную службу. Что и медики должны понимать русскій языкъ, это видно изъ покровительства, оказываемаго правительствомъ изученію его, въ виду сильной потребности Россіи (во врачахъ). Что касается богословскаго факультета, то я могу сослаться на отзывъ одного высокочтимаго лифляндскаго пастора, который не только считаетъ знаніе русскаго языка весьма полезнымъ для богослововъ, но и самъ не жалѣетъ времени для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ познаній въ немъ.

„Кромѣ того нельзя не замѣтить, что обыкновенно только тотъ принимаетъ сердечное участіе въ благополучіи своей страны и можетъ быть истиннымъ патріотомъ, кто сумѣетъ сродниться съ туземцами по языку и стать ихъ компатріотомъ. Представители правительства, въ какомъ бы учрежденіи они ни сидѣли, должны бы внимательно соблюдать это дознанное опытомъ положеніе“.

При обсужденіи изложеннаго предложенія проф. Неймана въ совѣтскомъ засѣданіи 28 аир. 1819 г. заслушано было очень обстоятельное опроверженіе его со стороны ректора университета Густава Эверса, который заявилъ слѣдующее:

„Я совершенно согласенъ съ желаніемъ проф. Неймана, чтобы молодежь Остзейскихъ провинцій обращала болѣе вниманія на изученіе русскаго языка, причемъ я не намѣренъ вдаваться въ обсужденіе вопроса, дѣйствительно ли онъ находится въ такомъ пренебреженіи, какъ полагаетъ проф. Нейманъ. Но я не могу исполнѣ согласиться съ доводами послѣдняго и съ его планомъ реформы.“

„Нѣтъ спора, что знаніе русскаго языка можетъ быть полезно каждому русскому подданному, какого бы званія онъ ни былъ и гдѣ бы онъ ни жилъ. Но я не думаю, будто это знаніе для каждаго русскаго подданнаго равно необходимо. Въ губерніяхъ напр. Лифляндской, Эстляндской и Курляндской даже судья можетъ безъ него обойтись, ибо по Высочайшему повелѣнію законы публикуются тутъ на нѣмецкомъ

языкъ. Дѣйствительно, и теперь въ этихъ губерніяхъ находится не мало чиновниковъ судебного вѣдомства, которымъ чуждъ этотъ языкъ, но заслуги копѣхъ высоко цѣнятся. Тѣмъ не менѣе я глубоко убѣжденъ, что знаніе русскаго языка необходимо каждому чиновнику гражданскаго вѣдомства, особенно же каждому адвокату и судѣ. Но я считалъ бы излишнимъ требовать того же отъ каждаго пастора, тѣмъ болѣе, что пасторъ долженъ изучать еще языки еврейскій, греческій, эстонскій или латышскій, ближе относящіеся къ его призванію Для головы среднихъ способностей изученіе 4 — 5 языковъ представляется слишкомъ труднымъ, особенно если принять въ соображеніе, что въ теченіе 3 лѣтъ студенты богословія должны овладѣть своею спеціальною наукою Можно вѣдь быть въ этомъ краѣ отличнымъ пасторомъ и не понимать по-русски.

„Отъ врачей, не вступающихъ въ государственную службу, правительство не требуетъ знанія этого языка. О немъ вовсе не упоминается въ Высочайшемъ повелѣніи объ испытаніи врачей отъ 15 іюля 1810 г., хотя въ немъ часто говорится объ испытаніяхъ иностранцевъ. Когда въ 1809 г. въ здѣшній университетъ зачислено было до 30 нѣмецкихъ хирурговъ для подготовленія къ казенной службѣ, то не было выражено требованія объ обученіи ихъ русскому языку, а наоборотъ, за основаніе при опредѣленіи ихъ на службу принята была ихъ научная подготовленность. . . Конечно, этого нельзя считать нормою. Наоборотъ, я полагаю, что не слѣдовало бы опредѣлять на казенную службу врачей, не понимающихъ по-русски. Но если кто отказывается отъ преимуществъ казенной службы, то для чего принуждать его къ изученію русскаго языка, если и безъ него онъ можетъ быть полезнымъ практическимъ врачомъ не только въ здѣшнемъ краѣ, но и въ русскихъ столичныхъ городахъ? . . .

„Кто знакомъ съ постановкою нашихъ школъ, тотъ долженъ признать, что большая часть нашихъ учителей русскаго языка не стоитъ на уровнѣ своей задачи. Обыкновенно они

не имѣютъ широкаго литературнаго образованія и не обладаютъ методомъ, чему не пособить предписаніями. Нерѣдко нельзя найти и заурядныхъ кандидатовъ для замѣщенія вакансій по этому предмету: такъ напр. въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ таковыхъ не оказалось для Венденскаго уѣзднаго училища. Справедливо ли предъявлять тамъ высокаго требованія отъ учениковъ? Къ тому же, по дѣйствующему учебному плану, положено слишкомъ мало часовъ для русскаго языка. Не жестоко ли было бы, при такихъ условіяхъ, задержать въ школѣ молодого человѣка — который достаточно подготовленъ къ университету по всѣмъ прочимъ предметамъ и желаетъ, иоложимъ, быть пасторомъ, но вовсе не претендуетъ на казенную службу, — единственно для того, чтобы онъ основательнѣе изучилъ русскій языкъ, который вовсе не понадобится ему въ дальнѣйшей жизни? . . . Поэтому я полагаю, что новыя правила объ изученіи русскаго языка должны быть изданы не ранѣе новаго изданія школьнаго устава, причемъ и тогда эти правила не должны бы имѣть равное и безусловное примѣненіе ко всѣмъ студентамъ.

. . . „Понудительныя мѣры представляются желательными единственно по отношенію къ правовѣдамъ. Для нихъ знаніе русскаго языка наиболѣе необходимо, почему и слѣдовало бы обусловить пріемъ на этотъ факультетъ либо гимназическими свидѣтельствами о знаніи русскаго языка, либо введеніемъ въ университетъ повѣрочныхъ испытаній въ ономъ по истеченіи года. Но каждый студентъ, подвергающійся выпускному испытанію на дипломъ, дающій право на чинъ, долженъ экзаменоваться по русскому языку, отмѣтка по коему должна быть включаема въ свидѣтельство. Только тѣ студенты могутъ быть отъ такого испытанія освобождены, которые не добиваются никакихъ дипломовъ или довольствуются удостовѣреніями въ томъ, что прослушали извѣстные курсы. . . . И въ дипломы на доктора медицины не удобно вставлять отмѣтку о знаніи русскаго языка.

. . . „Принужденіе каждаго студента учиться по-русски,

навѣрное, не соотвѣтствуетъ ни видамъ правительства, ни общимъ задачамъ университета. Трудно совмѣстить его съ научнымъ духомъ, который всего успѣшнѣе развивается въ условіяхъ свободныхъ.

... „Въ теченіе столѣтія русскаго господства въ Лифляндіи и Эстляндіи области эти, по имѣющимся почетнымъ признаніямъ министровъ, не уступали другимъ въ доказательствахъ патріотизма, хотя не было принимаемо никакихъ понудительныхъ мѣръ для сближенія по языку нѣмецкаго населенія этихъ областей съ господствующею народностію. Я смѣю утверждать, что врядъ ли найдутся въ Россіи еще двѣ губерніи, которыя доставили бы ей въ теченіе этого времени столько выдающихся государственныхъ сановниковъ, какъ Лифляндія и Эстляндія. Да и вообще я считаю понудительныя мѣры сомнительнымъ производителемъ дружбы. Конечно, единство языка, какъ основа единства народнаго, издавна восхваляется политиками, какъ отличный цементъ государственной сплоченности. Но къ чему привело бы признаніе его руководящимъ принципомъ въ административныхъ мѣропріятіяхъ! Религія вѣдь тоже служитъ основою народнаго единства и къ ней могло бы относиться то же, что сказалъ проф. Нейманъ о политическомъ значеніи языка. Но куда бы это привело насъ! Проф. Нейманъ не сдѣлалъ такихъ выводовъ, но онъ наталкиваетъ на нихъ, и я пришелъ бы отъ этого въ ужасъ, еслибы не зналъ, какъ далека была издревле верховная власть въ Россіи отъ тезиса, изъ котораго тѣ выводы проистекаютъ. Ни одно правительство не проявило столько же, какъ русское, охоты охранять особенности покоренныхъ народовъ, и на этомъ въ значительной мѣрѣ опираются его успѣхи въ объединеніи разнороднѣйшихъ илеменъ“.

При подписи протокола этого совѣтскаго засѣданія проф. Ф. Г. Парротъ внесъ къ мнѣнію Г. Эверса слѣдующее допленіе:

„во 1) школьная комиссія очень серіозно старается поднять знаніе русскаго языка и въ послѣдніе три года, послѣ

многихъ безилодныхъ усилій, провела наконецъ единственно цѣлесообразное и доступное средство — введеніемъ во всѣхъ классахъ, кромѣ 3-го, преподаванія русскаго языка на этомъ же языкѣ. . .

„во 2) я считаю невозможнымъ удовлетвореніе требованій проф. Неймана годичнымъ курсомъ русскаго языка, если даный студентъ получилъ домашнее образованіе у учителя, обыкновенно не понимающаго по-русски. . . Лучше производить по этому предмету экзаменъ на II или III году“.

Въ числѣ членовъ совѣта, безъ оговорки подписавшихся подъ пристрастнымъ мнѣніемъ Эверса, находился и Воейковъ! Рѣшеніе совѣта по этому вопросу въ засѣданіи 28 апрѣля 1819 г. было изложено такъ :

„Когда воспослѣдуетъ утвержденіе представленнаго вышему начальству новаго школьнаго устава, тогда слѣдуетъ потребовать, чтобы каждый юноша, желающій заниматься юриспруденціей, доказалъ свое знаніе русскаго языка либо гимназическимъ свидѣтельствомъ, либо на пріемномъ испытаніи по этому предмету; каждый же выпускной студентъ, ищущій диплома съ правомъ на чинъ, долженъ экзаменоваться по русскому языку; кромѣ того необходимо озаботиться, чтобы предметъ этотъ хорошо преподавался въ университетѣ“ 1).

Слабость познаній студентовъ въ русскомъ языкѣ въ Николаевскую пору удостовѣряется многими данными того времени.

Такъ въ предложеніи министра нар. пр. отъ 13 апр. 1827 г. сдѣлана ссылка на заявленія министерства внутр. дѣлъ, что многіе изъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ Дерптскаго университета, поступившихъ на гражданско-врачебную службу, оказываются для нея бесполезными, по совершенному незнанію русскаго языка 2).

1) Дѣло совѣта о русск. языкѣ.

2) Сб. распор. I, 594.

Въ предложеніи попечителя отъ 4 іюля 1827 г. приложена была копія письма генералъ-штабъ доктора флота д. с. с. Лейтона, въ которомъ послѣдній жалуется на слабыя познанія въ русскомъ языкѣ отиускаемыхъ изъ университета врачей ¹⁾).

8 апрѣля 1829 г. въ виду запроса совѣта: какъ поступать съ своекоштными студентами медицины, несвѣдущими въ русскомъ языкѣ, министръ нар. пр. разъяснилъ слѣдующее:

„Дерптскому университету надлежало бы наблюдать давно данное предписаніе относительно обученія студентовъ онаго русскому языку. . . . Нынѣ и именно только на сей разъ я согласенъ, чтобы выдержавшему испытаніе дозволено было производить практику, но свидѣтельствъ на степень не выдавать прежде, нежели пріобрѣтутъ они познанія въ русскомъ языкѣ“ ²⁾).

17 авг. 1829 г. въ протоколъ совѣта вставленъ запросъ медицинскаго факультета о томъ, какъ поступать съ ригористами, оканчивающими экзаменъ на врача безъ знанія русскаго языка? Нельзя ли выдать имъ временныя свидѣтельства, дающія право заниматься врачебной практикой въ Остзейскихъ губерніяхъ, съ тѣмъ, чтобы настоящіе дипломы были имъ выданы впослѣдствіи, по сдачѣ испытанія въ русскомъ языкѣ ³⁾)?

Въ совѣтскомъ засѣданіи 18 сент. 1829 г. доложено было сообщеніе попечителя (отъ 24 іюля 1829 г.), что генералъ-губернаторъ новороссійскій и бессарабскій гр. Воронцовъ испросилъ въ свое распоряженіе врачей преимущественно изъ Виленскаго университета, въ виду недочетовъ врачей дерптскихъ по русскому языку ⁴⁾).

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ мин. нар. пр. гр. Уварова

1) Дѣло сов. о русск. языкѣ.

2) Сб. распор., I, 716.

3) Дѣло сов. о русск. яз.

4) Тамъ же.

отъ 20 іюня 1833 г. о ревизіи Дерптскаго университета сказано между прочимъ:

„Къ числу не довольно уважаемыхъ предметовъ (наряду съ преподаваніемъ закона Божія по грекороссійскому вѣроисповѣданію) принадлежитъ русскій языкъ. . . Въ университетѣ каѳедра русской словесности остается праздною и выборъ достойнаго профессора будетъ, безъ сомнѣнія, имѣть рѣшительное вліяніе на распространеніе вкуса и на охоту учиться сему предмету“¹⁾. Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ ту пору не замѣтно было между студентами особенной охоты къ изученію русскаго языка. Имѣется указаніе, что во время этой ревизіи студенты устроили гр. Уварову Ständchen, на которомъ они пропѣли ему: Was ist des deutschen Vaterland²⁾!

Во всеподаннѣйшемъ докладѣ того же министра отъ 15 декабря 1839 г. испрашивается нѣкоторое снисхожденіе къ недостаточному знанію русскаго языка студентами, преимущественно тѣми, которые поступили до 1836 г.

Въ 1848 г. возникла переписка попечителя (отъ 28 мая) съ ректоромъ о слабомъ знаніи студентами русскаго языка по слѣдующему поводу:

Рижскій ген.-губ. кн. Суворовъ довелъ до свѣдѣнія министра нар. пр., что онъ замѣтилъ между всѣми сословіями Остзейскихъ губерній крайне недостаточныя познанія въ русскомъ языкѣ, не исключая лицъ, окончившихъ полный курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Посему онъ признаетъ необходимымъ предоставленіе жителямъ этихъ губерній всѣхъ средствъ для пріобрѣтенія знанія этого языка, чтобы впредь они не могли, какъ нынѣ, извиняться недостаткомъ такихъ средствъ.

Въ виду такого отзыва попечитель поручилъ ректору Нейе (Neue) обсудить этотъ вопросъ, совмѣстно съ профессоромъ

1) Сб. постан. дополн. 1867 г., стр. 402.

2) Die deutsche Universität Dorpat, 1882 г., стр. 47.

русскаго языка и — если понадобится — съ другими профессорами, знающими русскій языкъ и донести о результатахъ. Въ отвѣтъ на это ректоръ донесъ отъ 9 іюня 1848 г., отъ имени своего и профессоровъ Розберга, Бунге, Биддера и Тобина, слѣдующее:

„Прежде всего я долженъ признать, что ни мнѣ, ни кому либо изъ вышеназванныхъ профессоровъ и въ мысль не приходитъ оспаривать основательность свѣдѣній генералъ-губернаторомъ наблюденій. Наоборотъ, необходимо признать безспорнымъ, что Его Свѣтлость встрѣтилъ недостаточное знаніе русскаго языка и между тѣми, которые окончили курсъ въ здѣшнемъ университетѣ. Но чтобы судить, насколько это зависѣло отъ нѣкоторыхъ упущеній университета и какія мѣры вслѣдствіе того необходимо принять въ будущемъ, слѣдовало бы обратить вниманіе на слѣдующія соображенія. Во 1) между здѣшними студентами всегда находятся и такіе, которые, принадлежа къ неподатнымъ сословіямъ и по своимъ семейнымъ отношеніямъ не предполагая когда бы то ни было вступить въ собственно государственную службу, вовсе не подвергаются градуальнымъ испытаніямъ, хотя и проходятъ въ университетѣ весь научный курсъ; каковое обстоятельство не исключаетъ однако ихъ отъ занятія такъ называемыхъ земскихъ и городскихъ должностей. Понятно, что университетъ не можетъ дать никакихъ гарантій относительно познаній, пріобрѣтенныхъ ими какъ по предметамъ ихъ спеціальности, такъ и по русскому языку, и позволительно предполагать, что къ этому именно классу лицъ относится часть наблюденій генералъ-губернатора. Что касается лицъ, сдавшихъ по окончаніи курса градуальное испытаніе, то по отношенію къ русскому языку слѣдуетъ дѣлать между ними различіе въ зависимости отъ времени этого испытанія, ибо требованія по русскому языку постепенно возрастали. Правда, уже издавна русскіе подданные не были ни на одномъ факультетѣ допускаемы къ ученымъ степенямъ безъ испытанія въ русскомъ языкѣ, однако усиленные требованія

въ этомъ отношеніи, . . . на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 15 декабря 1839 г. вступили въ силу только съ 16 декабря 1845 г., ибо Его Имп. Величество соизволилъ разрѣшить, чтобы по отношенію къ пробѣламъ по русскому языку было допускаемо нѣкоторое снисхожденіе, особенно по отношенію къ тѣмъ студентамъ, которые поступили въ университетъ до 1836 г. . . . Вслѣдствіе сего велѣно было, срокомъ по 16 декабря 1845 г. вносить въ университетскіе аттестаты на званіе дѣйств. студента, кандидата и врача точныя и подробныя отмѣтки о степени познаній испытуемаго въ русскомъ языкѣ. Примѣненіе этого предписанія было затѣмъ продолжено предложеніемъ министра нар. пр. отъ 8 іюля 1845 г., впредь до особыхъ распоряженій, причемъ определено было и minimum познаній въ русскомъ языкѣ, необходимыхъ съ 16 декаб. 1845 г. для присужденія какой бы ни было ученой степени. Во исполненіе сего университетъ, въ аттестатахъ лицъ, которымъ до конца 1845 г. нельзя было отказывать въ ученыхъ степеняхъ за недостаточное знаніе русскаго языка, откровенно и точно обозначалъ мѣру этого знанія, такъ что начальство, при замѣщеніи такихъ должностей, гдѣ требуется основательное знаніе русскаго языка, могло по этимъ аттестатамъ отдавать предпочтеніе болѣе достойнымъ кандидатамъ передъ менѣе достойными. Но могло случиться, что нѣкоторые изъ окончившихъ университетскій курсъ съ достаточнымъ знаніемъ русской разговорной рѣчи, разучились ей въ послѣдствіи, отъ недостаточнаго упражненія, такъ какъ въ Остзейскихъ губерніяхъ въ городахъ преобладаетъ языкъ нѣмецкій, а въ селахъ — эстонскій или латышскій“ . . .

Къ этому донесенію ректора проф. Розбергъ приложилъ письмо отъ 9 іюня 1848 г., въ которомъ объясняетъ, что при вступленіи его въ университетъ за 12 л. предъ симъ онъ нашелъ между студентами, за немногими исключеніями, очень слабыя познанія въ русскомъ языкѣ. Но потомъ, благодаря систематическимъ занятіямъ и хорошему подбору книгъ

въ библіотекѣ, общій уровень этихъ познаній поднялся и изъ Дерпта вышло - де много чиновниковъ, врачей, ученыхъ, хорошо знавшихъ русскій языкъ. Два же изъ нихъ (гг. Шмидтъ и Германтъ) награждены были медалями за сочиненія по русскому языку и литературѣ¹⁾.

Принятія въ министерство гр. Уварова мѣры въ концѣ концовъ подняли, повидимому, знанія дерптскихъ студентовъ по русскому языку. По крайней мѣрѣ министръ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ о ревизіи Дерптскаго университета въ 1855 г. заявляетъ, что „юношество Д. ун., нѣкогда слишкомъ увлекавшееся подражаніемъ германскимъ буршамъ, нынѣ отличается добропорядочнымъ поведеніемъ и скромнымъ образомъ мыслей. . . Они охотно - де занимаются русскимъ языкомъ, и многіе оказываютъ значительные въ немъ успѣхи, хотя произношеніе ихъ не отличается правильностью и чистотою, что впрочемъ весьма естественно при всегдашнемъ употребленіи ими съ самаго дѣтства нѣмецкаго языка²⁾. . .

Въ предложеніи попечителя Брадке отъ 22 апрѣля 1860 г. отъ совѣта затребованъ отзывъ по поводу статьи журнала „Das Inland“ подъ заглавіемъ: *Medicinische Dorfgeschichten aus dem Inneren Russlands, von Dr. Bertram*, въ которой разсказывается о смѣхотворныхъ испытаніяхъ по русскому языку въ старомъ Дерптскомъ университетѣ, 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ. По этому поводу, на основаніи отзыва проф. Розберга, совѣтъ въ засѣданіи 7 сентября 1860 г. постановилъ донести попечителю, что статья эта, относящаяся къ отдаленной эпохѣ, должна быть признана анекдотическою³⁾.

Нѣсколько лѣтъ спустя вновь возбужденъ былъ вопросъ о степени знакомства дерптскихъ студентовъ съ русскимъ языкомъ въ представленіи ректора Биддера попечителю гр. Кайзерлингу отъ 6 апрѣля 1863 г. слѣдующаго содержанія:

1) Дѣло совѣта о русск. яз.

2) Сб. пост. IV, 105.

3) Дѣло сов. о русск. яз.

. . . „Съ самаго основанія университета въ немъ не только учреждена была на тогдaшнемъ философскомъ факультетѣ кафедре русскаго языка и литературы, но заведенъ былъ лекторатъ по этому предмету, съ возложеніемъ на профессора обязанностей вести русскую переписку университета, а на лектора — должности переводчика. Въ ту пору не было еще постановленій объ обязательности для студентовъ лекцій обоихъ преподавателей. Лекціи эти касались болѣе русской литературы, исторіи и статистики, чѣмъ языка въ немъ самомъ, ибо тогда уроженцы Остзейскихъ провинцій рѣдко поступали на службу во внутреннія губерніи, а потому и не имѣли особаго интереса къ русскому языку. Да и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, за недостаткомъ подготовленныхъ учителей, русскій языкъ преподавался очень неудовлетворительно. Когда въ 1820 г. учрежденъ былъ медицинскій институтъ, изъ котораго ежегодно выходило 10 питомцевъ въ военно-медицинскую службу, то оказалось необходимымъ озаботиться не только научной подготовкой ихъ по медицинѣ, но и достаточнымъ ознакомленіемъ ихъ съ русскимъ языкомъ. Вотъ почему имъ предписано было участвовать въ занятіяхъ по этому предмету и въ концѣ каждаго полугодія сдавать по оному экзаменъ. То же постановлено было по учрежденіи въ 1827 г. богословскаго семинарія для его питомцевъ, а также — отчасти ранѣе, отчасти позже — для студентовъ дипломатіи и юриспруденціи, тогда какъ прочимъ студентамъ, въ первые десятилѣтія по учрежденіи университета, предоставлено было посѣщать или не посѣщать лекціи русскаго языка, въ зависимости отъ ихъ собственнаго усмотрѣнія и ихъ плановъ дальнѣйшей жизни. Между тѣмъ все возрастающее число молодыхъ людей, переселявшихся по окончаніи университетскихъ занятій во внутреннія губерніи, заставило правительство, особенно съ конца 30-ыхъ годовъ, принимать мѣры для подъема ихъ познаній въ русскомъ языкѣ. . . Предписано было всѣмъ студентамъ посѣщать лекціи по этому предмету и сдавать по нему экзаменъ при полученіи ученой степени. . . Число

такихъ обязательныхъ лекцій доходило нотомъ до 14 или 22 часовъ въ недѣлю, по расчету на одинъ семестръ. Конечно, это чрезмѣрное обремененіе студентовъ было одобрено совѣтомъ, но при тогдашнихъ условіяхъ о его возраженіяхъ по этому поводу не могло быть и рѣчи. Только необычайная гуманность профессора русскаго языка смягчала гнетъ этихъ мѣропріятій. Правила объ этомъ, переутверждавшіяся сначала каждые 3 года, а съ 1853 г. впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, были въ 1860 г. видоизмѣнены безъ участія университета, вѣроятно потому, что нежелательнымъ казалось ставить его въ столь тягостное положеніе. По этимъ правиламъ допущено, правда, различіе требованій по русскому языку и обязательныхъ занятій въ зависимости отъ разныхъ специальностей, но все такъ число лекцій по этому предмету не было ограничено. Нельзя, конечно, отрицать, что въ основѣ этихъ мѣропріятій лежало намѣреніе правительства открыть уроженцамъ Остзейскихъ провинцій болѣе широкій кругъ дѣйствія во всей имперіи. Но все же, послѣ совершившагося подъема русскаго преподаванія въ среднихъ школахъ округа, представляется несообразнымъ возлагать на университетъ восполненіе столь элементарныхъ пробѣловъ. . . . Снять съ него это бремя было бы тѣмъ желательнѣе, что всѣ указанныя мѣры не содѣйствовали изученію въ немъ русскаго языка, и если знаніе его теперь болѣе распространено въ Остзейскихъ провинціяхъ, чѣмъ прежде, то не университету онѣ обязаны въ этомъ отношеніи. Конечно, лекціи русскаго языка, въ немъ обязательны для всѣхъ студентовъ, однако — какъ извѣстно — онѣ слабо посѣщаются послѣдними. При неизбѣжныхъ совпаденіяхъ лекцій русскаго языка съ чисто факультетскими предметами, студенты обыкновенно склоняются къ посѣщенію послѣднихъ, а не перваго. . . . Обязательность этихъ лекцій поневолѣ превращается въ вопросъ гонорарный, съ ущербомъ для уваженія этого предмета и интереса къ нему. . . . Я полагаю поэтому, что полная отмѣна нынѣшнихъ постановленій о занятіяхъ рус-

скимъ языкомъ лежитъ въ интересахъ послѣдняго
 Возрастающая съ каждымъ днемъ потребность въ этомъ
 языкѣ болѣе можетъ содѣйствовать его распространенію,
 чѣмъ понудительныя мѣры, которыя уже сами по себѣ оттал-
 киваютъ умы даже отъ признанной желательною цѣли“

Гр. Кайзерлингъ отвѣтилъ на это представленіе (11 апр.
 1863 г.), что если и желательно произвести измѣненія въ
 постановкѣ русскаго языка, все же необходимо связать ихъ
 съ общимъ измѣненіемъ плана занятій по спеціальнымъ
 предметамъ. Если бы и факультетскіе предметы впослѣд-
 ствіи признано было возможнымъ изучать по свобод-
 ному избранію каждаго, то въ кругъ такихъ предметовъ
 можно бы включить и русскій языкъ на томъ или другомъ
 факультетѣ ¹⁾.

Что отзывъ ректора Биддера о подъемѣ знаній въ рус-
 скомъ языкѣ между питомцами среднихъ школъ Прибалтій-
 скаго края и университета былъ проникнутъ излишнимъ оп-
 тимизмомъ, это обнаружилось очень скоро послѣ указанной
 переписки его съ гр. Кайзерлингомъ.

Когда архіепископъ рижскій и митавскій Платонъ
 обратилъ вниманіе правительства на необходимость мѣро-
 пріятій къ распространенію русскаго языка въ Прибал-
 тійскомъ краѣ, то вопросъ этотъ Высочайше повелѣно
 было обсудить въ особомъ комитетѣ и затѣмъ въ комитетѣ
 министровъ. Заключенія ихъ удостоились Высочайшаго
 утвержденія (15 янв. и 28 мая 1865 г.), при чемъ постановлено
 было принять дѣятельныя мѣры для усиленія обученія рус-
 скому языку жителей Прибалтійскаго края, возложивъ сіе на
 министра нар. пр. совмѣстно съ генералъ-губернаторомъ этого
 края, гр. Шуваловымъ. Послѣдній высказался за учрежденіе
 въ Ригѣ и другихъ городахъ русскихъ гимназій, ссылаясь
 на то, что „всѣ мѣры, принятыя правительствомъ съ 1830 г.
 не достигли цѣли введенія въ коронныхъ присутственныхъ

1) Дѣло сов. о русс. яз.

мѣстахъ Остзейскихъ губерній дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, такъ какъ безъ практики ученики не могутъ пріобрѣсть въ этомъ языкѣ познанія, требуемыя для служебной дѣятельности“ ¹⁾).

Въ журналѣ комитета министровъ по сему дѣлу отъ 9 мая и 13 іюня 1867 г. тоже было констатировано, что Высочайше утвержденное 3 янв. 1850 г. положеніе комитета министровъ о введеніи въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскихъ губерній переписки ни русскомъ языкѣ и о назначеніи съ 1858 г. во всѣ означенныя мѣста такихъ только чиновниковъ, которые могутъ заниматься дѣлопроизводствомъ на этомъ языкѣ, — остается по настоящее время мертвою буквою, главнымъ образомъ по совершенному недостатку въ краѣ желающихъ поступить на службу образованныхъ людей, владѣющихъ русскимъ языкомъ ²⁾

Нѣсколько позже, въ 1869 г. и ген.-губ. Альбединскій въ своемъ заключеніи на проектъ введенія русскаго языка въ дѣлопроизводство Прибалтійскихъ учебныхъ заведеній признавалъ это невозможнымъ потому, что „при нынѣшнемъ составѣ этихъ заведеній едва ли не одни учителя русскаго языка знаютъ послѣдній“ ³⁾).

Недостаточнымъ знаніемъ его въ средѣ студентовъ Дерптскаго университета обусловлено было и учрежденіе въ 1872 г. шести стипендій при Импер. историко-филологическомъ институтѣ, а съ 1873 г. столькихъ же стипендій при Московскомъ университетѣ для приготовленія изъ абитуриентовъ Дерптскаго учебнаго округа будущихъ учителей русскаго языка ⁴⁾).

Не лишенъ значенія при этомъ приведенный въ мотивахъ учрежденія въ Дерптскомъ университетѣ каѳедры сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій (23 дек. 1880 г.) фактъ, что „съ самаго основанія университета до 1870 г. ни

1) Сб. постанов. IV, 595 слл.

2) Тамъ же IV, 598.

3) Тамъ же IV, 1434.

4) Дѣло сов. о рус. яз.

разу не была присуждена имъ степень кандидата русской словесности“¹⁾).

Въ мотивахъ закона отъ 10 апр. 1887 г. о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа отмѣченъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что „въ 1850 г. въ Митавской гимназій шесть предметовъ преподавались на русскомъ языкѣ, нынѣ же, по донесенію директора означенной гимназій, учителя оной заявили, что ни одинъ изъ нихъ не можетъ преподавать по-русски, хотя они обучались этому языку въ гимназіяхъ и обязаны были держать экзаменъ по этому предмету въ университетѣ“. Вслѣдствіе вкоренившагося ненормальнаго направленія, читаемъ далѣе въ мотивировкѣ этого закона, учебныя заведенія Дерптскаго учебнаго округа не могли дать исполнителей Высочайшаго указа 14 сент. 1885 г. о дѣлопроизводствѣ на русскомъ языкѣ и другихъ мѣръ, Высочайшею волею предначертанныхъ для блага Прибалтійскихъ губерній. Этому требованію могли удовлетворить лишь тѣ латыши и эсты, которые по окончаніи гимназій обучались въ Московскомъ университетѣ, а также воспитанники двухъ русскихъ гимназій, географически находящихся въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, но примыкающихъ не къ Дерптскому, а къ русскимъ университетамъ²⁾).

И попечитель Капустинъ въ донесеніи министру нар. пр., по поводу записки на Высочайшее имя лифляндскаго ландмаршала барона Мейендорфа, направленной противъ закона 10 апр. 1887 г., ссылаясь между прочимъ на то, что „учители (гимназій) изъ иностранцевъ и изъ числа окончившихъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ дѣйствительно не владеютъ въ большинствѣ русскимъ языкомъ“. Къ этому онъ прибавилъ, что „замѣна такихъ учителей преподавателями изъ числа окончившихъ курсъ въ университетахъ имперіи крайне

1) Сб. пост. VII, 2015.

2) Сб. постап. X, 795 слл.

желательна, такъ какъ смягчитъ въ дѣлѣ образованія то нежелательное одностороннее направленіе, въ которомъ воспитываются Дерптскіе студенты, продолжающіе на государственной службѣ свои корпоративныя связи, и послужитъ къ скрѣпленію этой окраины съ прочими частями имперіи“¹⁾.

Во всеноданныйшемъ докладѣ по этому поводу отъ 12 іюля 1887 г. гр. Деляновъ прибавляетъ: „Выдѣленіе русскаго языка (въ преподаваніи и испытаніяхъ по оному) при нѣмецкомъ преподаваніи не достигаетъ цѣли. Это доказывается примѣромъ Дерптскаго университета . . . Безъ преподаванія на русскомъ языкѣ всѣ мѣры къ успленію знанія государственнаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ будутъ безплодны. Въ теченіе 60 лѣтъ правительство увеличивало не разъ число уроковъ по русскому языку, а между тѣмъ нѣсколько поколѣній, прошедшихъ черезъ школу, не въ состояніи говорить по-русски“.

Подъ этою запискою гр. Делянова имѣется слѣдующая помѣтка Имп. Александра III: „Совершенно раздѣляю все изложенное въ Вашей запискѣ“²⁾.

Укажемъ еще циркулярное распоряженіе попечителя Капустина отъ 26 дек. 1888 г. объ учителяхъ, оказывающихся неспособными преподавать на русскомъ языкѣ:

. . . . „Весьма многіе учителя не могли исполнить закона 10 апр. 1887 г. по неспособности преподавать по-русски. Такое печальное явленіе объясняется отчасти общимъ ненормальнымъ строемъ учебныхъ заведеній Дерптскаго учебнаго округа, отчасти же тѣмъ, что въ Дерптскомъ университетѣ не обращалось достаточнаго вниманія на русскій языкъ и выдавались свидѣтельства на учительское званіе не заботясь о томъ, способны ли получившіе таковыя свидѣтельства преподавать на русскомъ языкѣ“³⁾. . .

1) Тамъ же X, 922.

2) Сб. постан. X, 919—922.

3) Циркуляры по Дерпт. уч. окр. за 1888 г., стр. 634.

Вѣрность этихъ многочисленныхъ указаній на недостаточное знакомство съ русскимъ языкомъ значительной части здѣшняго студенчества удостовѣряется и неоднократно ходатайствами изъ его среды въ началѣ 90-ыхъ годовъ, отчасти и въ послѣднее время, о разрѣшеніи то экзаменоваться по-нѣмецки, то представлять нѣмецкія диссертациі и т. под. Такимъ образомъ процессъ усвоенія государственнаго языка здѣшнею учащеюся молодежью затянулся чуть не на цѣлое столѣтіе и едва теперь приближается къ благополучному окончанію.

Не менѣе замѣчательны и безспорны тѣ затрудненія, какія встрѣтило правительство при проведеніи въ университетѣ мѣропріятій по утвержденію русскаго языка въ его дѣлопроизводствѣ и перепискѣ. Уже въ самомъ началѣ своего существованія, при министрѣ Разумовскомъ (1812 г.), университетъ сознался въ своемъ безсиліи исполнить его требованія въ этомъ отношеніи. Совершенно безслѣдно не только для университета, но и для всего округа, прошло Высочайшее повелѣніе 1836 г. о назначеніи въ немъ начальниками учебныхъ заведеній только такихъ лицъ, которыя основательно знаютъ русскій языкъ, — очевидно, въ видахъ употребленія послѣдняго въ дѣловой перепискѣ. Какъ выше показано, повелѣніе это не было даже своевременно опубликовано, а лишь секретно сообщено попечителю округа. Относительно указа 3 янв. 1850 г. имѣется приведенное уже выше удостовѣреніе комитета министровъ, отъ 9 мая и 13 іюня 1867 г., что въ теченіе 17 лѣтъ указъ этотъ „оставался мертвою буквою“ ¹⁾. И повторительные указы такого же приблизительно содержанія отъ 1 іюня 1867 г. и 21 окт. 1869 г. настолько были потомъ смягчены дополнительными разъясненіями и ограниченіями, что не имѣли дѣйствительнаго значенія. Вотъ почему при Имп. Александрѣ III еще разъ былъ изданъ 14 сент. 1885 г. указъ такого же приблизительно

1) Сб. постан. IV, 598.

содержанія, какъ указы 3 янв. 1850 г. и 1 июня 1867 г., послѣ чего выраженная въ послѣднихъ воля Императоровъ Николая I и Александра II приближается наконецъ къ осуществленію.

Чѣмъ же объясняется такая необычайная медленность въ исполненіи правительственныхъ постановленій по утвержденію русскаго языка въ преподаваніи, въ живомъ употребленіи студентовъ и наконецъ въ дѣлопроизводствѣ здѣшняго университета?

Точный отвѣтъ на это едва ли возможенъ въ настоящее время, когда еще не разработаны многія главы исторіи этого университета, въ его отношеніяхъ къ правительству, къ мѣстному обществу и къ національнымъ движеніямъ истекающаго столѣтія. Но нѣкоторыя изъ причинъ указанной медлительности въ общихъ чертахъ можно и теперь отмѣтить, на основаніи доступныхъ матеріаловъ.

Первою изъ нихъ представляется нѣкоторая неясность правительственной программы какъ при основаніи университета, такъ и при дальнѣйшемъ его развитіи, до царствованія Имп. Александра III. Неяснымъ представляется, напримѣръ, считали ли Императоры Павелъ I и Александръ I этотъ университетъ реставраціей стараго шведскаго университета, основаннаго Густавомъ Адольфомъ въ Юрьевѣ въ 1632 г. и, послѣ нѣсколькихъ перекочевываній въ Перновъ (въ 1669 г. и въ 1699—1710 гг.), прекратившаго свое существованіе вслѣдствіе бѣгства профессоровъ въ Швецію во время великой сѣверной войны, — или, наоборотъ, они признавали его университетомъ новымъ, не имѣющимъ съ *Academia Gustaviana-Carolina* ничего общаго, кромѣ случайнаго совпаденія мѣстонахожденія обоихъ? Въ первомъ случаѣ возникъ бы вопросъ: какъ относилось русское правительство къ тѣмъ задачамъ, которыя возложены были въ XVII в. на *Academia Gustaviana-Carolina* правительствомъ шведскимъ и которыя заключались, главнымъ образомъ, въ укрѣпленіи нравственныхъ связей этого края съ Швеціей и въ ослабле-

ни его тяготѣнія къ Германіи, отчасти и къ Польшѣ? При невозможности возстановить въ Юрьевѣ университетъ государственно - шведскій, пришлось бы, конечно, разсматривать его какъ университетъ государственно - русскій, имѣющій цѣлью нравственное закрѣпленіе Ливоніи, Эстоніи и Куроніи за — Россіей. Если же это былъ университетъ новый, не имѣвшій ничего общаго съ упраздненнымъ великою сѣвѣрною войною шведскимъ, то въ какихъ отношеніяхъ онъ находился къ тому проекту, объ утвержденіи котораго напрасно ходатайствовало въ 1710 г. передъ Петромъ Великимъ лифляндское дворянство, напиравшее особенно на евангелическо-лютеранское вѣроисповѣданіе профессоровъ и на обученіе знатной молодежи языкамъ и разнаго рода спорту? ¹⁾ Эпитетъ „протестантскій“ встрѣчается въ предварительныхъ постановленіяхъ объ этомъ университетѣ Имп. Павла I, равно какъ и нѣкоторая зависимость сего ун-та, при извѣстныхъ условіяхъ, отъ Остзейскаго рыцарства. Но позже, въ учредительной грамотѣ университета отъ 12 дек. 1802 г. и въ его уставахъ 1803 и 1820 г. мы вовсе не встрѣчаемъ ни вѣроисповѣдныхъ, ни сословныхъ ограниченій. Наоборотъ, по § 17 учредит. грамоты и по § 1 устава 1803 г. въ студенты этого университета принимаются „люди всякаго состоянія, русскіе уроженцы и иностранцы“. Коллегія же рыцарскихъ кураторовъ, права которой были обусловлены денежными взносами рыцарства на содержаніе университета, вскорѣ была упразднена, за незначительностью этихъ взносовъ и въ виду раздоровъ между кураторами и профессорами университета.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой неясности и въ словахъ учредительной грамоты, опредѣляющей задачи университета: „учреждается онъ на вѣчное время для нашего царства, иначе же

1) Die Universität im Liffland . . . aliezeit mit tüchtigen Professoren, der ev.-luth. Religion zugethan, besetzt, auch zur Commodität der adeligen Jugend mit Sprachen und Exercitien-Mustern versehen werden (Das erste Jubelfest der Kals. Univ. Dorpat. 1828. стр. 23).

для губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской!“ Въ случаѣ, нанримѣръ, коллизіи между интересами „царства“ и названныхъ „губерній“, какова должна быть задача и роль этого университета?

Подобная же неясность правительственной программы выражается и во взглядахъ первыхъ учредителей университета на выпускъ заграничныхъ профессоровъ. Ими. Павелъ I считалъ необходимымъ отказаться отъ ихъ вызова, вѣроятно по причинамъ политическимъ, тогда какъ Ими. Александръ I допускаетъ такой вызовъ, при недостаткѣ своихъ кандидатовъ, причемъ оставалось неяснымъ, временная ли это мѣра, имѣвшая въ ту пору примѣненіе и къ прочимъ русскимъ университетамъ, или — законная норма для будущаго? Кромѣ того, долгое время оказывался не выясненнымъ вопросъ: можетъ ли правительство содержать на одной изъ своихъ окраинъ, на казенный счетъ, заведеніе, гдѣ всѣ науки, не исключая русскаго отечествовѣдѣнія, преподаются иностранцами или инородцами, на иностранномъ языкѣ и конечно съ иностранныхъ точекъ зрѣнія, нерѣдко идущихъ въ разрѣзъ съ интересами русской государственности и съ основами русской образованности?

Невольно вспоминаются мнѣ при этомъ слѣдующія строки записки б. новороссійскаго попечителя Голубцова: „О мѣрахъ къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ“ (отъ 2 февр. 1870 г.):

„Въ характерѣ русскаго правительства есть одна черта, правда, прекрасная сама по себѣ, но не всегда гармонирующая съ твердою политикою. Это — излишняя, иногда въ ущербъ русскимъ государственнымъ интересамъ, деликатность въ отношеніи къ инородцамъ, населяющимъ окраины Имперіи, покоренныя русскимъ оружіемъ въ различныя эпохи; это — боязнь быть обвиненнымъ въ эгоизмъ и нетерпимости, хотя дѣло идетъ не о преслѣдованіи той или другой религіи, не о стѣсненіи языка того или другого племени, а нанротивъ,

о возстановленіи законныхъ правъ преслѣдуемаго русскаго языка“ . . . 1)

Лишь въ правительственныхъ актахъ эпохи Имп. Александра III можно встрѣтить вполне ясный взглядъ на задачи русской школы въ окраинахъ, въ частности же на государственно-національныя задачи прибалтійскихъ школъ и въ томъ числѣ Юрьевскаго университета. Очень характерна въ этомъ отношеніи мотивировка гр. Деляновымъ законопроекта о введеніи преподаванія на русскомъ языкѣ въ правительственныхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа, Высочайше утвержденнаго 10 апр. 1887 г.: . . . „Поиечитель Каиустинъ представляетъ слѣдующія соображенія:

„Населеніе трехъ Прибалтійскихъ губерній простирается въ 2.112.000 душъ. Изъ этого числа на долю латышей (956.000) и эстовъ (820.000) приходится 1.776.000; затѣмъ нѣмцевъ около 160.000, русскихъ 83.200, поляковъ и литовцевъ 13.000, евреевъ болѣе 77.000; остальные суть шведы, ливы и пр. Такимъ образомъ нѣмцы, включая въ число ихъ онѣмеченныхъ латышей и эстовъ, составляютъ лишь $\frac{1}{13}$ часть общаго числа народонаселенія Прибалтійскихъ губерній. Только въ городахъ ихъ насчитывается около $\frac{1}{3}$ всего числа жителей, въ селахъ же число русскихъ съ литовцами въ 2 губерніяхъ значительно превышаетъ число нѣмцевъ. Между тѣмъ почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа преподаваніе ведется на нѣмецкомъ языкѣ; учебныя же заведенія съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ составляютъ между ними лишь весьма рѣдкія исключенія. Города, селенія, частныя лица учреждаютъ и поддерживаютъ нѣмецкія училища въ ущербъ и противовѣсъ русскимъ. Въ томъ же направленіи дѣйствовало до послѣдняго времени и правительство . . . Ежегодный расходъ государственнаго казначейства на нѣмецкія среднія учебныя заведенія простирается до 117.191 р., на русскія же среднія учебныя заведенія ассиг-

1) Сб. распор. IV, 833.

нуется 82.131 р. Что касается высшихъ учебныхъ заведеній, то они всѣ нѣмецкія, если исключить Дерптскій ветеринарный институтъ, который въ послѣднее время сталъ переходить къ преподаванію на русскомъ языкѣ. На университетъ отпускается ежегодно изъ государственнаго казначейства 249.085 р., на Рижское политехническое училище 10.000 р., на ветеринарный же институтъ 40.800 р. Такимъ образомъ на нѣмецкое среднее и высшее образованіе правительство употребляетъ изъ государственныхъ средствъ ежегодно 376.276 р., тогда какъ на русское только 122.211 р. . . . При указанныхъ условіяхъ содержаніе нѣмецкихъ учебныхъ заведеній на счетъ казны нельзя признать явленіемъ нормальнымъ. Оно противорѣчитъ требованіемъ русской государственности и не находитъ себѣ никакого оправданія въ педагогическихъ соображеніяхъ. Поддерживая нѣмецкія училища преимущественно передъ русскими, правительство тѣмъ самымъ воспитываетъ въ народѣ мысль, что эстляндскій край не есть русскій, что онъ примыкаетъ къ иной, чужеземной культурѣ. Эта мысль невольно усваивается самими учебными заведеніями, весь внутренній строй которыхъ получаетъ характеръ отчужденія отъ Россіи; на преподаваніе русскаго языка смотрятъ въ этихъ училищахъ какъ на уступку печальной необходимости; юноши воспитываются по нѣмецкимъ учебникамъ, читаютъ только нѣмецкія книги и почерпаютъ въ нихъ свое міросозерцаніе. Особенно печально вліяніе такого порядка на латышей и эстовъ. Тамъ, гдѣ это возможно, они поступаютъ въ русскія училища Но наполняютъ также и нѣмецкія, усматривая въ поощреніи, какое оказывается симъ послѣднимъ со стороны министерства нар. пр. непреложное указаніе на виды правительства. Такое положеніе дѣлъ производитъ смуту въ умахъ, не согласуется съ прочими правительственными мѣропріятіями и служитъ препятствіемъ къ осуществленію сихъ послѣднихъ. Посредствомъ школъ происходитъ несогласное съ государственною политикою и справедливостью подчиненіе ¹²/₁₃-ыхъ русскаго или стремящагося

къ сближенію съ Россіей народонаселенія $\frac{1}{13}$ -ой, проникнутой иными воззрѣніями“ ...¹⁾).

Къ этому гр. Деляновъ прибавляетъ отъ себя:

„Существованіе и признаніе единого общегосударственного языка для всѣхъ частей государства, каковы бы ни были его этнографическіе элементы, безъ всякаго сомнѣнія составляетъ одно изъ важныхъ основаній государственнаго единства. Русская школа въ Прибалтійскомъ краѣ, составляя одно изъ надежнѣйшихъ средствъ къ распространенію здѣсь русскихъ началъ и усиленію русскаго вліянія, послужить къ объединенію и сближенію этой окраины съ внутренними губерніями... Въ теченіе длиннаго ряда годовъ (органы правительства) поддерживали мысль о томъ, что нѣмецкій языкъ имѣетъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ значеніе государственнаго... Такимъ образомъ для учителей, сторонниковъ Прибалтійской обособленности, не существуетъ никакихъ побужденій преподавать по-русски: они пользуются одобреніемъ правительства и общества. Точно такъ, наоборотъ, весьма значительное число преподавателей, свободныхъ отъ предразсудковъ, не находятъ себѣ поддержки при переходѣ къ русскому преподаванію“²⁾.

Въ одномъ изъ циркуляровъ Н. А. Лавровскаго (отъ 15 аир. 1893 г.) та же мысль выражена въ слѣдующихъ мѣткихъ словахъ:

„Необходимо отрѣшиться отъ ложной мысли о возможности съ успѣхомъ вести обученіе на двухъ языкахъ, тѣмъ болѣе, что эта мысль находится въ прямомъ противорѣчій съ закономъ, утвердившимъ государственный языкъ языкомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа“³⁾.

Что касается тѣхъ органовъ правительства, на которыхъ налагаетъ главная отвѣтственность за указанное недомысліе въ пониманіи нашихъ государственныхъ интересовъ въ этой

1) Сб. постанов. X, 785—787.

2) Сб. постанов. X, 791 слл.

3) Циркул. за 1893 г. стр. 166.

окраинѣ, то еще въ „Окраинахъ Россіи“ Ю. О. Самарина — этого предтечи Манассеина по вопросамъ нашей Прибалтійской политики — показано, что таковыми являлись прежде всего Остзейскіе генералъ - губернаторы, при томъ не только нѣмецкаго происхожденія (кн. Ливентъ, бар. Палентъ, бар. Ливентъ), но и коренные русскіе (кн. Суворовъ, гр. Шуваловъ, генер. Альбединскій, кн. Багратіонъ). Объясняется ли это явленіе неудачнымъ выборомъ лицъ для столь отвѣтственной должности (чуть ли не единственное исключеніе составляетъ ген. - губ. Головинъ), или трудностью служебнаго положенія этихъ какъ бы ново - грессмейстеровъ ордена — рѣшить трудно. Но имѣется не мало данныхъ въ подтвержденіе указаннаго тезиса „Окраинѣ Россіи“.

Такъ напр. „гуманный внукъ воинственнаго дѣда“ кн. Суворовъ, тотъ самый, отзывъ котораго о слабомъ знакомствѣ остзейскихъ чиновниковъ съ русскимъ языкомъ приведенъ выше, въ томъ же 1848 г. писалъ слѣдующее:

„Надлежитъ признать, что въ Дерптскомъ университетѣ, въ уѣздныхъ и народныхъ училищахъ и даже въ частныхъ пансіонахъ русскій языкъ занялъ принадлежащее ему мѣсто (!!) и занялъ безъ насильственныхъ распоряженій, такъ сказать по сознанію края (!), что это орудіе необходимо для него нужно. Въ такомъ положеніи всякое понудительное распоряженіе казалось бы изъясвленіемъ нѣкотораго неудовольствія правительства и недо вѣрія къ собственнымъ усиліямъ жителей достигнуть указанной имъ цѣли“ ¹⁾.

Ген.-губ. гр. Шуваловъ признавался одному изъ остзейскихъ заправилъ, что онъ сочувствуетъ онѣмеченію латышей и въ этихъ видахъ поддерживаетъ проектъ введенія въ Прибалтійскомъ краѣ суда присяжныхъ, съ нѣмецкомъ языкомъ въ дѣлопроизводствѣ ²⁾.

Третій же изъ названныхъ генералъ - губернаторовъ,

1) Самаринъ, Собр. сочиненій т. VIII, стр. 109.

2) Тамъ же VIII, 23.

Альбедискій, при разсмотрѣніи въ 1869 г. вопроса о подтвержденіи и дальнѣйшемъ развитіи неисполненнаго дотоѣ указа 3 янв. 1850 г. о введеніи русскаго дѣлопроизводства въ коронныхъ учрежденіяхъ Прибалтійскаго края, въ частности же въ учебныхъ заведеніяхъ, выразилъ „убѣжденіе, что при данномъ составѣ этихъ заведеній это невозможно и даже немыслимо“¹⁾ . . .

Но имѣются данныя, что и попечители Дерптскаго учебного округа, по выдѣленіи этой должности отъ генераль-губернаторской, особенно же фонъ-Брадке, гр. Кайзерлингъ и Сабуровъ, нерѣдко приносили въ жертву интересы общегосударственные изъ за мѣстнаго патріотизма или нашего російскаго псевдо-либерализма. Этого рода вліяніями объясняется, наиримѣръ, изъятіе Дерптскаго университета изъ круга дѣйствія общихъ уставовъ и штатовъ русскихъ университетовъ, какъ при Имп. Николаѣ I, такъ и при Имп. Александрѣ II. Въ самомъ дѣлѣ, по Высочайшему рескрипту на имя министра нар. пр. Шишкова отъ 14 мая 1826 г. должно было произойти уравниеніе уставовъ всѣхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ школъ и до университетовъ, съ надлежащими измѣненіями для округовъ Дерптскаго и Виленскаго²⁾. Однако при изданіи въ 1835 г. общаго устава Императорскихъ російскихъ университетовъ Дерптскій университетъ былъ оставленъ въ сторонѣ, при уставѣ 1820 г. Тоже повторилось въ 1860—65 гг., когда „Общій“ уставъ вырабатывался подъ предсѣдательствомъ дерптскаго попечителя фонъ-Брадке, при участіи депутата отъ Дерптскаго университета, и однако не былъ распространенъ на послѣдній, а наоборотъ, замѣненъ для него отдѣльнымъ уставомъ 1865 г., благодаря между прочимъ усиліямъ дерптскихъ попечителей фонъ-Брадке и гр. Кайзерлинга, о чемъ университету не разъ впослѣдствіи приходилось сожалѣть и каяться³⁾.

1) Сб. постанов. IV, 1434.

2) Тамъ же IV, 50.

3) Ср. мою статью: Юрьевскій университетъ. Рига 1898 г.

Тотъ-же гр. Кайзерлингъ въ донесеніи министру нар. пр. по вопросу о введеніи въ учебныхъ заведеніяхъ Д. уч. округа внутренняго дѣлопроизводства и переписки на русскомъ языкѣ, высказался противъ этой мѣры, ссылаясь на различіе коронныхъ присутственныхъ мѣстъ съ одной стороны, а учебныхъ заведеній съ другой, а также на невозможность понудить къ изученію русскаго языка выписанныхъ изъ Германіи профессоровъ университета. Онъ признаетъ даже, что попечитель долженъ сноситься съ университетомъ на нѣмецкомъ языкѣ, „если желаетъ сохранить къ нему непрерывныя и живыя отношенія“¹⁾.

Не даромъ этотъ русскій сановникъ считался личнымъ другомъ кн. Бисмарка! . . .

Относительно нѣмцующаго образа дѣйствій окружного управленія въ концѣ 70-ыхъ и началѣ 80-хъ годовъ имѣются очень характерныя свѣдѣнія въ мотивахъ закона 10 апр. 1887 г.:

. . . „Съ 1876 по 1881 гг., пишетъ гр. Деляновъ, со стороны правительства (при попечителяхъ Сабуровѣ и Штакельбергѣ?) послѣдовалъ рядъ мѣръ къ поддержанію нѣмецкихъ учебныхъ заведеній. Такъ, въ 1876 г. увеличена сумма пособія Аренбургской гимназіи и отпущены средства на содержаніе параллельныхъ классовъ Дерптской гимназіи; въ 1877 г. назначено пособіе дворянской гимназіи близъ Вендена (въ Биркенруэ); въ 1877 г. послѣдовало новое увеличеніе отпуска пособія Аренбургской гимназіи. Но самымъ неблагопріятнымъ годомъ для русскихъ училищъ въ Остзейскомъ краѣ былъ 1880-ый. Такъ 6 мая послѣдовало утвержденіе устава Либавской гимназіи, на которому православный законоучитель поставленъ ниже лютеранскаго; 30 іюля исходатайствовано Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи нѣмецкихъ реальныхъ училищъ, которымъ переданы казенные дома и назначены пособія отъ казны; а также предоставлены

1) Сб. пост. IV, 1415 — 1426.

особыя права женскому училищу госпожи Муйшель (въ Юрьевѣ) и нѣмецкой гимназій Кольмана. Наконецъ въ томъ же году всѣ казенныя уѣздныя училища Курляндской губерніи переданы Курляндскому дворянству, а затѣмъ разрѣшено всѣмъ сословіямъ и обществамъ учреждать новыя нѣмецкія уѣздныя училища. Этими мѣропріятіями закрѣплено было господство нѣмецкаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ; русскія училища получили характеръ лишь терпимыхъ и какъ бы чужеземныхъ“ 1).

Не удивительно, если примѣръ начальниковъ вызывалъ нерѣдко подражаніе и въ средѣ подчиненныхъ. Особенно замѣтно это въ дѣятельности совѣта, правленія и ректоровъ. Выше приведено уже много данныхъ, характеризующихъ ихъ враждебное отношеніе къ русскому языку, при обсужденіи напр. въ 1818 и 1819 гг. предложеній проф. Неймана о мѣрахъ для подъема занятій студентовъ русскимъ языкомъ; въ 1823 г. по вопросу о степени познаній по этому предмету, требуемыхъ при градуальныхъ испытаніяхъ; въ 1827 г. по поводу жалобы главнаго врача флота Лейтона на недостаточныя познанія въ русскомъ языкѣ дерптскихъ врачей; въ 1827 г. по вопросу объ испытаніяхъ по русскому языку на разныхъ факультетахъ; въ 1832 г. по поводу переписки съ Рижскимъ комиссаріатскимъ депо; въ 1841 г. по поводу требованія попечителя сноситься на русскомъ языкѣ съ департаментомъ нар. пр. и по денежной отчетности; въ 1842 г. по поводу переписки съ Динабургской комиссаріатской комиссіей; въ 1844 г. и 1845 г. по поводу чтенія по русскому языку государственнаго врачебновѣдѣнія; въ 1845 г. по поводу требованій о преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ; въ 1845 г. по вопросу о планѣ обученія студентовъ русскому языку; въ 1848 г. по поводу заявленія кн. Суворова о слабомъ знаніи бывшими питомцами Д. университета русскаго языка; въ 1861 г. при перепискѣ объ испытаніи

1) Сб. постанов. X, 795.

по русскому языку иностранныхъ врачей; въ 1863 г. при возбужденіи ректоромъ Биддеромъ вопроса о признаніи лекцій по русскому языку необязательными для большинства студентовъ. Но особенно характернымъ представляется въ этомъ отношеніи столкновение совѣта съ попечителемъ Жерве въ 1869 и 1870 гг., по вопросу о языкѣ дѣловой переписки университета съ управленіемъ округа. Случилось это такъ:

21 ноября 1869 г. совѣту сообщено было предложеніемъ управлявшаго округомъ (по выходѣ въ отставку гр. Кайзерлинга) Николичемъ Высочайше утвержденное 31 окт. 1869 г. положеніе комитета министровъ о примѣненіи къ учебнымъ заведеніямъ Дерптскаго уч. округа, содержащимъ исполнѣ или отчасти на счетъ казны, указа 1 іюня 1867 г., относительно веденія въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ Прибалтійскаго края на русскомъ языкѣ дѣлопроизводства, а также переписки какъ съ коронными мѣстами и учрежденіями Прибалтійскихъ губерній, такъ и внѣ оныхъ — съ высшими и общими государственными установленіями и вообще съ губернскими присутственными мѣстами. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было подтвердить не опубликованное въ свое время Высочайшее повелѣніе отъ 16 дек. 1836 г. объ опредѣленіи въ начальники учебныхъ заведеній (а именно: директоровъ и инспекторовъ гимназій и прогимназій и смотрителей уѣздныхъ училищъ) только лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ.

Совѣтъ въ засѣданіи 26 ноября 1869 г. постановилъ по этому поводу образовать особую комиссію изъ ректора Георга Эттингена и профессоровъ Энгельгардта, Рummеля, Гарпака и Энгельмана. Комиссія эта въ докладѣ совѣту выразила мнѣніе, что указъ 16 окт. 1836 г. вовсе не относится къ университету; что веденіе русской переписки съ указанными въ Высочайшемъ повелѣніи 1 іюня 1867 г. мѣстами и учрежденіями не можетъ быть соединено съ тою организаціей университетскаго управленія, которая опредѣлена уставомъ 1865 г., ибо управленіе это ведется-де коллегіально учрежденіями, которыя лишь случайно имѣютъ въ своей средѣ лицъ, знающихъ русскій

языкъ; что не знающій напр. таковаго ректоръ затруднится подписывать непонятныя ему бумаги отъ имени совѣта, правленія и вообще университета, и что необходимо ходатайствовать, чтобы университетъ и впредь обязанъ былъ сношаться по-русски лишь съ центральными и небалтійскими учрежденіями, съ балтійскими же или путемъ схематическихъ русскихъ бланковъ и переводовъ или, по прежнему, на языкъ нѣмецкомъ, который долженъ-де быть знакомъ прибалтійскимъ учрежденіямъ. Вскорѣ дѣло это было осложнено сообщеніемъ университету новаго попечителя Жерве о своемъ вступленіи въ должность, написаннымъ на русскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на это сообщеніе, ректоръ Г. Эттингенъ въ нѣмецкомъ письмѣ отъ 4 февр. 1870 г., поздравляя попечителя со вступленіемъ въ должность, просилъ его отъ имени совѣта отказаться впредь въ сношеніяхъ съ университетомъ отъ русскаго языка и писать на нѣмецкомъ, какъ это имѣло мѣсто въ теченіе 70 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что нѣтъ-де закона, который бы обязывалъ ректора и прочихъ членовъ университетскаго управленія знать по-русски; что же касается Высочайшаго повелѣнія отъ 31 окт. 1869 г., то оно вовсе не относится-де къ сношеніямъ университета съ попечителемъ, такъ какъ сношенія эти имѣютъ характеръ переписки внутренней, а не внѣшней, слѣд. должны впредь вестись на языкъ нѣмецкомъ, а не русскомъ, что совершенно-де невыполнимо.

На письмо это Жерве отвѣтилъ сообщеніемъ отъ 8 февр. 1870 г., что онъ руководился въ данномъ случаѣ указаніями правительства и волею Государя Императора, выраженною въ Высочайшемъ повелѣніи отъ 21 ноября 1869 г., но что ходатайство по сему дѣлу совѣта онъ представитъ министру нар. пр.

Слѣдствіемъ этого представленія было указанное уже выше образованіе по Высочайшему повелѣнію особой комиссіи, единогласно признавшей, что законъ 31 окт. 1869 г. относится къ университету и что вслѣдствіе того послѣдній обязанъ сношаться съ попечителемъ не иначе, какъ по-русски, каковое заключеніе

комиссiи было утверждено Государемъ Императоромъ 13 марта 1870 г. и сообщено попечителемъ совѣту въ предложенiи отъ 27 марта 1870 г.

Казалось бы, что совѣту оставалось только принять это Высочайше утвержденное заключенiе особой комиссiи къ исполненiю. Но случилось иначе. Въ средѣ преподавателей началась агитацiя противъ этого постановленiя и ректору подана петицiя о защитѣ опредѣленнаго уставомъ управленiя университета, подписанная многими доцентами. Вслѣдствiе того совѣтъ въ засѣданiи 8 апр. 1870 г. постановивъ по сему предмету: „принять къ исполненiю, *ad acta*“, вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ попечителя представить Государю Императору всеподданнѣйшее прошенiе (*Gnadengesuch*) совѣта, текстъ котораго выработанъ былъ особой комиссiей изъ ректора Г. Эттингена и профессоровъ Швабе, Энгельгардта, Гарнака и Энгельмана. Въ прошенiи этомъ сказано главнымъ образомъ слѣдующее:

„Дерптскiй университетъ имѣлъ возможность оказать существенныя услуги наукѣ потому, что сближаясь съ западной Европой по языку преподаванiя, онъ имѣлъ право . . . вызывать извѣстныхъ ученыхъ изъ Германiи для содѣйствiя ученымъ мѣстнымъ Но въ дѣлѣ совѣстливаго исполненiя своихъ обязанностей . . . и руководства студентовъ на пути долга и чести, успѣхъ (университета) долженъ быть приписанъ системѣ самоуправленiя, существующей въ университетѣ со дня его основанiя Исполненiе Высочайшаго повелѣнiя (о русскомъ языкѣ во внѣшнемъ дѣлопроизводствѣ, за исключенiемъ факультетскаго) сопряжено съ ущербомъ для бытiя и дѣятельности университета Университетъ только тогда можетъ успѣшно и съ истинною преданностью къ дѣлу выполнять свое высокое назначенiе, когда всѣ органы управленiя его будутъ, сообразно съ уставомъ, избираемы исключительно только изъ числа профессоровъ, когда имъ даровано будетъ право сноситься, въ дѣлахъ университета, между собою и со своимъ непосредствен-

нымъ начальствомъ на томъ языкѣ, на которомъ единственно они привыкли думать и давать истинное и прямое выраженіе своимъ мыслямъ (Въ противномъ случаѣ) ректоръ поставляется въ зависимыя отношенія къ переводчику Если бы избирать въ ректоры лишь тѣхъ, кто достаточно знакомъ съ русскимъ языкомъ, то это право стало бы неумѣстною привиллегіею небольшого числа лицъ . . . При этомъ совѣтъ не можетъ скрыть, что подобное затрудненіе можетъ отозваться невыгодными послѣдствіями на молодомъ поколѣніи, которое нуждается въ руководителяхъ, пользующихся общимъ довѣріемъ и притомъ умѣющихъ своимъ личнымъ вліяніемъ направлять студентовъ къ цѣлямъ добра и истины“ . . .

Противъ представленія такой петиціи высказались въ совѣтѣ только три профессора: Мейковъ, Бульмерингъ и Пецгольдтъ.

Попечитель предложеніемъ отъ 19 апр. 1870 г. сообщилъ совѣту, что не можетъ принять для представленія Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія совѣта, въ виду послѣдовавшаго Высочайшаго повелѣнія отъ 13 марта 1870 г. о перепискѣ на русскомъ языкѣ.

И тогда еще совѣтъ не уговорился, но въ засѣданіи 25 апр. 1870 г. постановилъ вторично просить попечителя о представленіи Государю Императору всеподданнѣйшаго прошенія совѣта, ссылаясь на то, что никакимъ закономъ не воспрещено де подавать такія прошенія.

Только профессора Мейковъ, Котляревскій, Драгендорфъ, Штида, Пецгольдтъ и Вилькомъ высказались за передачу *Gnadengesuch'a ad acta*.

Попечитель Жерве вынужденъ былъ 6 мая 1870 г. вторично отклонить ходатайство совѣта, который вслѣдствіе того въ засѣданіи 14 мая постановилъ: „Предложеніе попечителя передать пока *ad acta*, оставивъ за собою право предпринять дальнѣйшія мѣры въ подходящее время“. Только проф. Паукеръ заявилъ, что не согласенъ съ такой мотивировкой рѣшенія.

Можно бы привести и другіе примѣры оппозиціи нѣмецкихъ преподавателей университета противъ мѣръ по утвержденію въ немъ русскаго языка. Она имѣла, напри-
мѣръ, мѣсто въ 1892—93 гг. при введеніи этого языка въ дѣлопроизводство совѣта, правленія и факультетовъ, а также въ примѣненіи его къ испытаніямъ и диспутамъ на ученыя степени, къ диссертациямъ на оныя и т. п. Но въ этихъ случаяхъ оппозиція не имѣла столь шумнаго характера и выражалась въ прошеніяхъ отдѣльныхъ лицъ, а не цѣлыхъ коллегій университета, какъ это мы видѣли въ 1869—70 гг.

Во всякомъ случаѣ, факты этого рода показываютъ, что здѣшняя университетская молодежь не имѣла случаевъ воодушевляться при изученіи русскаго языка примѣромъ своихъ наставниковъ, которые нерѣдко и по истеченіи 30—35-лѣтней службы въ этомъ университетѣ были столь же невѣжественны въ русскомъ языкѣ, какъ и при вступленіи въ нее.

Не лучшіе примѣры видѣла въ этомъ отношеніи наша учащаяся молодежь и въ окружающемъ ее балто-нѣмецкомъ образованномъ обществѣ. Издавна оно было проникнуто руссо-фобствомъ и считало изученіе русскаго языка какъ бы угрозою для своего германизма и протестантизма. Введеніе же этого языка въ присутственныя мѣста и школы представлялось этому обществу — по удостовѣренію В. фонъ Бока — „столь же варварскимъ, какъ и тиранскимъ“. На этой почвѣ развивалась, по словамъ фонъ Бока, „въ сердцахъ учащейся нѣмецкой молодежи, сознающей-де свое превосходство передъ русскими, глубочайшая ненависть къ нимъ“¹⁾.

Очевидно, въ этомъ балтонѣмецкомъ или опѣмеченномъ обществѣ не доставало понятія о томъ, что языкъ есть сила, овладѣніе которой можетъ очень пригодиться въ борьбѣ экономической и національной. Насколько выше нынѣшнихъ балтовъ были старые ганзейцы, которые такъ дорожили привилегіей знать русскій языкъ, что въ 1462 г. издали постано-

1) *Lifländische Beiträge* I, вып. 3 стр. 259. Ср. Самаринъ, Соч. VIII, 110.

влѣніе, по которому ливонцы лишены были права въ своей землѣ обучать русскому языку — неганзейцевъ! ¹⁾).

Если къ этому прибавить своеобразный строй здѣшняго стараго Burschenstaat'a, съ его корпораціями и фереями, организованными по нѣмецкимъ образцамъ, его нѣмецкимъ дѣловымъ языкомъ и господствующимъ вліяніемъ нѣмецкихъ или онѣмеченныхъ филистеровъ; если принять далѣе въ соображеніе, что члены этого своеобразнаго „штата“ и въ городѣ должны были вращаться въ онѣмеченныхъ кругахъ мѣстнаго дворянства, духовенства, бюргерства и вообще такъ называемыхъ „литератовъ“; что и въ семейномъ употребленіи мѣстные бурши чаще слышали рѣчь нѣмецкую или пожалуй латышскую и эстонскую, чѣмъ русскую; что наконецъ всѣ мѣстныя среднія и низшія школы были до 80-ыхъ годовъ заполнены нѣмцами, вслѣдствіе чего абитуріенты этихъ школъ выносили изъ нихъ лишь весьма недостаточное знаніе русскаго языка: то легко понять, почему столь туго распространялся между здѣшними студентами русскій языкъ до послѣдняго времени и почему въ средѣ нашихъ врачей, юристовъ, учителей названіе „Dorpatensis“ было почти синонимомъ невѣжды въ русскомъ языкѣ.

Въ будущемъ это, конечно, не можетъ имѣть мѣста, ибо теперь измѣнилась вся университетская обстановка, — языкъ преподаванія, языкъ дѣлопроизводства, наконецъ и самый составъ слушателей. Уроженцы Прибалтійскихъ губерній въ ихъ средѣ вовсе не играютъ столь преобладающей роли, какъ прежде. Такъ напр. въ 1881 г. между 1065 студентами были не менѣе 881, т. е. $\frac{4}{5}$ изъ абитуріентовъ гимназій Рижскаго учебнаго округа; въ 1891 г. ихъ было изъ 1694 — 1241, т. е. $\frac{3}{4}$; въ 1897 г. изъ 1098 — 450, т. е. $\frac{4}{11}$; въ 1373 — 431, т. е. $\frac{4}{13}$. Въ числѣ же 1373 студентовъ 1898 г. было не менѣе 583 право-

1) Cp. Die Hansa und der Deutsche Ritterorden, von K. v. Schlözer. Berlin 1851, стр. 128 сл.

славныхъ¹⁾, слѣд. достаточный контингентъ для поддержанія между инородцами практики въ русскомъ языкѣ. Вотъ почему если теперь раздаются иногда между студентами жалобы на затрудненія язычнаго характера, по отношенію напр. къ языку преподаванія и испытаній, то обыкновенно онѣ бываютъ направлены противъ языка нѣмецкаго, а не русскаго. И этого рода затрудненія будутъ, безъ сомнѣнія, все болѣе возрастать по мѣрѣ усиленія прилива сюда учащейся молодежи изъ коренныхъ русскихъ губерній, — пока наконецъ они не будутъ устраниены полнымъ торжествомъ государственнаго языка, но примѣненіи къ здѣшнему университету „общаго устава и штата россійскихъ университетовъ“. Остальное будетъ сдѣлано, въ этомъ отношеніи, постепеннымъ ростомъ русской образованности, русскаго національнаго сознанія и національной политики, въ выясненіи задачъ которой не можетъ не принимать посильнаго участія и наше молодое общество, посвященное разработкѣ и распространенію наукъ историческихъ, общественныхъ и педагогическихъ.

1) Примѣчаніе. Къ 15 окт. 1899 считалось изъ 1455 студентовъ 399 изъ Прибалтійскихъ губерній; по вѣроисповѣданіямъ же 750 православныхъ и только 424 протестантовъ.

А. Будиловичъ.

Памяти Н. А. Лавровскаго.

Рѣчь, прочитанная въ засѣданіи Учено-литературнаго общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 30 сент. 1899 г.

Мм. Гг.

Скончавшійся 18 сент. с. г. заслуженный профессоръ и ординарный академикъ, попечитель Рижскаго учебнаго округа Николай Алексѣевичъ Лавровскій принадлежитъ къ числу самыхъ выдающихся дѣятелей русской науки и русской школы, такъ что и наше Учено-литературное общество не можетъ обойти молчаніемъ его свѣжей могилы.

Для полнаго обзора его жизни и дѣятельности у меня нѣтъ теперь подъ рукою необходимыхъ матеріаловъ. Но въ теченіе 25-лѣтняго почти сослуженія съ Н. А. сначала въ Нѣжинѣ, потомъ въ Варшавѣ и наконецъ въ здѣшнемъ учебномъ округѣ, я имѣлъ возможность довольно близко ознакомиться съ его личностью и дѣятельностью, почему и считаю себя въ правѣ представить вамъ, Мм. Гг., краткій очеркъ его полувѣкового почти служенія наукѣ и Россіи, особенно на здѣшней окраинѣ.

Уроженецъ Тверской губ. (1828 г.), гдѣ отецъ его былъ сельскимъ священникомъ, Н. А., наряду съ младшимъ его братомъ Петромъ, уже въ ранней молодости обнаружилъ замѣчательныя способности и любовь къ ученію, благодаря чему они оба удостоились принятія въ Главный педагогическій институтъ въ С.-Петербургѣ. Тутъ они получили прекрасное филологическое образованіе и нашли возможность выйти на ученую дорогу. Н. А. настолько

выдвигался изъ среды товарищей по знанію древнихъ языковъ, что по представленію своего учителя эллиниста Грефе былъ оставленъ при Институтѣ въ званіи адъюнкта по кафедрѣ греческой и латинской словесности (17 авг. 1851 г.). Н. А. любилъ въ послѣдствіи вспоминать это время, когда ему приходилось объяснять студентамъ на латинскомъ языкѣ Гомера и греческихъ трагиковъ. Но вліяніе на обоихъ братьевъ тогдашняго профессора Института по кафедрѣ славянорусской филологіи Измаила Ивановича Срезневскаго было сильнѣе вліянія профессоровъ-классиковъ и очень рано, уже въ началѣ 50-ыхъ годовъ, Н. А. совмѣстно съ Петромъ Алексѣвичемъ, переходитъ къ русской словесности и пишетъ цѣнную для своего времени монографію: О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ русскихъ съ греками (СПБ. 1853 г.). Благодаря прекрасному знакомству съ греческимъ языкомъ не только древняго, но и средняго или византійскаго періода, Н. А-чъ успѣлъ разъяснить много темныхъ мѣстъ въ этихъ договорахъ, возстановивъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ большою вѣроятностью несохранившійся греческій подлинникъ этого важнаго переводнаго памятника.

Переведенный въ 1852 г. (25 авг.) изъ Главнаго института въ Харьковскій университетъ въ званіи адъюнкта, а потомъ (съ 22 іюня 1855 г.) экстраординарнаго профессора по кафедрѣ педагогики, которую онъ занималъ до 8 окт. 1858 г. Н. А. получилъ возможность и имѣлъ побужденіе основательно изучить теоретическія и историческія основы этой науки, которыя онъ могъ провѣрить и на дѣлѣ, какъ университетскій преподаватель и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ членъ комитета для испытанія лицъ, ищущихъ званія домашняго учителя или учительницы по предмету русской словесности. Сверхъ того на Н. А-ча нерѣдко возлагаемы были въ Харьковскомъ округѣ порученія по ревизіи среднихъ учебныхъ заведеній, строй которыхъ онъ могъ уже тогда изучить во всѣхъ подробностяхъ.

Къ этому періоду жизни и научныхъ занятій Н. А-ча

относится изданіе прекрасной монографіи: О древнерусскихъ училищахъ (Харьковъ 1854 г.), гдѣ разсмотрѣна организація русскихъ школъ до конца 15 в., по сравненію со школами инославянскими и византійскими, отчасти и западно-европейскими той же эпохи. Монографія эта, составленная на основаніи очень детальнаго и критическаго изученія древнерусской письменности, а также памятниковъ византійскихъ и западныхъ, въ ихъ научной разработкѣ и въ связи съ общей исторіей и теоріей педагогики, доставила Н. А-у степень доктора славяно-русской филологіи, и наряду съ монографіей: О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины II (Харьковъ, 1856 г.) опредѣлила переходъ его (съ 27 ноября 1858 г.) на кафедру русской словесности въ томъ же Харьковскомъ университетѣ, со званіемъ ординарнаго профессора. Занявъ эту кафедру, Н. А. оставался на ней въ теченіе всей своей послѣдующей профессорской дѣятельности какъ въ Харьковскомъ университетѣ, такъ впослѣдствіи (съ 1875 г.) въ Нѣжинскомъ институтѣ кн. Безбородко и наконецъ (съ 1883 г.) въ Варшавскомъ университетѣ.

Дальнѣйшія научныя работы Н. А. по славяно-русской словесности обнимали и древній, и средній, и новый ея періоды. Особенно замѣчательны были его изслѣдованія по славянской апокрифической литературѣ: Обзорѣніе ветхозавѣтныхъ апокрифовъ (Дух. Вѣстникъ 1864 г. т. IX). Изъ этой области древнеславянской письменности, которую Н. А. изучилъ по сравненію съ византійскими подлинниками и западноевропейскими параллелями, онъ любилъ брать темы для спеціальныхъ занятій со студентами и впослѣдствіи, въ Нѣжинскомъ институтѣ и Варшавскомъ университетѣ.

Къ этой же области изслѣдованій по древнеславянской письменности относятся статьи Н. А-ча: Избраніе Михаила Ѳедоровича на царство (въ Опытахъ историко-филологическихъ трудовъ студентовъ Главн. педагогич. института СПБ. 1852); Разборъ слова о житіи и преставленіи в. кн. Димитрія Ива-

новича (ср. Изв. II отд. Имп. А. Н. 1854 г. т. IV); Русскій языкъ, въ областныхъ нарѣчіяхъ (Москвитянинъ 1856 г. т. IV); Замѣтка о словѣ Севрія въ апокрифическомъ сказаніи объ Адамѣ (Моск. Вѣд. 1861 г. № 24); Памятники стариннаго русскаго воспитанія (Чт. въ Моск. О. II. и Др. 1861 г. кн. III); Повѣсть о чудотворномъ образѣ Богородицы, находившемся въ Выдропускѣ (Лѣт. рус. лит. и древн. изд. Тихонравовымъ, Москва 1862 г. кн. IV); О русской народной поэзіи (Воронежъ, Филологич. Зап. 1868 г. т. VII); О новомъ чепскомъ переводѣ Слова о полку Игоревѣ, К. Я. Эрбена (Ж. М. Н. Пр. 1871 г. ч. CLIV); О Петровскихъ пѣсняхъ (Воронежъ, Филолог. Зап. 1872 г. т. XI); Значеніе настоящаго времени въ классификаціи славянскихъ глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. ч. CLXVI); Замѣчаніе о гирѣ Константина Багрянороднаго (ib.); Замѣтка о текстѣ русскихъ былинъ (Кіевъ, Извѣстія ист.-фил. инст. кн. Безбородко 1877 г. т. I); Кириллъ и Меѳодій и начало христіанства въ Россіи (Меѳодіевскій юбил. сборникъ, Варшава 1885).

Изъ статей же и сочиненій Н. А. по новой русской литературѣ назовемъ слѣдующія: Мнѣніе о преподаваніи новаго періода русской литературы (Циркуляръ по Харьков. уч. окр. 1863 г. № 11—12); Нѣсколько словъ о Ломоносовѣ (Харьковъ 1865 г.); О Ломоносовѣ по новымъ матеріаламъ (ib.); Карамзинъ и его литературная дѣятельность (Харьковъ 1866); О Крыловѣ и его литературной дѣятельности (Ж. М. Н. Пр. 1868 г. ч. CXXXVI); Очеркъ жизни и дѣятельности К. Я. Эрбена (ib. 1871 г. ч. CLIV); Къ біографіи фонъ-Визина (ib. 1872 г. ч. CLX); Опытъ русской исторіи Рейта (ib. ч. CLXV); Къ біографіи Н. В. Гоголя (Изв. Ист.-фил. инст. кн. Безбородко 1881 г. т. VI); Изъ семьи и инколы Пушкина (Варш. Дневникъ 1887 г. №№ 29, 30, 31).

Особую группу составляютъ статьи Н. А. по исторіи

Харьковскаго университета: Рѣчь о заслугахъ ректора Харьк. университета А. П. Рославскаго-Петровскаго (Моск. Вѣд. 1862 г. № 250); А. Н. Зернинъ: Рѣчь при его погребеніи (Харьк. губ. вѣд. 1866 г. № 73); Первоначальная исторія Харьк. университета (Ж. М. Н. Пр. 1869 г. ч. CXLV); Замѣчанія о первоначальной исторіи Харьк. ун-та (Харьк. губ. вѣд. 1869 г. №№ 26. 27); О сношеніи Н. М. Карамзина съ Х. ун-томъ (Рус. Арх. 1869 г. № 12); В. Н. Каразинъ и открытіе Х. ун-та (Ж. М. Н. Пр. 1872 г. ч. CLIX); Эпизодъ изъ исторіи Х. ун-та (Чт. въ Общ. Ист. и Др. Москва 1873 г. кн. II); Воспоминаніе о В. Н. Каразинѣ (Ж. М. Н. Пр. 1873 г. ч. CLXV).

Сюда примыкають еще статьи: Рѣчь на актѣ Ист.-фил. инст. кн. Безбородко (Изв. этого инст. 1878 г. т. II); Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ 1820—32 гг. (тамъ же 1879 г. т. III).

Наконецъ приведемъ еще мелкія статьи Н. А. по вопросамъ педагогическимъ: О прусскихъ регулятивахъ 1, 2 и 3 сент. 1854 г. (Ж. М. Н. Пр. 1858 г. ч. XCVII); Мѣненіи, ея сочиненія и педагогическая дѣятельность до основанія Сень-Сира (Рус. Слово 1859 г. № 10); О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ (Ж. М. Н. Пр. 1861 г. ч. CX); Объ осмотрѣ низшихъ учебныхъ заведеній директорами училищъ (ib.); Обзорѣніе учительскихъ сѣздовъ въ Харьк. уч. округѣ (Ж. М. Н. Пр. 1863 г. чч. CXVII и CXVIII); По поводу преобразованія духовныхъ семинарій (Спб. Вѣд. 1863 г. №№ 166 и 167); По вопросу объ устройствѣ гимназій (Ж. М. Н. Пр. 1867 г. ч. CXXXVI)¹⁾.

Изъ названныхъ сочиненій для насъ, жителей Прибалтійской окраины, особенно поучительна монографія Н. А-ча „О Ломоносовѣ, по новымъ даннымъ“ (1865 г.), написанная къ столѣтнему юбилею „отца новорусской литературы“. Въ

1) Библиографическія данныя заимствованы мною изъ записки Л. Н. Майкова: Объ ученыхъ трудахъ Н. А. Лавровскаго (Зап. И. А. Н. 1892 г. т. LXVII).

монографіи этой Н. А. съ особеннымъ вниманіемъ и рѣдкой проницательностью остановился на борьбѣ Ломоносова съ Шумахеромъ, Таубертомъ, Миллеромъ, а потомъ Шлецеромъ и другими академическими нѣмцами, съ ихъ русскими приспѣшниками, освѣщаемой „Матеріалами“ Билярскаго, но довольно тенденціозно, съ нѣмецкой точки зрѣнія комментируемой въ примѣчаніяхъ издателя. Н. А. разоблачилъ эту тенденціозность и возстановилъ объективную картину академическихъ отношеній и патріотическую цѣль „благородной упрямки“ Ломоносова. Нѣкоторыя перипетіи этой памятной борьбы русскаго дѣятеля Елисаветинской эпохи съ туземными и пришлыми нѣмцами пришлось впоследствии пережить и самому Н. А-чу, въ періодъ его управленія здѣшнимъ округомъ.

Но вообще слѣдуетъ признать, что какъ ни значительны и важны были вклады Н. А. въ русскую науку, въ признаше которыхъ онъ избранъ былъ (3 марта 1890 г.) въ ординарные академики Имп. Академіи наукъ, — онъ успѣлъ при жизни издать далеко не все существенное изъ своихъ изслѣдованій и лекцій по исторіи русской словесности. Я убѣжденъ, что изданіе этихъ лекцій и теперь еще, послѣ болѣе чѣмъ десятилѣтняго перерыва въ ихъ обработкѣ, было бы важнымъ событіемъ въ этой наукѣ, ибо Н. А. былъ человекъ съ очень обширнымъ общимъ образованіемъ, отличный знатокъ міра древняго, весьма начитанный въ памятникахъ византійской и вообще средневѣковой литературы, а также въ новѣйшихъ поэтическихъ произведеніяхъ европейскаго запада, не говоря уже про его основательное знакомство съ памятниками русской письменности, за всѣ періоды ея развитія. Кромѣ того — что особенно важно — Н. А. былъ ученый настоящій, знавшій цѣну строгаго научнаго метода и умѣвшій объединять частности въ общей картинѣ, освѣщенной его яснымъ, точнымъ умомъ и согрѣтой теплымъ національнымъ чувствомъ.

Но дѣятельность Н. А-ча далеко не исчерпывалась на-

учными трудами. Уже въ Харьковѣ ему пришлось, одновременно съ таковыми, заниматься и вопросами университетской администраціи, въ званіи декана историко-филологическаго факультета, которое онъ носилъ съ 1862 по 1874 г., т. е. въ теченіе 12 лѣтъ. Неизмѣнное расположеніе къ Н. А-чу его товарищей по факультету и совѣту, принимавшихъ участіе въ избраніи декановъ, объясняется не только его обширнымъ педагогическимъ образованіемъ и опытностію, но и нѣкоторыми особенностями его характера — благодушнаго и сдержаннаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ стойкаго и строгаго въ исполненіи служебныхъ обязанностей. Въ этомъ отношеніи Н. А-чъ счастливо отличался отъ своего младшаго брата, Петра, человѣка пылкаго, боевого, наступательнаго, хотя по дарованіямъ и энергіи они оба были люди равно выдающіеся.

Ихъ достоинства и заслуги обратили на себя вниманіе тогдашняго министра нар. пр. гр. Д. А. Толстого: въ 1869 г. онъ избралъ Петра Алексѣевича въ ректоры только что преобразованнаго тогда изъ польской Главной школы Варшавскаго университета, а лѣтъ 5 спустя произвалъ Н. А-ча къ преобразованію Нѣжинскаго юридическаго лицея кн. Безбородко въ Историко-филологическій институтъ, котораго первымъ директоромъ и былъ Н. А. въ теченіе 7 л. Въ этомъ званіи онъ имѣлъ возможность въ полномъ блескѣ проявить свои педагогическіе и административные таланты, навсегда связавъ свое имя съ учрежденіемъ этого заведенія и подготовкою въ немъ не одной сотни педагоговъ, съ честью донинѣ занимающихъ учительскія должности по историко-филологическимъ наукамъ въ многочисленныхъ русскихъ гимназіяхъ. Мнѣ довелось быть свидѣтелемъ, отчасти и сотрудникомъ Н. А-ча въ этой его работѣ, и я могу на основаніи личныхъ воспоминаній заявить, что въ это дѣло онъ вложилъ всю свою душу. Преданія закрытаго Н. А-чемъ въ 1875 г. Нѣжинскаго лицея, заведенія полуаристократическаго и щедро раздававшаго юридическіе

дипломы даже многимъ недоучившимся питомцамъ, не были особенно благопріятны для новаго института. Но Н. А. и не перенесъ въ послѣдній этихъ предацій, а организовалъ его заново, по типу Императорскаго историко-филологическаго института въ С.-Петербургѣ. Какъ удаченъ былъ произведенный при этомъ Н. А.-чемъ подборъ первыхъ преподавателей института, это показываютъ имена вышедшихъ изъ этого контингента ученыхъ, каковы напримѣръ: извѣстный нашъ эллинистъ, академикъ, профессоръ, а нѣкоторое время и ректоръ Петербургскаго университета П. В. Никитинъ; латинистъ, почетный докторъ Московскаго университета и бывший ректоръ Варшавскаго университета Г. Э. Зенгеръ; недавно скончавшійся философъ, московскій профессоръ и редакторъ „Вопросовъ философіи и психологіи“ Н. Я. Гротъ; славистъ, московскій профессоръ Р. О. Брандтъ; словесникъ, московскій же профессоръ М. И. Соколовъ и п. др.

Кромѣ личнаго состава, Нѣжинскій институтъ обязанъ первому своему директору и подборомъ своей библіотеки, въ которую вошли богатая книгохранилища извѣстнаго московскаго профессора Шевырева по русской и общей литературѣ и знаменитаго лейпцигскаго латиниста профессора Ричля — по классической филологіи.

Тогда же значительно расширено было помѣщеніе института надстройкою главнаго зданія и пристройкою нѣсколько новыхъ флигелей.

Но особенно много труда и усилій стоила Н. А.-чу организація учебной части и студенческой жизни этого заведенія. Для него не было въ этомъ отношеніи различія между важнымъ и неважнымъ, ибо онъ понималъ, что въ живой школѣ все органически связано и что пренебрегши въ ней мелочами нельзя достичь ничего существеннаго, важнаго. Многіе удивлялись, напримѣръ, тогда въ Нѣжинѣ, что директоръ института считаетъ необходимымъ изо дня въ день являться на молитву студентовъ, ихъ

завтраки и ужины, на ихъ практическія занятія и вообще — входить во всѣ интересы жизни студентовъ. Но если принять во вниманіе, что задача живой школы есть развитіе живой, здоровой и правильно настроенной личности, то необходимо признать, что лишь этимъ ежедневнымъ наблюденіемъ и общеніемъ со студентами могъ директоръ не только слѣдить за такимъ развитіемъ, но и должнымъ образомъ направлять его. Самоотверженный, беззавѣтный трудъ директора поневолѣ долженъ былъ отражаться въ подъемѣ энергіи преподавателей и усердія питомцевъ. Мнѣ не извѣстно, удержались ли въ Нѣжинскомъ институтѣ традиціи Н. А-ча, сохраняется ли тамъ донынѣ его бодрый духъ, благородныя начала и національное направленіе. Но въ ту пору, когда я могъ наблюдать за развитіемъ института, это была школа разумная, прекрасно поставленная и настроенная. Такое заключеніе подтверждать, надѣюсь, и нѣжинскіе питомцы того времени, съ которыми Н. А. сохранялъ трогательныя нравственныя связи до конца своихъ дней.

Столь беззавѣтный семилѣтній трудъ Н. А-ча по организаціи института и развитію его питомцевъ, повидимому, утомилъ его наконецъ, и въ 1882 г. онъ вышелъ въ отставку и переселился въ тотъ излюбленный имъ уголокъ земли на Донцѣ, подъ Харьковомъ, гдѣ онъ имѣлъ свою дачу, свою богатую бібліотеку и возможность продолженія научныхъ занятій. Но годъ спустя (20 авг. 1883 г.) ему пришлось распрощаться съ мирнымъ Кочеткомъ и переѣхать въ шумную Варшаву, на должность ректора университета, которую Н. А. занималъ 7 л., до назначенія его (17 авг. 1890 г.) попечителемъ здѣшняго учебного округа.

Характеръ дѣятельности Н. А-ча въ Варшавскомъ университетѣ, конечно, не могъ быть тотъ же, что въ Нѣжинскомъ институтѣ, гдѣ онъ былъ начальникомъ закрытаго учебного заведенія. Кромѣ того онъ засталъ Варшавскій университетъ уже преобразованнымъ, главнѣйше въ рек-

торство его младшаго брата Петра Алексѣевича. Но все же не мало было сдѣлано и Н. А.-чемъ въ дѣлѣ сближенія личнаго состава и внутренняго строя этого окраинаго университета съ коренными русскими университетами. И здѣсь ему пришлось участвовать въ привлеченіи изъ Россіи новыхъ преподавательскихъ силъ, въ числѣ коихъ находился, между прочимъ, нынѣшній директоръ Института экспериментальной медицины С. М. Лукьяновъ. При Н. А. возникли при нѣкоторыхъ факультетахъ Варшавскаго университета научные семинаріи для практическихъ занятій по разнымъ спеціальностямъ. Тогда же исходатайствовано было разрѣшеніе на допущеніе въ Варшавскій университетъ студентовъ православныхъ духовныхъ семинарій, въ видахъ усиленія русскаго элемента въ средѣ студентовъ. Выработанъ былъ при Н. А. и проектъ примѣненія къ Варшавскому университету „Общаго устава и штата Россійскихъ университетовъ“, но финансовыя трудности задержали введеніе этого устава до настоящаго времени.

Въ ректорство Н. А. начата была и постройка новой университетской библіотеки, но закончена уже при его преемникѣ.

Хотя Н. А. держалъ въ Варшавскомъ университетѣ высоко знамя русской національной и государственной политики, но дѣлалъ онъ это съ такимъ умомъ и тактомъ, что даже поляки въ составѣ преподавателей и студентовъ отдавали должное его безпристрастію и справедливости. Въ жизнь студентовъ онъ не могъ, конечно, входить въ Варшавѣ такъ близко, какъ въ Нѣжинѣ; но при всѣхъ ихъ недоразумѣніяхъ, особенно частыхъ во время экзаменовъ, онъ являлся внимательнымъ посредникомъ и судьей, такъ что — какъ онъ мнѣ разъ заявилъ — ни одна экзаменаціонная двойка не избѣгала занесенія въ его записную книжку. Этимъ въ немалой мѣрѣ объясняется, что въ ректорство Н. А. въ Варшавскомъ университетѣ не было безпорядковъ, хотя въ средѣ его студентовъ и тогда было не мало элементовъ безпокойныхъ.

Доказательствомъ уваженія, какимъ пользовался Н. А. между преподавателями этого университета обѣихъ національностей, можетъ служить то, что на прощальномъ обѣдѣ при его перемѣщеніи въ Ригу присутствовали въ „Русскомъ собраніи“ не только всѣ русскіе, но и всѣ польскіе его сослуживцы. Совмѣстно они поднесли тогда Н. А. на память альбомъ изъ своихъ карточекъ, которымъ онъ очень дорожилъ, какъ доказательствомъ сочувствія ему всѣхъ товарищей, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и направленій.

Послѣдніе девять лѣтъ своей жизни Н. А. провелъ въ здѣшнемъ округѣ, какъ преемникъ М. Н. Капустина и довершитель учебной реформы, начатой здѣсь съ 80-ыхъ годовъ по волѣ Императора Александра III. При назначеніи Н. А. (17 авг. 1890 г.) попечителемъ здѣшняго округа реформа эта, хотя была уже рѣшена въ принципѣ и кое въ чемъ начата осуществленіемъ, въ большинствѣ заведеній проведена еще не была, особенно въ системѣ школъ высшихъ и низшихъ. Да и въ среднихъ школахъ, которыми наиболѣе занимался М. Н. Капустинъ, были еще въ 1890 г. классы преобразовашные и непреобразованные, причемъ во многихъ случаяхъ преобразование это имѣло бумажный характеръ, выражаясь напр. въ преподаваніи на русскомъ языкѣ чистописанія, рисованія и гимнастики. Заслуга Н. А. по отношенію къ среднимъ школамъ округа заключается въ томъ, что онъ настоялъ на дѣйствительномъ исполненіи законовъ и распоряженій, изданныхъ уже раньше, и вообще довершилъ реформу этихъ школъ. Кромѣ того онъ успѣлъ включить въ рамки реформы цѣлую серію такихъ среднихъ школъ — мужскихъ и женскихъ, которыя дотолѣ не были вовсе затронуты реформой, благодаря своему частному характеру. Много времени и усилій посвятилъ затѣмъ Н. А. низшимъ школамъ округа, куда русскій языкъ и духъ проникалъ дотолѣ лишь случайно и формально. Послѣдніе годы своей жизни Н. А. съ наибольшей настойчивостію и

любовію занимался выработкою положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ, которое представлялось ему какъ бы фундаментомъ школьной реформы въ здѣшней окраинѣ. Положеніе это не получило еще, правда, окончательнаго утвержденія, но можно надѣяться, что главныя трудности въ этомъ дѣлѣ уже побѣждены и что патріотическія усилія Н. А. въ данномъ случаѣ не останутся безплодными.

Нѣкоторые русскіе публицисты и даже педагоги упрекали Н. А. въ пренебреженіи къ мѣстнымъ языкамъ при организаціи здѣшней народной школы. Но на дѣлѣ онъ не былъ противникомъ латышскаго и эстонскаго языковъ въ системѣ начальнаго обученія. Онъ полагалъ только, что нелѣпо было бы, подъ фирмою мѣстныхъ языковъ, допустить постепенную германизацію прибалтійской народной школы; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ основательно утверждалъ, что школа эта должна дать ученикамъ не мертвенное лишь, грамматическое, но и живое практическое знаніе русскаго языка, что она должна удовлетворять въ этомъ отношеніи настойчивымъ запросамъ жизни, желаніямъ и потребностямъ латышскаго и эстонскаго простонародья, которыя въ данномъ случаѣ совпадаютъ и съ интересами общегосударственными. Вообще же слѣдуетъ сказать, что занимая административный постъ Н. А. никогда не переставалъ быть педагогомъ, что, ратуя за интересы государственные и народные, онъ никогда не вступалъ при этомъ въ коллизію съ требованіями здоровой дидактики и съ законами развитія человѣческой души. Это ярко отражается въ многочисленныхъ посланіяхъ его по вопросамъ то низшаго, то средняго образованія, написанныхъ имъ лично, со свойственнымъ ему мастерствомъ изложенія, и напечатанныхъ въ циркулярахъ окружнаго управленія. Нѣкоторыя изъ такихъ циркулярныхъ посланій, напр. отъ 5 марта 1891 г. о языкѣ преподаванія въ начальныхъ училищахъ округа; отъ 15 апр. 1893 г. о мѣрахъ къ поднятію успѣховъ по русскому языку въ среднихъ, низшихъ и частныхъ учебныхъ заведеніяхъ округа; отъ 8 февраля

1894 г. о способѣ обученія дѣтей инородцевъ русскому языку въ Прибалтійской народной школѣ; отъ 15 авг. 1893 г., 15 іюля 1895 г. и 15 ноября 1896 г. о лѣтнихъ курсахъ для учителей народныхъ школъ, — навсегда останутся руководящими маяками на распутияхъ Прибалтійской, особенно начальной школы.

Что касается высшихъ учебныхъ заведеній округа, то одно изъ нихъ, именно Юрьевскій ветеринарный институтъ было преобразовано уже въ прежнее время, такъ что по отношенію къ нему заботы Н. А. сосредоточивались лишь въ мѣрахъ для подъема научнаго значенія института и для постепеннаго освѣженія его преподавательскаго состава приливомъ русскихъ научныхъ силъ.

Но Рижское политехническое училище подверглось при Н. А. коренной реформѣ, въ смыслѣ сближенія этого нѣмецкаго дотолѣ заведенія съ русскими технологическими институтами. И эта цѣль почти достигнута новымъ уставомъ Рижскаго политехникума, уравнившимъ его строй и права съ аналогичными институтами Петербургскимъ и Харьковскимъ. Нѣмецкій языкъ раздается, правда, и теперь еще съ нѣкоторыхъ кафедръ политехникума, но число ихъ постепенно сокращается и наконецъ исчезнетъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Н. А-чу главнымъ образомъ обязанъ своимъ преобразованиемъ и нашъ университетъ. При прежнемъ попечителѣ М. Н. Капустинѣ исходатайствованы, правда, были нѣкоторыя важныя постановленія и распоряженія по этой части, напр. указы: 4 февр. 1889 г. о реформѣ юридическаго факультета; 7 іюня 1889 г. объ упраздненіи университетскаго суда и должности спндика; 20 ноября 1889 г. о порядкѣ назначенія ректора, декановъ и профессоровъ; предложеніе министра нар. пр. отъ 30 мая 1890 г. о примѣненіи къ этому университету общерусскихъ „Правилъ о зачетѣ полугодій и полукурсовыхъ испытаній по юридическому факультету“ и н. др. Но все остальное сдѣлано

было по реформѣ университета въ тотъ періодъ времени, когда во главѣ округа сталъ Н. А-чъ. Въ это именно время опубликованы были Высочайшія повелѣнія: отъ 2 дек. 1891 г. объ упраздненіи манежа и должностей учителей верховой ѣзды, танцевъ, плаванія и фехтованія; отъ 9 марта 1892 г. объ уравниеніи съ общенимперскими нормами пенсій тѣхъ профессоровъ нашего университета, которые читаютъ лекціи на русскомъ языкѣ; отъ 25 окт. 1893 г. о распространеніи на Юрьевскій университетъ общихъ положеній объ испытаніяхъ на лѣкаря и доктора медицины; отъ 25 окт. 1894 г. о примѣненіи къ этому университету положенія о юридической государственной комиссіи; отъ 10 марта 1894 г. объ установленіи для студентовъ Юрьевского университета форменной одежды общаго съ другими русскими университетами образца; отъ 29 дек. 1894 г. и 1 янв. 1896 г. объ отпускѣ кредита на устройство и содержаніе университетской православной церкви; отъ 16 янв. 1895 г. объ отпускѣ 31.470 р. въ годъ на усиленіе штатной суммы на содержаніе преподавателей Юрьевского университета и 5000 р. на инспекцію студентовъ онаго; отъ 13 іюня 1897 г. о допущеніи въ студенты этого университета воспитанниковъ православныхъ духовныхъ семинарій, окончившихъ курсъ по 1 разряду и н. др.

Одновременно съ этими указами изданъ былъ въ послѣдніе девять лѣтъ цѣлый рядъ то министерскихъ, то попечительскихъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью сближеніе организаціи Юрьевского университета съ прочими русскими университетами по отношенію къ учебнымъ планамъ, правиламъ о полукурсовыхъ и окончательныхъ испытаніяхъ, затѣмъ по употребленію русскаго языка въ преподаваніи всѣхъ предметовъ, за изъятіемъ богословскихъ и 5—6 кафедръ, занимаемыхъ донинѣ иностранными профессорами (Reichsdeutschen), а также — на испытаніяхъ, диспутахъ, въ диссертанціяхъ на ученые степени, и наконецъ въ дѣло-

производствѣ совѣта, правленія и факультетовъ, не исключая и богословскаго.

И личный составъ преподавателей университета подвергся въ этотъ періодъ времени значительному измѣненію, въ смыслѣ освѣженія его русскими научными силами. Изъ общаго числа 74 нынѣшнихъ профессоровъ, доцентовъ и приватъ-доцентовъ только 16 остались отъ прежняго времени, всѣ же остальные назначены въ управленіе округомъ Н. А., въ томъ числѣ болѣе 40 русскихъ ученыхъ.

Въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ Н. А. не переставалъ хлопотать о примѣненіи къ Юрьевскому университету „Общаго устава и штата Россійскихъ университетовъ“ и не его вина, что мѣра эта, долженствующая закончить реформу университета и обезпечить его дальнѣйшее развитіе въ общерусскомъ направленіи, доннѣ не осуществилась.

Во всякомъ случаѣ, въ исторіи нашего университета имя Н. А. навсегда будетъ связано съ его реформой, совершенною по соображеніямъ не только національно-государственнымъ, но и строго научнымъ, въ смыслѣ усиленія матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ университета и развитія его ученой и учебной дѣятельности.

Въ послѣдніе годы Н. А-чу по вызовамъ министерства не разъ приходилось быть председателемъ историко-филологической испытательной комиссіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ также приобрѣлъ всеобщее уваженіе и любовь за свое основательное знакомство со всѣми основными предметами этого факультета, неизмѣнно внимательное и объективное отношеніе къ дѣлу и свою сердечную доброту.

При всей массѣ непрерывнаго труда, отъ котораго Н. А. никогда не уклонялся, онъ долго умѣлъ сберегать свое здорье и силы чрезвычайно правильнымъ образомъ жизни. Онъ зналъ цѣну чистаго воздуха и умѣреннаго движенія на немъ. И въ Нѣжинѣ, и въ Варшавѣ, и въ Ригѣ у него были любимыя аллеи, по которымъ онъ прогуливался ежедневно, съ точностью хронометра. Такой же правильностью

отличалась его діета, распредѣленіе занятій, время сна и бдѣнія. Благодушный, примирительный взглядъ на жизнь долго охранялъ его нервную систему отъ переутомленія и раздраженія, хотя онъ далеко не былъ натурой холодной, безчувственной. Отъ волненій административной жизни онъ находилъ отдыхъ и отраду въ любимыхъ научныхъ занятіяхъ, въ непрерывномъ чтеніи всего новаго, что въ журналахъ или отдѣльных изданіяхъ выходило по исторіи русской словесности. Между прочимъ онъ до конца жизни очень внимательно прочитывалъ корректурные листы новаго академическаго словаря русскаго языка и посылалъ редакторамъ его, академикамъ Гроту и Шахматову, свои замѣчанія и поправки.

Но все таки въ послѣдніе годы крѣпкое здоровье Н. А. понатнулось и въ теченіе прошлой зимы онъ вынужденъ былъ отказаться отъ объѣзда подвѣдомственныхъ ему школъ. Это было ему крайне тяжело, ибо онъ смотрѣлъ на свое служебное дѣло какъ на дѣло живое, требующее взаимодѣйствія съ живыми людьми, а не одной канцелярской, бумажной работы. Въ одномъ изъ прошлогднихъ писемъ ко мнѣ Н. А. жаловался на разстройство своей нервной системы, обусловленное, по его словамъ, продолжительной службой на двухъ окраинахъ, гдѣ нервный расходъ значительно-де больше, чѣмъ при службѣ во внутреннихъ губерніяхъ. Послѣднія свои надежды Н. А.-чъ возлагалъ на лѣтній отдыхъ въ Кочеткѣ, но имъ не суждено было сбыться. Сознаніе невозможности исполнять далѣе свои служебныя обязанности, какъ онъ выражался, по-николаевски, т. е. въ ихъ полномъ объемѣ, а не на половину или на треть только, было причиною, что 18 авг. с. г. Н. А.-чъ послалъ въ министерство прошеніе объ отставкѣ. Ровно мѣсяцъ спустя, 18 сент., онъ скончался.

Не удивительно, что смерть Н. А. вызвала во всѣхъ его знавшихъ — ближе и дальне, по отношеніямъ служебнымъ или частнымъ, по связямъ научнымъ или админи-

стративнымъ — едиводушное и глубокое сожалѣніе, какъ это видно и изъ появившихся некрологовъ его въ газетахъ провинціальныхъ и столичныхъ. Это былъ, безспорно, человѣкъ рѣдкій и замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Онъ обладалъ всѣми тѣми дарами природы и преимуществами образованія, какіе необходимы для выдающейся дѣятельности. До послѣднихъ дней жизни Н. А. располагалъ столь твердой и вѣрной памятью, что ему не стоило никакихъ усилій держать въ головѣ цѣлый арсеналъ и научныхъ знаній, и житейскихъ опытовъ и наблюденій. Но рядомъ съ этою легкостію и вѣрностію воспринимающей дѣятельности духа, онъ отличался крѣпкою мыслью, способностію систематизовать и перерабатывать воспринятое и самостоятельно пользоваться наблюденіями для цѣлей теоретическихъ и практическихъ. При этой обобщающей и выводной работѣ Н. А. всегда умѣлъ держаться въ границахъ безспорнаго или по крайней мѣрѣ вѣроятнаго, никогда не впадая въ преувеличенія или иллюзіи, какъ бы заманчивы онѣ ни были. Эта сдержанность и трезвость мысли отражалась и въ его стилѣ, простомъ, точномъ, никогда не вычурномъ и не фразистомъ. Такія особенности его мысли и стиля не были однако признакомъ сухости или холодности его чувства и воображенія. Наоборотъ, Н. А. имѣлъ горячее, любящее сердце, увлекавшееся всѣмъ прекраснымъ и высокимъ въ поэзіи и жизни. Это и располагало его къ занятіямъ словесностію, въ частности же — изящной словесностію, въ оцѣнкѣ произведеній которой онъ всегда обнаруживалъ вѣрный вкусъ и повиманіе не разсудочное лишь, но и непосредственное, инстинктивное. На этомъ же свойствѣ духа коренилась его доброта, благодушіе, здоровый и просвѣтленный тонкимъ юморомъ взглядъ на жизнь, съ ея радостями и огорченіями, торжествомъ и злостью. Но это благодушіе и снисходительность Н. А. въ оцѣнкѣ какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ сторонъ жизни личной и общественной не доходили до безразличія

къ нимъ, до умственнаго или нравственнаго индифферен-
тизма. Нѣтъ, онъ имѣлъ твердыя убѣжденія, опредѣленное
міросозерцаніе и устойчивый, непреклонный въ принципі-
альномъ характеръ. Міросозерцаніе это основано было на
идеяхъ и идеалахъ христіанства и славянства, или точнѣе
— православія и русской народности, вмѣстѣ съ любовью
къ исторически сложившимся формамъ русской государ-
ственности, съ благоговѣйнымъ отношеніемъ къ высокимъ
культурнымъ основамъ и міровымъ задачамъ русской жизни.
Въ этомъ отношеніи Н. А. всего ближе примыкалъ къ на-
шей славянофильской школѣ, хотя славянофильской мета-
физикой онъ лично не занимался и въ полемикѣ за ея
тезисы не участвовалъ. Въ вопросахъ нашей окраинной
политики Н. А. держался въ общемъ тѣхъ взглядовъ, какіе
были проводимы И. С. Аксаковымъ и Ю. О. Самаринымъ
въ публицистикѣ, а Н. А. Милютинымъ и Манассейномъ
въ государственной жизни. Ни въ Харьковѣ, ни въ Нѣ-
жинѣ онъ не увлекался зловредной маниловщиной украино-
фильства. Въ Варшавѣ онъ не закрывалъ глазъ на исто-
рико-культурные антагонизмы, отдѣляющіе общество поль-
ское отъ русскаго, и понималъ, что примиреніе столь глубо-
кихъ и давнихъ культурныхъ контрастовъ можетъ быть подго-
товлено и проведено лишь продолжительнымъ и медленнымъ
процессомъ перевоспитанія подрастающихъ поколѣній въ
духѣ братства, въ идеяхъ истинной кирилло-меѳодіевской
образованности. Тѣми же приблизительно взглядами руко-
водился Н. А. и на здѣшней окраинѣ, почему и принималъ
всѣ мѣры, чтобы подвѣдомственные ему школы развивались
въ согласіи съ требованіями не только русской педагогики,
но и патріотической политики, въ духѣ державныхъ завѣ-
товъ незабвеннаго Императора Александра III.

Не удивительно, что 50-лѣтняя почти дѣятельность
человѣка, столь богато одареннаго и столь разносторонне
образованнаго, проникнутаго столь возвышенными идеями и
столь неутомито, беззавѣтно имъ служившаго, оставляетъ

по себѣ прочный и благодѣтельный слѣдъ и въ русской наукѣ, и въ русской жизни, въ частности же на нашей окраинѣ. Выразимъ же наше уваженіе къ памяти Н. А-ча и нашу признательность за все, имъ сдѣланное для Россіи, между прочимъ и для нашего университета, — общимъ вставаніемъ.

А. Будиловичъ.

Педагогическіе труды Н. А. Лавровскаго.¹⁾

Посвящается его памяти.

(† 18 сент. 1899 г.)

Почившій 18 минувшаго сентября заслуженный профессор по кафедрѣ русской словесности и ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, попечитель рижскаго учебнаго округа Николай Алексѣвичъ Лавровскій былъ не только выдающійся ученый, но и замѣчательный педагогъ. Среди его печатныхъ трудовъ встрѣчаемъ нѣсколько педагогическихъ (о нихъ см. ниже); даже большая часть его ученыхъ работъ примыкаетъ къ педагогическимъ вопросамъ. Таковы: „Памятники стариннаго русскаго воспитанія“ (Чтен. въ Москов. Общ. Истор. и Древн., 1861 г.), „О педагогическомъ значеніи сочиненій императрицы Екатерины II“, „О древне-русскихъ училищахъ“, докторская диссертация покойнаго: „Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, 1879 г. Не безъ отношенія къ педагогическому дѣлу и сочиненіе Н. Алексѣвича о Ломоносовѣ, написанное по поводу столѣтней годовщины смерти послѣдняго. Въ основаніе его положена мысль о необходимости воспитанія русскаго юношества и направленія ученой дѣятельности Академіи Наукъ въ русское національное духѣ.

И въ практической служебной дѣятельности покойнаго на всемъ ея сорока восьмилѣтнемъ протяженіи видимъ двѣ стороны: рядомъ съ служеніемъ наукъ въ качествѣ профессора въ теч. 38 л.

1) Читано въ засѣданіи педагогическаго отдѣленія Учено-лит. Общества при Ими. Юрьев. Унив., 16 окт. 1899 г.

Н. А., почти съ первыхъ шаговъ своихъ на служебномъ поприщѣ, посвящаетъ немало времени и обязанностямъ учебнымъ: то въ видѣ члена комитета для испытанія лицъ, ищущихъ учительскаго званія, то въ качествѣ члена попечительскаго совѣта, то въ качествѣ декана, директора Института, ректора университета и наконецъ попечителя учебнаго округа. Уже каюдра, которую занялъ Николай Алексѣевичъ въ Харьковскомъ университетѣ послѣ непродолжительнаго (въ теч. одного акад. года) преподаванія древнихъ языковъ въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, а именно каюдра педагогики, должна была, очевидно, направлять молодого профессора, между прочимъ, и къ практическому занятію учебнымъ дѣломъ. И вотъ, онъ является въ роли члена комитета для испытанія лицъ, ищущихъ учительскаго званія. Хотя вскорѣ (черезъ 5 л.) Николай Алексѣевичъ и оставилъ (послѣ вторичнаго, также кратковременнаго преподаванія педагогики въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ институтѣ) каюдру педагогики, перешедши къ исторіи русской словесности, но вниманіе его къ учебному дѣлу не только отъ того не ослабѣло, но наоборотъ онъ постоянно расширяетъ кругъ своихъ педагогическихъ интересовъ, къ чему побуждали его и обстоятельства того времени.

Со второй половины пятидесятихъ годовъ, съ началомъ новаго царствованія, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ крымской кампаніи, въ нашей литературѣ, обществѣ и учебныхъ сферахъ развивается необыкновенно живой, дотолѣ у насъ небывалый, интересъ къ учебному дѣлу. Послѣдовавшее, затѣмъ, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и дарованіе имъ гражданскихъ правъ съ самоуправленіемъ въ сферахъ ихъ сельскихъ интересовъ выдвинуло и вопросъ объ учрежденіи сѣти народныхъ школъ и о приготовленіи для нихъ учителей. Съ началомъ шестидесятихъ годовъ начинается развитіе у насъ спеціальной педагогической литературы, дотолѣ несуществовавшей. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ и широко поставленъ былъ вопросъ о преобразованіи средней на-

шей школы, о постановкѣ ея на прочныхъ обще-европейскихъ началахъ. Во всемъ этомъ движеніи Николай Алексѣвичъ принималъ самое дѣятельное участіе, являясь во всеоружіи европейской, преимущественно нѣмецкой, педагогики.

Онъ первый у насъ поднялъ вопросъ объ учительскихъ сѣздахъ, и эти послѣдніе были впервые, по его мысли, заведены въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, эти сѣзды, получили нѣкоторую организацію и достаточно развились, до закрытія ихъ по особннымъ обстоятельствамъ. Сѣзды эти принесли немалую долю пользы вновь учрежденнымъ или преобразованнымъ среднимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Въ качествѣ члена попечительскаго совѣта Николай Алексѣвичъ представилъ въ январѣ 1861 г. мнѣніе „О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ и объ учительскихъ сѣздахъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1861 г., май). Попечительскій совѣтъ призналъ полезнымъ учрежденіе тѣхъ и другихъ въ свободное отъ преподаванія время, а на введеніе послѣднихъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа исполнено было разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія.

Въ упомянутомъ мнѣніи „О педагогическихъ бесѣдахъ въ уѣздныхъ училищахъ“ Николай Алексѣвичъ, ссылаясь на примѣръ Германіи, гдѣ собранія учителей съ цѣлью обсужденія общими силами разныхъ вопросовъ, относящихся къ теоріи и практикѣ дидактической, признаны одною изъ существенныхъ мѣръ для усовершенствованія обученія въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, видитъ въ этихъ собраніяхъ величайшую педагогическую важность, такъ какъ „они безспорно принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ средствъ, возбуждающихъ дѣятельность наставниковъ упомянутыхъ заведеній, дѣятельность, которая, какъ извѣстно по опыту, при отсутствіи подобныхъ средствъ и при участіи многихъ неблагопріятныхъ условій въ положеніи самихъ наставниковъ, способна быстро упасть до механической, не только лишенной всякаго образовательнаго значенія, но и вредной передачи изъ года

въ годъ учебника по страницамъ. Вредъ отъ такого упадка учебной дѣятельности до совершенной потери въ ней педагогическаго смысла слишкомъ очевиденъ, чтобы о немъ распространяться.“ Далѣе авторъ подробно доказываетъ пользу и педагогическую важность учительскихъ собраний. Вкратцѣ доказательства эти слѣдующія: 1) эти собранія возбуждаютъ и поддерживаютъ соревнованіе между наставниками, обыкновенно разъединенными другъ отъ друга; 2) они постоянно поддерживаютъ обученіе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ согласіи съ условіями и требованіями современной дидактики; 3) собранія наставниковъ должны служить для послѣднихъ истинною школою для продолженія ихъ собственнаго образованія. Затѣмъ, авторъ останавливается на доказательствахъ наибольшей пользы съѣздовъ преподавателей учебныхъ заведеній разныхъ мѣстъ.

Изложенное мнѣніе было представлено въ попечительскій совѣтъ въ январѣ 1861 г., а черезъ два мѣсяца, въ мартѣ, Н. А. представилъ въ тотъ же совѣтъ новое мнѣніе „Объ осмотрѣ низшихъ учебныхъ заведеній директорами училищъ“. Въ этомъ докладѣ онъ разсматриваетъ „Правила для руководства директорамъ училищъ при осмотрѣ ими учебныхъ заведеній“ утвержденныя попечителемъ учебного округа 22 апрѣля 1841 г., и находитъ ихъ недостаточно опредѣленными. Съ своей стороны, авторъ, указывая на важность и необходимость точнаго опредѣленія въ отчетахъ ревизоровъ хода, характера и слѣдствій обученія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, предлагаетъ, чтобы директора училищъ при ревизіяхъ обращали вниманіе: 1) на познанія самихъ наставниковъ, 2) на способъ передачи ими познаній и 3) на слѣдствія обученія. Далѣе авторъ подробно развиваетъ свои мысли въ указанныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, ходатайство попечителя о разрѣшеніи учительскихъ съѣздовъ было весною того же 1861 г. удовлетворено, и Николай Алексѣевичъ, повидимому, настойчиво стремился положить начало этимъ съѣздамъ, несмотря на незначительность времени до начала вакацій, въ теченіе ко-

торыхъ должны были собираться сѣзды. Дѣйствительно, лѣтомъ того же года и состоялся въ Харьковѣ первый сѣздъ, на который были собраны учителя ближайшихъ къ городу уѣздныхъ училищъ. Лѣтомъ же слѣдующаго 1862 г. открыты были учительскіе сѣзды въ слѣдующихъ городахъ Харьковскаго учебнаго округа: въ Орлѣ, Ливнахъ, Трубчевскѣ, Новочеркасскѣ, Усть-медвѣдицкой станицѣ, Лебединѣ, Изюмѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ и Курскѣ.

Николай Алексѣевичъ не успокоился на достиженіи разрѣшенія сѣздовъ. Онъ внимательно слѣдилъ за ихъ дѣятельностью. Осенью 1862 г. по полученіи протоколовъ сѣздовъ, происходившихъ въ вышеупомянутыхъ городахъ, Н. А. занимается „Обозрѣніемъ учительскихъ сѣздовъ въ 1862 г. въ Харьковскомъ учебномъ округѣ“, оконченнымъ имъ въ январѣ 1863 г. (Журн. М. Н. П. 1863 г., мартъ, апрѣль). Это обширное обозрѣніе результатовъ сѣздовъ свидѣтельствуєтъ, что Николай Алексѣевичъ необыкновенно внимательно относился къ имъ же вызваннымъ къ жизни сѣздамъ; онъ съ чрезвычайною обстоятельностью трактуєтъ обо всѣхъ сѣздахъ, разсматривая ихъ съ разнообразныхъ сторонъ; шагъ за шагомъ, по протоколамъ сѣздовъ, онъ воспроизводитъ картину и теченіе засѣданій почти каждаго изъ нихъ. Описывая обстановку и занятія сѣздовъ и указывая попутно ихъ достоинства и недостатки, Николай Алексѣевичъ особенно обстоятельно разбираєтъ читавшіяся на сѣздахъ мнѣнія отдѣльных ихъ членовъ по предметамъ ихъ спеціальностей. Составленіе такихъ письменныхъ докладовъ, какъ весьма благодарный матеріалъ для занятій сѣздовъ, Николай Алексѣевичъ самъ рекомендовалъ въ упомянутомъ выше мнѣніи о пользѣ учительскихъ бесѣдъ. Озабочиваясь возможно лучшими условіями для широкаго обсужденія вопросовъ преподаванія на сѣздахъ, онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы власть и направленіе мнѣній предсѣдателей сѣздовъ не вредили самостоятельности сужденій ихъ членовъ. Изъ прочитанныхъ на сѣздахъ докладовъ по разнымъ предметамъ преподаванія въ

уѣздныхъ училищахъ Николай Алексѣевичъ подробно разбираетъ мнѣнія по предметамъ историко-филологическаго факультета, но преимущественно останавливается на докладахъ о преподаваніи въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ русскаго языка. Указывая на отрицательныя стороны высказавшихся на сѣздахъ суждений по этому предмету, Николай Алексѣевичъ, съ своей стороны, излагаетъ въ общихъ чертахъ цѣли и средства преподаванія отечественнаго языка. „О значеніи теоріи и практики въ обученіи русскому языку въ уѣздныхъ училищахъ замѣтимъ, говоритъ авторъ „Обозрѣнія“, что прежде всего должно быть принято за общее безусловное и основное правило, чтобы теорія здѣсь ни подъ какимъ видомъ не выдвигалась впередъ и не являлась съ своими голыми правилами и опредѣленіями прежде, чѣмъ послѣднія обильными и цѣлесообразно распределенными практическими упражненіями не выяснятся сами собою въ сознаніи учениковъ, чтобы теорія незамѣтно для самихъ учениковъ являлась естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ практическихъ упражненій. Тогда только знаніе языка будетъ жизненно, когда ученики оживленными и пріятными для нихъ практическими упражненіями ознакомятся съ матеріаломъ языка, и когда они изъ этого матеріала, съ помощью опытнаго руководства наставника, выведутъ правила, извлекутъ теорію, насколько она полезна и необходима для общей цѣли обученія русскому языку въ уѣздныхъ училищахъ“ (Ж. М. Н. П. 1863 г., мартъ, 361). Ссылаясь на собственный опытъ обученія дѣтей родному языку, Николай Алексѣевичъ указываетъ при этомъ на важное подспорье, заключающееся въ приложеніи результатовъ высшаго языкоученія къ элементарному преподаванію языка до примѣненія сравнительнаго метода включительно. По его мнѣнію, между высшимъ изученіемъ языка и первоначальнымъ обученіемъ языку должно быть постоянное общеніе. Вопросъ здѣсь только въ томъ, какъ должно быть поставлено это общеніе; успѣхъ дѣла — въ мѣрѣ, способѣ и характерѣ объясненій и сближеній, въ

строгомъ и непрерывномъ соотвѣтствіи съ степенью и характеромъ общаго развитія учениковъ. „Тамъ, гдѣ . . . нѣтъ общенія между низшимъ и высшимъ обученіемъ, гдѣ первое уединено отъ всего, что совершается въ сферѣ второго, гдѣ предписывается слишкомъ узкое содержаніе, и гдѣ самые учителя дрессируются на этомъ узкомъ содержаніи, тамъ неизбежно и быстро вторгается застой, безжизненность и механизмъ въ элементарную дидактическую практику.“ (ibid., стр. 364.)

По поводу одной записки о преподаваніи закона Божія въ уѣздныхъ училищахъ, читанной однимъ законоучителемъ на сѣздѣ въ Орлѣ, Николай Алексѣевичъ вооружается противъ стремленія возводить преподаваніе этого предмета въ этихъ училищахъ въ систему вѣроученія. „Ученики низшихъ училищъ, говоритъ Николай Алексѣевичъ, вовсе не приготовленные къ связному историко - логическому усвоенію какого-бы то ни было учебнаго матеріала, не смотря на самыя добросовѣстныя усилія преподавателя, не могутъ сознательно и отчетливо усвоить систему вѣроученія въ органической связи истинъ, составляющихъ вѣроученіе, съ точнымъ пониманіемъ зависимости второстепенныхъ истинъ отъ главныхъ. Тѣмъ менѣе можетъ быть желательнымъ такое направленіе въ настоящемъ случаѣ, чѣмъ болѣе справедливою должна казаться для раціональнаго педагога мысль, что если гдѣ, то именно въ обученіи закону Божію всего менѣе должно быть обращено вниманіе на формальную, логическую сторону, на построеніе вѣроученія въ систему, и всего болѣе на сообщеніе ученикамъ живымъ, искреннимъ и теплымъ словомъ общеобразовательнаго элемента, заключающагося въ самомъ содержаніи этого предмета обученія, всего менѣе на усвоеніе знанія вѣры и всего болѣе на возбужденіе чувства вѣры“. (ibid., стр. 325.)

Николай Алексѣевичъ разсматриваетъ также записки о преподаваніи исторіи и географіи, оставляетъ въ сторонѣ лишь математику. Разсматривая достигнутые съѣздами результаты, ав-

торъ „Обозрѣнія“ ставитъ задачи и вопросы для будущихъ сѣздовъ и указываетъ въ общихъ чертахъ способы ихъ рѣшенія. Изложенныя въ общихъ чертахъ мнѣнія Николая Алексѣевича по нѣкоторымъ вопросамъ элементарнаго образованія изобличаютъ въ немъ глубокой педагогической тактъ, близкое знакомство и съ приходскими и съ уѣздными тогдашними нашими училищами. Последнее онъ и самъ въ концѣ своего „Обозрѣнія“ откровенно за собою признаетъ.

Но Николай Алексѣевичъ былъ столь же близко знакомъ и съ тогдашнимъ состояніемъ средняго образованія. Одинаково дорого ему было и дѣло подготовки юношества къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, къ занятію наукою въ собственномъ смыслѣ. Высшимъ учебнымъ заведеніемъ, сообщающимъ истинно научное направленіе уму, для Николая Алексѣевича является единственно университетъ, и единственнымъ истинно общеобразовательнымъ заведеніемъ, подготовляющимъ къ серіозному занятію наукою, для него является классическая гимназія въ ея полномъ, настоящимъ видѣ, т. е. съ двумя древними языками и математикой, какъ главными предметами, вокругъ которыхъ должны концентрироваться остальные, второстепенные, предметы.

Внѣшнимъ поводомъ къ печатному обсужденію вопросовъ средняго образованія для Николая Алексѣевича служило то же, упомянутое уже выше, стремленіе правительства къ преобразованію средней школы, съ цѣлію устроить ее вполне по западно-европейскому образцу. Въ 1856 году министерство народнаго просвѣщенія поручило ученому комитету тогдашняго Главнаго правленія училищъ пересмотрѣть Высочайше утвержденный 8 декабря 1828 года уставъ гимназій и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ вѣдомства министерства и составить проектъ новаго устава, болѣе сообразно съ современнымъ взглядомъ на обученіе и воспитаніе. Въ 1860 г. трудъ этотъ, оконченный подъ названіемъ „Проекта устава низшихъ и среднихъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія“, по распоряженію м

нистра Ковалевского, напечатанъ былъ въ Журналѣ министерства, въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ, съ цѣлю вызвать сужденія о немъ въ литературѣ, и препровожденъ ко всѣмъ попечителямъ учебныхъ округовъ для обсужденія въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій. По замѣчаніямъ, полученнымъ отъ учебныхъ заведеній и явившимся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, проектъ устава былъ передѣланъ въ ученомъ комитетѣ и вновь напечатанный подъ названіемъ „Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній“, съ Высочайшаго соизволенія, по распоряженію управлявшаго тогда министерствомъ Головнина, вторично былъ препровожденъ къ попечителямъ учебныхъ округовъ, для обсужденія въ совѣтахъ университетовъ и въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и вмѣстѣ съ тѣмъ къ нѣкоторымъ лицамъ духовнаго и гражданскаго вѣдомства. Полученныя отъ всѣхъ упомянутыхъ мѣстъ и лицъ замѣчанія съ присоединеніемъ замѣчаній на „Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“ напечатаны и составили шесть объемистыхъ томовъ. Сверхъ того, былъ изданъ отдѣльно „Сводъ замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по устройству гимназій“ (С.-Пб. 1862—1863) и „Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ и ученыхъ“ на тотъ же „Проектъ“, 1862 г.

Это педагогическое движеніе, охватившее не только чиновъ министерства просвѣщенія, но и лицъ другихъ вѣдомствъ и даже нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, изъ которыхъ наиболѣе оригинальное мнѣніе принадлежитъ знаменитому писателю гр. Л. Н. Толстому, не могло не увлечь и Николая Алексѣевича, столь ревностно относившагося къ дѣлу образованія.

Въ эту эпоху, какъ мы видѣли, Николай Алексѣевичъ былъ занятъ возможно лучшею постановкою низшаго образованія, устройствомъ сѣздовъ его дѣятелей и выработкою наиболѣе подходящихъ для него программъ. Дѣятельность эта шла рядомъ съ официальной дѣятельностью министерства по

выработкѣ проекта устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и была отчасти вызвана послѣднею. На обращенный къ совѣтамъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній призывъ министерства — высказаться по поводу вновь составленнаго уномянутаго „Проекта“ Николай Алексѣвичъ представилъ особое мнѣніе въ совѣтъ университета „О возстановленіи училищнаго комитета“. (Замѣч. на проектъ устава общеобразовательныхъ учебн. заведеній и на проектъ общаго плана устр. нар. училищъ. Ч. V, С.-Пб. 1862 г.)

По уставу 1804 года, за состояніемъ обученія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ наблюдалъ училищный комитетъ, состоявшій изъ профессоровъ университета, подчиненныхъ по дѣламъ комитета совѣту университета. Такимъ образомъ, по мысли уномянутаго устава, устанавливалась тѣсная учебная связь между низшими и средними школами, съ одной стороны, и высшими — университетами, съ другой. При послѣдующихъ преобразованіяхъ устройства учебной части въ 1834 г., а равно и новымъ выработаннымъ въ 1860 году „Проектомъ“ училищный комитетъ оставленъ былъ безъ вниманія.

Николай Алексѣвичъ выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ возстановленія этого училищнаго комитета, этой связи низшихъ и среднихъ школъ съ высшею. Въ уничтоженіи этой связи, по университетскому уставу 1834 г., Николай Алексѣвичъ видитъ главную причину упадка тогдашнихъ гимназій. „Я рѣшительно убѣжденъ, говоритъ онъ, что наибольшая и самая существенная часть обвиненій (въ недостаткахъ), которыми дѣйствительно страдаютъ наши гимназіи, а также наибольшая и самая существенная часть обвиненій и упрековъ, которые приходилось въ послѣднее время вычитывать нашимъ гимназіямъ изъ современныхъ газетъ и журналовъ и выслушивать независимо отъ печати, происходитъ отъ того, что съ 1834 года прервана всякая связь между университетами и гимназіями къ явному вреду послѣднихъ. Съ уничтоженіемъ этой связи, а слѣдовательно съ устраненіемъ един-

ственно компетентнаго суда и надзора со стороны университетовъ и съ исключительнымъ подчиненіемъ гимназій бюрократическому и канцелярекому порядку, а слѣдовательно, съ подчиненіемъ наблюденію, направленному преимущественно на формальную сторону, естественно и неизбежно долженъ былъ произойти рѣшительный общій и быстрый упадокъ уровня общаго образованія въ Россіи. Этотъ упадокъ уровня общаго образованія, на который слышатся жалобы со всѣхъ сторонъ, и который нельзя устранить самымъ длиннымъ рядомъ новыхъ проектовъ, есть вполне заслуженное зло, происшедшее отъ невниманія къ необходимой органической связи между университетами, съ одной стороны, и средними, и низшими учебными заведеніями — съ другой стороны.“ (ibid., стр. 233.)

Авторъ далѣе доказываетъ невозможность со стороны попечителя округа, даже при всемъ его желаніи добра дѣлу общаго образованія, цѣлесообразно производить наблюденіе надъ низшими и средними учебными заведеніями, особенно надъ ученою частью ихъ, недостатки которой имѣютъ способность ускользать отъ общаго, случайнаго и формальнаго наблюденія и могутъ быть устраняемы только наблюденіемъ, обращеннымъ прежде всего на самую сущность дѣла и вооруженнымъ свѣжимъ и современнымъ знаніемъ какъ самаго предмета наблюденія, такъ и способовъ передачи его ученикамъ. Точно также Николай Алексѣевичъ не полагается въ надзоръ за низшимъ и среднимъ образованіемъ и на директоровъ училищъ, во-первыхъ, по обширности круга ихъ обязанностей, а во-вторыхъ, по недостаточной компетентности ихъ во всѣхъ предметахъ преподаванія. Въ дѣлѣ наблюденія за низшими и средними школами Николай Алексѣевичъ проектировалъ отдѣлить хозяйственную часть ихъ отъ учебной. Первая, по его мысли, всецѣло должна быть въ вѣдѣніи директоровъ и окружнаго начальства, а вторая всецѣло должна быть подъ наблюденіемъ университетской коллегіи, въ видѣ училищнаго комитета подъ высшимъ надзоромъ университетскаго совѣта.

Въ изложенномъ мнѣніи для насъ въ настоящее время не безынтересно отмѣтить тѣ „жалобы со всѣхъ сторонъ“ на упадокъ уровня гимназическаго образованія, которыя въ самомъ началѣ 60 годовъ раздавались въ современныхъ газетахъ и журналахъ и вызывали немало разговоровъ въ общественныхъ сферахъ. Такимъ образомъ уже 40 лѣтъ тому назадъ происходило въ журналахъ и газетахъ по отношенію къ гимназіямъ тоже самое, что мы наблюдаемъ и въ настоящее время. Необходимо только замѣтить, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ у насъ не существовало одной изъ главныхъ причинъ нынѣшнихъ нападковъ на гимназіи, а именно, почти не существовало гимназическаго классицизма, или классическихъ гимназій въ собственномъ смыслѣ. Николай Алексѣевичъ, между прочимъ, видѣлъ и въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ одну изъ причинъ упадка гимназій. Нужно замѣтить, что до 1848 г., именно, въ Уваровское министерство, наши гимназіи (по уставу 1828 г.) были классическими, а съ 1848 года до новаго устава 1864 г. и въ особенности до 1871 г., классицизмъ былъ въ нихъ случайною прибавкою. Въ 1848 г., какъ извѣстно, подъ вліяніемъ ложныхъ опасеній политическаго характера (будто-бы чтеніе греческихъ и латинскихъ писателей, какъ республиканцевъ, можетъ развивать въ юношахъ опасныя политическіе взгляды; не чуждо это опасеніе, впрочемъ лицемѣрное, и нашему времени) изъ гимназій былъ совершенно исключенъ греческій языкъ, а латинскій сдѣланъ необязательнымъ; въ каждомъ учебномъ округѣ было оставлено лишь по одной исполнѣ классической гимназіи, которая вмѣстѣ съ духовными семинаріями, главнымъ образомъ, и давали для университетовъ наиболѣе подготовленныхъ слушателей. По преобразованіи же гимназій въ строго классическія, причиною нападковъ на нихъ сдѣлался преимущественно классицизмъ. Нападки эти то затихали, то вновь сильно разгорались. Это послѣднее случалось преимущественно при перемѣнѣ личнаго состава главнаго управленія. Подобное явленіе наблюдается и въ настоящее время.

Вышеупомянутый „Проект“ министерства, предложенный имъ на обсужденіе совѣтовъ университетовъ и гимназій, а также подвергнутый гласному обсужденію въ періодической печати, возбудилъ у насъ жаркіе споры и старую тяжбу, какъ выражается Николай Алексѣвичъ, о классическомъ и реальномъ образованіи. Министерство народнаго просвѣщенія, взвѣсивъ всѣ pro и contra, выработало наконецъ въ 1864 г. проектъ устава, утверждавшій наше гимназическое образованіе на классической основѣ.

Проектъ былъ утвержденъ и получилъ силу положительнаго закона. Однако на практикѣ уставъ не могъ быть вполнѣ примѣненъ по недостатку учителей для преподаванія древнихъ языковъ, въ особенности греческаго. Вслѣдствіе этого допущено было, въ видѣ временной, переходной, мѣры, существованіе гимназій съ однимъ латинскимъ языкомъ. Сверхъ того, на практикѣ оказалось, что нѣкоторые изъ ближайшихъ исполнителей (попечителей) не были убѣждены въ практической пригодности утвержденныхъ, но еще не вошедшихъ въ силу, полныхъ классическихъ гимназій. Само министерство объявило, что „съ самаго начала приведенія въ исполненіе устава гимназій и прогимназій стали весьма часто поступать въ министерство народнаго просвѣщенія отъ окружныхъ учебныхъ начальствъ запросы относительно объясненія различныхъ отдѣльных постановленій этого устава и представленія о нѣкоторыхъ неудобствахъ, встрѣчаемыхъ въ различныхъ мѣстностяхъ при исполненіи его. Эти запросы и представленія, по отрывочности своей, не могли дать полного и яснаго понятія о томъ, насколько этотъ уставъ, въ общихъ положеніяхъ и въ отдѣльных частныхъ постановленіяхъ, дѣйствительно соответствуетъ цѣли и назначенію гимназій“. Слѣдствіемъ этого было предложеніе окружнымъ начальствамъ представить соображенія какъ о всѣхъ вообще неудобствахъ, которыя оказались на практикѣ при примѣненіи новаго устава гимназій и прогимназій, такъ и о способахъ и средствахъ къ устраненію ихъ. На этомъ основаніи попечители учебныхъ округовъ и

представили свои мнѣнія въ министерство. Мнѣнія эти касались преимущественно двухъ вопросовъ: вопроса о положеніи такъ называемыхъ реальныхъ гимназій, утвержденныхъ уставомъ, и ихъ отношеніи къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, и вопроса объ устройствѣ классическихъ гимназій“¹⁾.

Мнѣнія двухъ попечителей (всѣхъ мнѣній было представлено пять) признавали необходимымъ измѣненіе устава въ самомъ его существѣ, а именно, введеніемъ латинскаго языка въ реальныя гимназіи и предоставленіемъ за то окончившимъ въ нихъ курсъ права поступать въ университетъ, предоставленіемъ того же права, и безъ латинскаго языка, поступающимъ на физико-математическій факультетъ, рѣшительно отмѣною полныхъ классическихъ гимназій и сохраненіемъ только гимназій съ однимъ латинскомъ языкомъ, допущенныхъ уставомъ только на время. Противъ этихъ-то мнѣній выступилъ Николай Алексѣвичъ съ обширною статьею, „По вопросу объ устройствѣ гимназій“ (Ж. М. Н. П., 1867 г., окт.). Въ этой статьѣ Николай Алексѣвичъ является рѣшительнымъ и убѣжденнымъ сторонникомъ строго-классической системы общаго гимназическаго образованія. По формѣ статья имѣетъ полемическій характеръ. Авторъ возражаетъ противъ двухъ мнѣній попечителей и доказываетъ, что ни такъ называемая реальная гимназія съ однимъ латинскимъ языкомъ, ни тѣмъ болѣе реальная школа безъ этого языка не могутъ готовить своихъ питомцевъ къ поступленію въ университетъ. Истинно подготовительною школою для него является полная классическая гимназія. Доводы автора основываются на томъ, что лишь языкоученіе и, именно, изученіе классическихъ языковъ дисциплинируетъ умъ учащагося настолько, что онъ дѣлается способнымъ къ серьезному занятію университетскою наукою, равно какъ реальная школа можетъ готовить учащихся къ высшимъ спеціальнымъ техническимъ знаніямъ. Не имѣя въ виду останавливаться

1) Журн. М. Н. 1867 г., окт., 115—118.

на подробностяхъ развитія доказательствъ этой мысли автора, замѣчу, что онъ вездѣ стремится подкрѣпить ее извѣстными педагогическими авторитетами — нѣмецкими, англійскими. Видно, что авторъ необыкновенно серьезно былъ занятъ обоснованіемъ своихъ мыслей о значеніи классическаго образованія. Здѣсь мы встрѣчаемъ имена: Раумера, Латмана, Шрейберта, Дейнгардта, Рота, Негельсбаха, Дедерлейна, Гейланда, Крамера, Гримма, Рюмелина, Кюнаста, Баура, Гаубера, Гербарта, Кёхли, академика Наука, Таулова, Шмидта, Шёлля, Тайлора, а также реалистовъ: Магера, Кисса и др. Считая классическую гимназію съ двумя древними языками единственно истинною общеобразовательною школою, Николай Алексѣвичъ видитъ въ дуализмѣ среднихъ учебныхъ заведеній, въ раздвоеніи гимназій на реальныя и классическія, явленіе временное, переходное и лишь въ этомъ своемъ качествѣ имѣющимъ свое оправданіе. Постепенное ихъ объединеніе посредствомъ соглашенія входящихъ въ нихъ курсовъ, по его мнѣнію, необходимо и не можетъ представлять большихъ затрудненій. Объединеніе классическихъ и реальныхъ гимназій и соглашеніе ихъ курсовъ должно совершаться при посредствѣ разумной концентраціи обученія, проведенной черезъ всѣ предметы и состоящей въ установленіи органической связи между ними и ихъ отношеній къ главнымъ основамъ и цѣли гимназическаго обученія, а также въ соответственномъ тому упрощеніи и сокращеніи содержанія обученія. Изъ двухъ древнихъ языковъ Николай Алексѣвичъ отдавалъ преимущество въ гимназическомъ обученіи языку греческому по заключающемуся въ немъ сильнѣйшему образовательному элементу, по оригинальности и высокому значенію греческой культуры сравнительно съ римскою и по связи нашей исторической жизни и образованія съ византійскою культурою. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Николай Алексѣвичъ расходился почти со всѣми упомянутыми выше корифеями нѣмецкой педагогики, признававшими первенство за латинскимъ языкомъ.

Въ характерѣ преподаванія древнихъ языковъ въ прежнихъ гимназіяхъ Николай Алексѣевичъ отмѣчаетъ большую односторонность, состоявшую въ исключительно грамматическомъ направленіи этого преподаванія. Содержаніе жизни классическихъ народовъ, какъ оно выразилось въ лучшихъ произведеніяхъ, должно выступить на первый планъ, не заслоняя собою образовательнаго элемента, заключающагося собственно въ обученіи древнимъ языкамъ.

Существовавшій въ прежнихъ гимназіяхъ и, можно сказать, существующій въ общемъ и до сихъ поръ, главный недостатокъ нашего гимназическаго обученія Николай Алексѣевичъ видѣлъ въ томъ, что „у насъ всѣ многочисленные предметы шли, такъ сказать, въ раздробь, не только не стягивались другъ къ другу своимъ однороднымъ содержаніемъ, а напротивъ разбѣгались въ разныя стороны, и часто то, что должно было находиться близъ центра, оказывалось вращающимся на окружности; все движеніе гимназическаго обученія повиновалось не центростремительной, а центробѣжной силѣ. Что же отсюда происходило? Вниманіе учениковъ, усердно растягиваемое въ разныя стороны въ одно и то же время, теряло, по смыслу извѣстной басни, всякую способность движенія, и результатъ обученія, не смотря на все усердіе и способность отдѣльныхъ преподавателей, большею частію оказывался не удовлетворяющимъ самымъ умѣреннымъ требованіямъ. У насъ господствовала въ этомъ отношеніи разноголосица и безурядица даже тамъ, гдѣ казалось, самая сила вещей, самая природа предметовъ необходимо требовала соглашенія: учителя, напр., пяти языковъ обыкновенно дѣйствовали и дѣйствуютъ до сихъ поръ совершенно разрозненно и изолированно другъ отъ друга, не только взаимно не подкрѣпляли вниманія, но рѣшительно разслабляли его; не только не было соглашенія во внутреннихъ условіяхъ и общей послѣдовательности обученія, но и въ самыхъ внѣшнихъ пріемахъ, даже въ терминологіи; тоже должно сказать и объ учителяхъ исторіи, географіи, отечественной литературы какъ

по ихъ отношеніямъ другъ къ другу, такъ и по отношеніямъ къ преподавателямъ языковъ, древнихъ и новыхъ.“

Приведу сужденія Н. А. о цѣлесообразной, по его мнѣнію, постановкѣ въ гимназіи исторіи общей и русской и исторіи отечественной литературы. „Та и другая должны занимать второстепенное мѣсто въ ряду предметовъ гимназическаго обученія. Предлагаемый ими учебный матеріалъ не отличается законченностью, опредѣленностью и точностью, какими отличается содержаніе математики и языкоученія, а что главное, на немъ невозможны тѣ непрерывныя упражненія мысли, та самостоятельность и вполнѣ сознательная работа мысли при усвоеніи и воспроизведеніи его, въ которыхъ именно и заключается наибольшая развивающая сила. Историческіе выводы всегда болѣе или менѣе условны и не идутъ дальше вѣроятностей и правдоподобія. Какъ бы ни были многочисленны и какъ бы ни искусно сопоставлены были послылки, онѣ никогда не поведутъ къ точнымъ выводамъ, какіе только и должно предлагать въ разсматриваемомъ возрастѣ. Ученики должны усвоить эти выводы вмѣстѣ со всѣми предшествующими имъ послылками на вѣру, со словъ учителя или учебника — другими словами дѣйствовать тою же памятью, при весьма слабомъ и вовсе несамостоятельномъ участіи мысли и воображенія. А такое усвоеніе знаній, сообщающее одну только видимость знанія, не можетъ не повлечь за собою и понятнаго нравственнаго вреда, котораго будетъ тѣмъ больше, чѣмъ больше будетъ въ учителѣ притязаній на расширение содержанія, и чѣмъ сильнѣе будетъ въ немъ стремленіе къ обобщенію выводовъ. Ни одинъ, конечно, здравомыслящій педагогъ не повѣритъ въ способность учениковъ сознательно слѣдить за постепеннымъ развитіемъ историческихъ идей, тѣмъ менѣе за откровеніями промысла въ жизни народовъ. Критическая оцѣнка событій въ гимназіи также преждевременна; въ этомъ согласятся съ нами всѣ, какъ и въ томъ, что примѣненіе критики къ обученію исторіи уже принесло гимназіямъ много горькихъ плодовъ, породивъ фра-

зерство, легкое и презрительное отношеніе къ наукѣ и ко всякому серіозному и самостоятельному труду“¹⁾ . . .

Н. А. не отрицаетъ образовательнаго значенія исторіи въ гимназіи, но требуетъ ограничить ея преподаваніе существеннымъ и доступнымъ ученику. „Биографическій элементъ для низшихъ классовъ и выдѣленіе важнѣйшихъ, эпоху составляющихъ, событій для основательнаго усвоенія ихъ учениками, съ краткимъ указаніемъ ихъ связи въ общемъ ходѣ событій для высшихъ классовъ — вотъ все, что нужно для преподаванія исторіи въ гимназіяхъ“²⁾. Н. А. затѣмъ нападаетъ на „презрительное, вовсе не идущее къ намъ и взятое на прокатъ у нѣмцевъ, игнорированье славянства“, составляющее обычное явленіе въ нашихъ учебникахъ исторіи. „Мы убѣждены, говоритъ авторъ, что каждая связь общенсторическаго матеріала съ міромъ славянскимъ, въ особенности въ отечественной исторіи и литературѣ, должна тотчасъ же служить поводомъ для основательнаго, хотя и краткаго, ознакомленія съ нимъ учащихся, что все въ совокупности будетъ имѣть необходимымъ слѣдствіемъ участіе сознанія о немъ въ нашемъ обществѣ“³⁾.

Необходимымъ условіемъ успѣха обученія въ гимназіяхъ исторіи, а равно и всѣхъ другихъ предметовъ, Н. А. ставитъ всецѣло русское направленіе учителя. Учащіяся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ не отдѣляютъ предметы обученія отъ личности обучающаго, и послѣдняя непрерывно дѣйствуетъ на нихъ всѣмъ своимъ существомъ.

Не менѣе вниманія обращаетъ Н. А. на ограниченіе содержанія исторіи отечественной литературы въ примѣненіи къ гимназическому обученію. Будучи заслуженнымъ профессоромъ по кафедрѣ исторіи русской словесности, ординарнымъ

1) *ibid.*, 142.

2) *ibid.*, 143.

3) *Ibid.*, 144.

академикомъ II отдѣленія Академіи Наукъ, издавъ нѣсколько ученыхъ работъ по своей спеціальности и до конца жизни съ любовью относясь къ родному слову, что выразилось въ его постоянномъ участіи въ составленіи издаваемого нынѣ II отдѣленіемъ Академіи словаря русскаго языка, Николай Алексѣвичъ однако не придавалъ чрезмѣрнаго значенія этому предмету въ общемъ курсѣ учебныхъ предметовъ въ гимназіи. Онъ строго подчинялъ въ этомъ случаѣ свои симпатіи выработанному имъ со всею педагогическою строгостью взгляду на составъ общеобразовательнаго курса. Древніе языки и математика — вотъ, по его мнѣнію, главные общеобразовательные предметы гимназическаго курса; всѣ другіе предметы — второстепенные и нуждаются въ строгой концен-траціи въ отношеніи къ главнымъ. „Систематическое и сколько-нибудь подробное изложеніе исторіи отечественной литературы, по нашему рѣшительному убѣжденію, говоритъ онъ, не можетъ имѣть мѣста въ гимназіи ни по времени, какимъ можетъ располагать послѣдняя, но по самому свойству своего содержанія въ общеобразовательномъ отношеніи, ни по степени развитія учащихся, ни наконецъ, по современному ея состоянію, неудобному для гимназическаго преподаванія, требующаго точныхъ выводовъ. Гипотетичность послѣднихъ здѣсь еще больше можетъ затруднять, чѣмъ въ исторіи, а критическое отношеніе къ историко-литературному матеріалу естественно должно сопровождаться тѣми же, указанными выше, послѣдствіями. Гоньба за системой и идеями, недоступными еще слабо развитому сознанию, способна только оттолкнуть отъ предмета, а скороспѣлость сужденій и выводовъ произведетъ и здѣсь тоже полужнаніе, ложь и фразерство (какъ при несвойственномъ гимназіи преподаваніи исторіи), которыя гораздо хуже незнанія. Чтеніе немногихъ образцовъ устной народной поэзіи, какъ наиболѣе оригинальной, немногихъ произведеній письменной литературы древней и новой, наиболѣе выражающихъ умственное и нравственное состояніе эпохи, съ доступнымъ для учащихся объясненіемъ каждый разъ рода

и вида прочитываемыхъ прозаическихъ и поэтическихъ произведений, при чемъ послѣднее должно замѣнить собою отдѣльное преподаваніе теоріи словесности — вотъ все, что можетъ быть содержаніемъ гимназическаго преподаванія такъ называемой словесности. Лучшее изъ остальнаго содержанія литературы можетъ быть предметомъ домашняго чтенія, благо-разумно руководимаго учителемъ и сопровождаемаго письменнымъ воспроизведеніемъ. Предметный и эстетическій анализъ образцовыхъ литературныхъ произведений, расплодившійся въ послѣднее время и заслужившій столько сираведливыхъ нареканий, можетъ быть допускаемъ только съ большими ограниченіями; въ иротивномъ случаѣ анализы этого рода могутъ послужить лучшимъ средствомъ противъ образованія въ ученикахъ наклонности и любви къ предмету и къ собственному чтенію, что должно составлять главную задачу учителя, и что можетъ обѣщать дѣйствительный усихъ и сильное образовательное вліяніе“ (ibid., стр. 145—146). Авторъ далѣе приводитъ мнѣніе Гейланда, вооружающагося противъ рефлексіи и абстракціи въ преподаваніи словесности, стремящихся довести все до яснаго сознанія и тѣмъ разрушить всякую непосредственность наслажденія, иротивъ разсѣченія художественнаго произведенія ножомъ критики. Какъ на одинъ изъ курьезныхъ примѣровъ такой критики, Николай Алексѣевичъ указываетъ на приведенную въ отчетѣ ревизіи с.-петербургскихъ гимназій за 1865 г. замѣченную ревизоромъ въ одной изъ этихъ гимназій операцію, а именно, какъ Акакій Акакіевичъ разсматривался въ 60-ти положеніяхъ.

Это мнѣніе покойнаго, какъ весьма опытнаго, заслуженнаго и глубоко-образованнаго педагога, имѣетъ несомнѣнное значеніе въ настоящее время, когда нерѣдко слышится требованіе, чтобы преподаваніе отечественной литературы заняло центральное положеніе въ общеобразовательномъ курсѣ, чтобы питомцы гимназій широко вводились въ лабораторію современной литературной критики, чтобы исторія литературы преподавалась въ гимназій, какъ наука, и доводилась

въ разборѣ произведеній ея до послѣдняго времени, со всѣми ихъ, надо думать, сложными историческими, философскими, социальными и политическими вопросами и теоріями. Не безъ-интересно также мнѣніе Николая Алексѣевича о введеніи въ курсъ гимназическаго преподаванія психологіи и логики, предложенныхъ однимъ изъ попечителей. Николай Алексѣевичъ, съ точки зрѣнія интересовъ гимназическаго обученія, относится отрицательно и къ той и къ другой. Элементы ихъ, по его мнѣнію, должны находить себѣ мѣсто и на урокахъ языка и словесности, и на урокахъ по другимъ предметамъ, если только учитель стремится достигнуть сознательнаго усвоенія учащимися доступнаго имъ знанія.

Съ этимъ мнѣніемъ не безъинтересно сопоставить недавній фактъ изъ нѣмецкой педагогической практики. Нѣмецкими журналами, а на основаніи ихъ и нѣкоторыми нашими сообщено, что профессоромъ Рудольфомъ Вирховомъ недавно былъ возбужденъ въ германскомъ рейхстагѣ вопросъ о возобновленіи обязательнаго курса логики въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Внести такое предложеніе побудило знаменитаго ученаго, по собственному его признанію, то обстоятельство, что онъ съ теченіемъ времени все чаще замѣчаетъ въ средѣ своихъ слушателей на медицинскомъ факультетѣ полнѣйшую неспособность къ логическому и правильному мышленію. Тогда же было отмѣчено, что въ германской современной молодежи эта особенность умственнаго склада составляетъ общее свойство, и въ настоящее время нѣмецкіе педагоги и ученые принялись дѣятельно изслѣдовать причины этого печальнаго явленія. Профессоръ Бернскаго университета Людвигъ Штейнъ, присоединяясь безусловно къ мнѣнію Вирхова о необходимости преподаванія логики, прямо заявляетъ, что германскіе педагоги сдѣлали крупную ошибку, исключивъ ее изъ числа обязательныхъ предметовъ средняго курса“¹⁾.

1) Русскій Вѣстникъ 1899 г., августъ, стр. 697—698.

Насколько вѣрно указана профессоромъ Штейномъ причина этой, какъ онъ выражается, анархіи мысли, въ современной германской молодежи, сказать, конечно, очень трудно. Едва ли молодой человѣкъ, оканчивающій среднее учебное заведеніе, упорядочить свое безпорядочное, если оно дѣйствительно таково, мышленіе тѣмъ, что въ теченіе года, какъ обыкновенно полагалось въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, а въ нашихъ по ихъ примѣру и до сихъ поръ полагается, безукоризненно даже изучить тошій ученикъ формальной логики, обычно преподаваемой въ гимназіяхъ и почти единственно доступной ученику средней школы.

Весьма интересно мнѣніе Н. А., поддерживаемое многими педагогами и въ настоящее время, о постановкѣ и значеніи въ гимназіи письменныхъ упражненій. „При правильной и цѣлесообразной концентраціи всѣхъ учебныхъ предметовъ въ гимназіи, письменныя упражненія, каковы бы ни были ихъ виды и формы, должны непрерывно сопровождать гимназиста во все время его обученія въ гимназіи, со дня вступленія въ нее до выхода изъ нея. *Nulla dies sine linea* — это правило должно быть написано при входѣ въ каждую гимназію“ ¹⁾. Въ недостаткѣ самостоятельности учениковъ, въ недостаткѣ упражненія собственныхъ ихъ силъ на сообщаемомъ имъ учебномъ матеріалѣ, словомъ въ недостаткѣ всевозможныхъ письменныхъ работъ Н. А. видитъ одну изъ главныхъ причинъ неудовлетворительности результатовъ гимназическаго обученія. „Слушанье и говоренье — вотъ двѣ формы, въ которыхъ движется все наше гимназическое обученіе, и въ этомъ отношеніи, особенно по нѣкоторымъ предметамъ, наши гимназіи по справедливости можно называть университетами въ миниатюрѣ. Что же отсюда выходитъ? Ученики непрерывно слушаютъ, заучиваютъ выслушанное, отдаютъ отчетъ въ заученномъ и въ самомъ благопріятномъ

1) *ibid.*, стр. 154.

случаѣ кончаютъ дѣло тѣмъ, что благополучно доносятъ все накопившееся разнообразное содержаніе до окончательнаго экзамена, сдаютъ его учителю по принадлежности, какъ бы для сложенія въ гимназическій архивъ, и облегченные отъ этой неудобноносимой тяжести, съ радостію оставляютъ гимназію, забывая скоро все, чему ихъ тамъ учили. Наибольшей же части ихъ, какъ извѣстно, не бываетъ суждено донести это бремя до мѣста его назначенія, по причинѣ его неудобности. Въ неблагопріятномъ же случаѣ, — назовите его, пожалуй, аномаліей, — дѣло рѣшается тѣмъ, что ученикъ, оканчивающій курсъ въ гимназій, не можетъ связно и грамматически правильно изложить двѣ три мысли на бумагѣ. . . У насъ, по совершенно невѣрному, хотя и искони утвердившемуся взгляду, веденіе всѣхъ письменныхъ работъ возложено исключительно на обязанность и отвѣтственность учителей русскаго языка и словесности, которымъ, при многочисленности учениковъ въ низшихъ классахъ и при обиліи и разнообразіи содержанія обученія въ высшихъ, дѣйствительно нѣтъ никакой возможности управиться съ большимъ числомъ письменныхъ упражненій. Все дѣло въ совершенно ложномъ взглядѣ на цѣль занятій этого рода, въ томъ, что имѣется въ виду только формальная ихъ сторона, грамматическая правильность и связность изложенія, между тѣмъ какъ письменныя упражненія должны составлять интегральную часть занятій по каждому предмету, для самостоятельнаго и вполнѣ сознательнаго усвоенія его содержанія, для укрѣпленія его въ памяти, для возбужденія собственной производительности на сообщаемомъ матеріалѣ и для пріученія къ ней. . . Всѣ учителя должны принимать непрерывное и непосредственное участіе въ письменныхъ работахъ учениковъ, — это истина, которая не можетъ подлежать никакому возраженію, и отъ проведенія которой зависитъ дѣйствительный успѣхъ гимназическаго образованія“ (155).

Вообще, статья Н. А. „По вопросу объ устройствѣ гимназій“ представляетъ сжатую, по условіямъ журнальной

статьи, но въ тоже время выполнѣ обоснованную систему дидактики и отчасти методики гимназическаго обученія.

Этою статьею заканчивается рядъ статей Николая Алексѣвича чисто педагогическаго содержанія. Нельзя не признать, что эти статьи составили весьма замѣтный вкладъ въ нашу только что получившую въ 60-хъ годахъ начало педагогическую литературу. Въ нихъ Николай Алексѣвичъ обнаруживаетъ весьма обстоятельное знакомство съ тогдашнимъ положеніемъ у насъ дѣла низшаго и средняго образованія, строго выработанные и обстоятельно научно обоснованные взгляды на цѣли и средства той и другой степени образованія.

Тѣ же педагогическія статьи Николая Алексѣвича даютъ право заключить, что онъ не только имѣлъ не ослабѣвающій теоретическій интересъ къ педагогическимъ воирсамъ, не только принималъ дѣятельное участіе въ ихъ разработкѣ, но и обладалъ качествами истиннаго педагога. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе одно наиболѣе цѣнное изъ этихъ качествъ. Во всѣхъ его педагогическихъ сужденіяхъ видна постоянная и неизмѣнная забота о томъ, чтобы учащимся предлагалась только посильная, сообразно изъ возрасту и развитію, умственная пища, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе цѣнная для правильнаго умственнаго развитія. Съ этой цѣлью онъ постоянно заботится о возможномъ ограниченіи чисто теоретическаго, отвлеченнаго элемента въ общеобразовательномъ курсѣ. Съ этой цѣлью онъ предостерегаетъ отъ увлеченія сухимъ, отвлеченно-теоретическимъ, строго систематическимъ преиодаваніемъ Закона Божія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Это же стремленіе заставляетъ Николая Алексѣвича отказаться отъ увлеченій систематическимъ изложеніемъ исторіи отечественной словесности въ гимназіяхъ и отъ критическаго изложенія общей политической исторіи.

Я не касаюсь здѣсь дѣятельности Николая Алексѣевича, какъ профессора Харьковскаго университета. Эта многолѣтняя дѣятельность и въ качествѣ профессора, и въ качествѣ вмѣстѣ съ тѣмъ декана историко-филологическаго факультета (около 12 лѣтъ) достаточно говоритъ сама за себя. Достаточно сказать, что изъ школы братьевъ Лавровскихъ вышелъ знаменитый мѣологъ и языковѣдъ, харьковскій же профессоръ Александръ Аѳанасьевичъ Потѣбня.

Съ такою-то, столь солидною, теоретическою и практическою ученою и педагогическою подготовкою, Николай Алексѣевичъ принялъ въ январѣ 1875 года должность директора Нѣжинскаго Историко-филологическаго института, получившаго свое начало съ 1875/6 академическаго года. Дѣятельность Николая Алексѣевича въ качествѣ перваго руководителя вновь возникшаго института, въ продолженіе семи лѣтъ, признается его біографами однимъ изъ самыхъ выдающихся, по своимъ результатамъ, періодовъ ея. Конечно, онъ имѣлъ примѣръ — С.-Петербургскій ист.-фил. институтъ, самъ былъ воспитанникъ подобнаго же института, но въ заботахъ о благоустройствѣ порученнаго ему заведенія проявилъ необыкновенный организаторскій талантъ, глубокую любовь къ педагогическому дѣлу и неослабвающую энергію.

Изъ личныхъ воспоминаній о дѣятельности Николая Алексѣевича въ качествѣ руководителя Нѣжинскаго Института за первые четыре года его существованія я ограничусь нѣсколькими фактами его педагогическихъ заботъ о воспитанникахъ Института и состоящей при немъ гимназіи. По уставу Института, какъ извѣстно, при немъ состоитъ гимназія, директоромъ которой состоитъ директоръ Института. Гимназія имѣетъ лишь завѣдывающаго на правахъ директора ея, но съ обязанностями преимущественно воспитательнаго свойства, такъ сказать, инспекторскими. Здѣсь, въ Нѣжинѣ, Николаю Алексѣевичу, въ качествѣ директора гимназіи, представился случай приложить и провѣрить на опытѣ свои теоретическіе взгляды на задачи и средства сред-

ного общеобразовательнаго классическаго заведенія. Николай Алексѣвичъ блистательно оправдалъ ихъ. Энергичными и цѣлесообразными мѣрами по устройству гимназіи, неослабнымъ наблюденіемъ за ходомъ преподаванія въ ней онъ привелъ нѣжинскую гимназію, въ учебномъ отношеніи, можно сказать безъ преувеличенія, въ блестящее состояніе. По офиціальнымъ окружнымъ отчетамъ эта гимназія, въ продолженіе службы Николая Алексѣвича въ Нѣжинѣ, занимала первое мѣсто по успѣхамъ учениковъ, въ особенности по древнимъ языкамъ. Но и по другимъ предметамъ, по математикѣ и русскому языку, она была при немъ всегда одною изъ первыхъ. Не лишнее здѣсь припомнить, что утвержденный въ 1864 году уставъ гимназій былъ, съ переходомъ министерства подъ управленіе гр. Д. Толстого (1866 г.), вновь нѣсколько передѣланъ, именно, въ смыслѣ усиленія преподаванія древнихъ языковъ и большей концентраціи всѣхъ предметовъ преподаванія, т. е. именно въ смыслѣ требованій Н. А-ча. Хотя главными вдохновителями гр. Толстого при усиленіи въ гимназіяхъ преподаванія классическихъ языковъ принято считать его московскихъ друзей — Каткова и Леонтьева, однако, вникая въ характеръ постановки преподаванія всѣхъ вообще предметовъ въ гимназіяхъ, какъ онъ выражается въ уставѣ и учебныхъ программахъ 1870—1872 г., нельзя не иризнать, что онъ почти вполнѣ совпадаетъ съ требованіями Н. А-ча, выраженными имъ въ ст. „По вопросу объ устройствѣ гимназій“. Знаменательное совпаденіе времени появленія статьи и переработки устава 1864 г. даетъ основаніе полагать, что она не осталась безъ значительнаго вліянія на ходъ работъ при этой переработкѣ, а быть можетъ, и была положена въ основаніе послѣдней. По крайней мѣрѣ, въ нашей современной (1867 г.) педагогической литературѣ не встрѣчаемъ ничего подобнаго по основательности и всесторонности обсужденія предмета. При нашихъ педагогическихъ силахъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ, да еще при наплывѣ или призывѣ чеховъ и галичанъ, большею частію стремив-

шихся къ занятію у насъ мѣстъ преподавателей древнихъ языковъ по побужденіямъ, имѣющимъ мало общаго съ образовательными и воспитательными цѣлями, реформа гр. Толстого, исполненная въ духѣ требованій Н. А.-ча, не привела, какъ извѣстно, на практикѣ къ желаннымъ для него результатамъ. Реформатору не доставало должной осмотрительности при проведеніи реформы въ жизнь школы.

Не менѣе заботъ прилагалъ Николай Алексѣевичъ и къ возможно лучшей постановкѣ дѣла практической подготовки студентовъ института къ ихъ учительской дѣятельности. По правиламъ Института, студенты четвертаго курса обязаны давать подъ руководствомъ особыхъ наставниковъ - руководителей уроки въ гимназій. Николай Алексѣевичъ необыкновенно заботливо относился къ этимъ первымъ шагамъ учительства своихъ питомцевъ. Онъ почти неопустительно присутствовалъ на всѣхъ ихъ урокахъ, дѣлалъ тщательныя записи хода урока, промаховъ со стороны юныхъ преподавателей и никогда не унускалъ случая въ тотъ же день, вечеромъ, во время своего обычнаго ежедневнаго посѣщенія всѣхъ студенческихъ комнатъ, побесѣдовать съ студентомъ по поводу даннаго имъ урока. Для разбора данныхъ студентами за недѣлю уроковъ, Николай Алексѣевичъ установилъ еженедѣльные педагогическія собранія-собесѣдованія. Эти собесѣдованія онъ также обязательно посѣщалъ. Наставники-руководители вмѣстѣ со студентами обсуждали данныя уроки, и Николай Алексѣевичъ, съ своей стороны, вновь отчитывалъ студентамъ ихъ преподавательскіе грѣхи, но любилъ оканчивать бесѣду поощреніемъ и указаніемъ задатковъ для будущихъ лучшихъ уроковъ. Зорко онъ слѣдилъ также за приготовленіемъ студентовъ къ урокамъ въ гимназій и нерѣдко снабжалъ готовящихся книгами изъ собственной богатой библіотеки.

Но Николай Алексѣевичъ не оставлялъ безъ вниманія и научную подготовку студентовъ. Заботы его о нихъ въ этомъ отношеніи продолжались въ иныхъ случаяхъ и за

предѣлами Института. Такъ, онъ ходатайствовалъ передъ ректоромъ Кіевскаго Университета о разрѣшеніи питомцамъ Института, опредѣленнымъ учителями въ Кіевскія гимназіи, пользоваться университетскою библіотекою, снабжалъ ихъ рекомендательными письмами къ профессорамъ университета и всячески старался заинтересовать студентовъ научными занятіями. Эта забота о научныхъ занятіяхъ студентовъ отличала Николая Алексѣевича и въ Харьковѣ. Въ отчетахъ его, какъ декана, встрѣчаемъ неизмѣнную рубрику: „Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ.“ Основнымъ педагогическимъ правиломъ его въ отношеніи къ студентамъ было нріучить ихъ къ постоянному и правильному труду, въ чемъ онъ самъ всегда служилъ для нихъ лучшимъ образцомъ. Миръ праху незабвеннаго начальника и наставника!

Н. Ивановъ.

О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями.

(Критическій этюдъ.)

1.

Tà áφανή τοῖς φανεροῖς τεχναίρου.
Σόλων.

2.

„Когда людей постичь желаешь,
Въ свое же сердце загляни;
Когда-жъ себѣ познать желаешь,
Себя изъ сердца изгони!“¹⁾

Ф. Боденштедтъ.

Первая часть.

I.

Вопросъ о памяти имѣетъ большое практическое значеніе какъ въ педагогикѣ, такъ и въ обыденной жизни. Нѣмецкій психологъ Мейнонгъ отмѣтилъ значеніе памяти и въ отношеніи теоріи познанія.²⁾ Безъ памяти невозможенъ никакой умственный процессъ. Поэтому неудивительно, что этимъ вопросомъ занимались еще въ глубокой древности: еще задолго до Аристотеля были въ Греціи искусники памяти; еще Платонъ касался этого вопроса въ своемъ *Теэтетѣ*; ³⁾ а Аристотель оставилъ намъ не только тотъ краткій, но весьма цѣнный трактатъ „о памяти и припоминаніи“, который обыкновенно цитируютъ въ этомъ вопросѣ, но и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ (такъ напр. „о душѣ“, „о снѣ и сновидѣніяхъ“)

1) Friedrich Bodénstädt. „Die Lieder des Mirza - Schaffy“. 140. Aufl. S. 195, № 24.

2) Meinong. „Zur erkenntnisstheoretischen Würdigung des Gedächtnisses.“ In Vierteljahresschrift für wiss. Philos. X. Bd. S. 7—33.

3) Plato. Theaetetus. cap. 36 et 37.

сообщаетъ весьма цѣнныя наблюденія, разсужденія и догадки, которыя послужили основаніемъ разныхъ теорій, даже новѣйшаго времени. Такъ, напр., зародыши ассоціативной, а отчасти даже и фізіологической теоріи находятся уже въ сочиненіяхъ этого гениальнѣйшаго мыслителя древней Греціи.

Въ виду предполагаемыхъ у насъ реформъ средней школы, которыхъ съ напряженнымъ вниманіемъ ожидаетъ наше просвѣщенное общество, будетъ не безинтереснымъ и своевременнымъ разсмотрѣніе этого вопроса, который ближе всего касается обученія. Разсмотрѣніе этого стараго вопроса, какъ его понимаютъ и разрѣшаютъ современные ученые спеціалисты, можетъ намъ дать нѣкоторыя основанія судить о томъ, насколько и въ какой мѣрѣ мы въ правѣ подвергать экспериментамъ насажденное у насъ съ такимъ трудомъ среднее учебное дѣло.

Вопросъ о памяти неспеціалистамъ представляется очень простымъ. Обыкновенно думаютъ, что память есть природная способность души, которую упражненіемъ можно укрѣпить и довести до совершенства. Въ этомъ отношеніи и у насъ уже появились спеціалисты укрѣпленія памяти, громко именующіе себя „профессорами мнемоники“. Но стоить лишь бѣгло просмотрѣть нѣсколько спеціальныхъ ученыхъ сочиненій по психологіи, чтобы убѣдиться въ томъ, что ученымъ этотъ вопросъ представляется далеко не столь простымъ и яснымъ. У иныхъ вовсе не встрѣчается терминъ „памяти“ (напр. у Гефдинга); у другихъ этотъ терминъ упоминается, какъ ненаучный и замѣняется другими научными терминами (такъ напр. у Вундта,¹⁾ у Троицкаго,²⁾ у Сѣлли.³⁾ У психологовъ, у которыхъ этотъ терминъ встрѣчается, опредѣленіе его у каждаго свое. Обыкновенно терминъ памяти сопоставляется съ терминами воспроизведенія (репродукціи) или же съ такъ

1) Wundt. Physiologische Psychologie, 3. Aufl. II. Bd., cap. XVI. § 6. S. 359.

2) Троицкій. Наука о духѣ. М. 1882. т. II. § 315, стр. 105.

3) Sully. Outlines of Psychologie. London 1894, chap. VIII., pag. 216.

называемыми законами ассоціаціи идей; иногда память прямо отождествляется съ воспроизведеніемъ; но такъ какъ, по господствующему среди новѣйшихъ психологовъ мнѣнію, не бываетъ воспроизведенія безъ ассоціацій, то и память обыкновенно сводятъ къ законамъ ассоціаціи. Вообще, термины память, репродукція, ассоціаціи часто перебрасываются въ перемежку: очевидно, сами эти термины и обозначаемыя ими свойства душевной дѣятельности не разграничены достаточно другъ отъ друга. Такимъ образомъ вопросъ о памяти не только не исчерпанъ учеными специалистами, но до сихъ поръ еще даже не поставленъ, т. е. не формулированъ надлежащимъ образомъ. Посильному разъясненію самого вопроса и посвящается настоящая статья.

Прежде всего спрашивается, что такое память. Очевидно, что нибудь да обозначается этимъ словомъ, если оно существуетъ во всѣхъ языкахъ, по крайней мѣрѣ, извѣстныхъ намъ. За отвѣтомъ обратимся сперва къ ученымъ специалистамъ, къ ихъ подлиннымъ словамъ. Объемъ настоящей статьи не позволяетъ мнѣ изложить всю исторію этого вопроса въ теченіе болѣе 22-хъ столѣтій: я ограничусь послѣдней четвертью истекающаго столѣтія, и притомъ именами, болѣе извѣстными въ наукѣ. И въ этомъ матеріалѣ окажется слишкомъ много ученыхъ разсужденій и гипотезъ и слишкомъ мало безспорнаго и общепризнаннаго. Для удобства и ориентировки читателя я сгруппирую всѣхъ цитируемыхъ ученыхъ относительно опредѣленія и пониманія ими памяти въ три группы, хотя и не ручаюсь за строгость ихъ разграниченія. Провести такое относительно философовъ во всѣхъ подробностяхъ невозможно, такъ какъ до сихъ поръ еще не родился такой человекъ, который въ теченіе своей жизни хотя въ чемъ-нибудь не противорѣчилъ бы себѣ, т. е. который бы не сказалъ когда-нибудь чего-нибудь такого, что противорѣчитъ сказанному имъ въ другое время и въ другомъ мѣстѣ. Такъ и въ нашемъ вопросѣ: гипотезы психофизическаго параллелизма во введеніяхъ придерживаются почти всѣ современные

психологи; однако не все объясняютъ ею все факты наблюденія; а въ данномъ случаѣ память. Поэтому въ группу психофизиковъ я включаю только тѣхъ, которые въ объясненіи памяти прибѣгаютъ къ названной гипотезѣ. Эти три группы ученыхъ слѣдующія: Первая группа ученыхъ разумѣетъ подѣ памятью только ея феноменальную сторону, т. е. воспроизведенные (репродуцированные) психическіе факты. Этихъ ученыхъ можно назвать „феноменистами“. Къ нимъ принадлежатъ: Вундтъ, Гефдингъ, Троицкій, Бэнъ, Горвичъ. Вторая группа подѣ памятью подразумѣваетъ съ одной стороны сохраненіе въ мозгу слѣдовъ отъ первичныхъ впечатлѣній (по новѣйшему обозначенію „расположеній“ *Dispositionen*), т. е. особыхъ размѣщеній молекулъ въ мозговыхъ клѣткахъ и нервныхъ волокнахъ; съ другой же — воспроизведеніе психическихъ фактовъ, какъ функцію соотвѣтственныхъ „расположеній“. Самыя же изслѣдованія ихъ, разумѣется, относятся только къ фактамъ воспроизведенія. Этихъ ученыхъ я буду называть просто „психо-физиками“. Къ нимъ я причисляю: Геринга, Дю-Боа-Реймона, Спенсера, Рибо, Фореля, Э. Рабье, Сѣлли, Джемса. Къ третьей группѣ я причисляю тѣхъ, которые понимаютъ память, какъ сохраненіе прежде испытанныхъ психическихъ актовъ, которые могутъ сдѣлаться сознательными явленіями. Ихъ я буду называть „динамистами“, т. е. признающими скрытыя душевныя силы (*δυνάμεις*). Къ этимъ принадлежатъ Эббинггаузъ и Юдль.¹⁾

II.

Обратимся прежде всего къ группѣ феноменистовъ.

I. Вундтъ въ своей фізіологической психологіи формулируетъ нашъ вопросъ слѣдующими словами: „Вопросъ, какъ

1) Кромѣ названныхъ ученыхъ психологовъ есть еще касающіяся нашего вопроса спеціальныя изслѣдованія экспериментальнымъ путемъ и монографіи, принадлежащія другимъ ученымъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Но такъ какъ эти работы разсматриваютъ слишкомъ элементарные процессы и только отдѣльныя стороны памяти, то они и не даютъ общихъ теорій памяти, ни даже опредѣленій ея. Поэтому онѣ и не включены въ настоящій перечень.

опредѣленное качественное впечатлѣніе репродуцируется послѣ даннаго времени, мы можемъ назвать проблеммой о памяти, поскольку обиходное понятіе о памяти главнымъ образомъ относится къ способности возобновлять прежде пережитое въ приблизительно неизмѣнной по качеству формѣ (Beschaffenheit). Проблема о памяти относится къ интенсивной и квалитативной (качественной) формѣ репродуцированныхъ представленій въ ихъ отношеніи къ первичнымъ впечатлѣніямъ“¹⁾. Эта формулировка Вундта неспециалисту должна показаться очень ученой, хотя и недостаточно ясной. Мысли Вундта, какъ я ихъ понялъ, на удобопонятномъ языкѣ слѣдующія: а) вопросъ о памяти долженъ разсматривать воспроизведеніе качественныхъ элементовъ и ихъ интенсивность по сравненію съ первичными впечатлѣніями; б) способъ этого воспроизведенія; в) обиходное понятіе памяти означаетъ главнымъ образомъ „способность возобновлять прежде пережитое въ приблизительно неизмѣнной по качеству формѣ“. Не вдаваясь пока въ критику этихъ положеній, которыя въ послѣдствіи окажутся ошибочными, я укажу только на тотъ фактъ, что самъ Вундтъ черезъ девять лѣтъ въ своемъ „Очеркѣ психологіи“, изданномъ 1896 году, высказалъ иной, хотя тоже не безошибочный, взглядъ по нашему вопросу. Вотъ его длинные слова: „Со сложной природой процессовъ воспоминанія стоитъ въ тѣсной связи характеръ припоминаемыхъ представленій. Если послѣднія часто опредѣляютъ какъ болѣе слабыя, но въ общемъ вѣрные воспроизведенія непосредственныхъ чувственныхъ представленій, то характеристика эта въ высшей степени неудачна. Припоминаемые образы и непосредственныя чувственныя впечатлѣнія совершенно различны не только по качеству и интенсивности, но и по элементарному своему составу. . . . Всѣ эти разнообразныя свойства, связанныя съ процессами узнаванія и воспоминанія,

1) W u n d t, Grundzüge der physiolog. Psych. III. Auflage, 1887. II Bd. XVI. cap. § 6, S. 359.

языкъ обозначаетъ однимъ общимъ именемъ „памяти“.... Имъ удобно пользоваться главнымъ образомъ для обозначенія индивидуальныхъ различій въ процессахъ воспоминанія. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о точности, о широтѣ объема памяти, о пространственной памяти, о хорошей памяти относ. времени, словъ и т. д.“

Такъ говоритъ Вундтъ въ своемъ „Очеркѣ“¹⁾.

Въ этомъ сочиненіи измѣненъ его прежній взглядъ 1) въ томъ, что не всякую репродукцію (воспроизведеніе) онъ называетъ памятью, а только процессы воспоминанія; 2) онъ считаетъ припоминаемыя представленія „совершенно различными“ (sic!) отъ соотвѣтствующихъ имъ первичныхъ чувственныхъ воспріятій; но остался вѣрнымъ феноменизму, считая память терминомъ ненаучнымъ, обозначающимъ процессы воспоминанія. Измѣненіе взглядовъ Вундта должно приписать главнымъ образомъ ряду статей Гефдинга „Объ узнаваніи....“²⁾, который опровергъ ошибочные въ этомъ отношеніи взгляды Лемана, ученика Вундта. Тѣмъ не менѣе и Гефдингъ стоитъ на почвѣ феноменизма.

2. Гефдингъ въ своей „Психологіи въ очеркахъ“ даже вовсе не употребляетъ термина „памяти“; но въ ней есть одинъ параграфъ, озаглавленный „сохраненіе представленій“, который, очевидно, касается нашего вопроса. Въ немъ Гефдингъ говоритъ слѣдующее: „Какъ сохраненіе представленій, хотя они не всегда находятся въ сознаніи, такъ и обработка ихъ безъ участія въ ней сознанія даетъ намъ право признать понятіе безсознательной дѣятельности за положительный фактъ.... Если говорятъ о слѣдахъ, осадкахъ или расположеніяхъ, остающихся, послѣ того какъ ощущенія и представленія ускользнули изъ сознанія, то въ основаніи этого

1) Вундтъ, Очеркъ психологіи, перев. Паперны, СПб. 1897, стр. 166.

2) См. 1. Höffding, „Über Wiedererkennen....“ въ „Vierteljahrsschrift für wiss. Philos.“ 1890. Bd. XIII. u. XIV.

2. Höffding, „Zur Theorie des Wiedererkennens“ въ „Philos. Studien“ VIII. Bd.

лежитъ предположеніе, что въ области духовной должно существовать нѣчто аналогичное сохраненію энергіи, существующему въ природѣ физической; но на попріицѣ духовномъ невозможно доказать подобнаго аналога.“¹⁾

Далѣе, возражая противъ теоріи Гербартовской школы, будто каждое отдѣльное представленіе имѣетъ постоянное стремленіе къ самосохраненію, т. е. къ пребыванію въ сознаніи (вслѣдствіе чего, по мнѣнію гербартіанцевъ, не существуетъ абсолютнаго забвенія), Гефдингъ говоритъ: „Ни одно единичное представленіе, какъ таковое, не сохраняется и не репродуцируется, если того не производятъ условія всего теченія сознательной жизни въ его совокупности.“²⁾ Эти слова Гефдинга высказываютъ тотъ же взглядъ на нашъ вопросъ, который раздѣляютъ всѣ англійскіе ассоціационисты, что репродукція невозможна безъ ассоціаций; мало этого, что даже и сохраненіе зависитъ отъ ассоціаций. Такимъ образомъ Гефдингъ проблему о памяти упраздняетъ, сводя ее къ теоріи ассоціаций. (Впрочемъ ассоціации понимаетъ онъ шире англійскихъ ассоціационистовъ, включая въ нихъ и чувствованія и безсознательные душевные акты.) Тѣмъ не менѣе онъ признаетъ, что „мы не имѣемъ права утверждать ни объ одномъ представленіи, что оно безусловно ускользнуло изъ сознанія“³⁾ (sic!) Здѣсь слово „сознаніе“ Гефдингъ, очевидно, употребилъ въ смыслѣ „душа“ или „безсознательная душевная жизнь“, что, очевидно, не одно и то же. Но эта неточность въ выраженіи встрѣчается весьма часто и у Вундта, и у другихъ современныхъ психологовъ, которые съ умысломъ избѣгаютъ слова „душа“, хотя нѣкимъ образомъ не могутъ избѣгнуть прилагательнаго „психическій“.

3. Такой же точки зрѣнія феноменизма и ассоціативной теоріи держался и покойный профессоръ М. Троицкій.

1) Höffding, Psychologie 2. Aufl. V. B. 6. Seite 191 u. 192.

2) ibid. S. 194.

3) ibid. S. 193.

Въ своемъ весьма капитальномъ, но вслѣдствіе сжатости чисто догматическаго изложенія мало доступномъ трудѣ „Наука о духѣ“ проф. Троицкій по данному вопросу высказывается такимъ образомъ: ¹⁾ „Въ бодрственномъ и здоровомъ сознаніи своемъ человѣкъ вмѣстѣ съ текущими умственными операціями находитъ неизмѣримо богатый матеріалъ этихъ операцій, который можетъ быть данъ ему только рефлексіей въ идеяхъ всей прошлой дѣйствительности его личнаго существованія.... Эта-то умственная рефлексія и составляетъ, по нашему мнѣнію, главное народное значеніе слова „память“.“ ²⁾

Самый терминъ „рефлексіи“ проф. Троицкій опредѣляетъ такъ: „Явленіями психической рефлексіи мы называемъ ту взаимную зависимость психическихъ фактовъ, при которой одни изъ нихъ оказываются, по самой сущности своей, нѣ-которымъ отраженіемъ другихъ.“ ³⁾ Это опредѣленіе рефлексіи, по видимому, совпадаетъ съ тѣмъ, что другіе психологи называютъ репродукціей; а опредѣленіе памяти, хотя оно и недостаточно отчетливо формулировано, все же обнаруживаетъ точку зрѣнія феноменизма. Проф. Тр. понимаетъ память 1) какъ терминъ народный, ненаучный; 2) какъ актъ сознанія, что онъ обозначаетъ словами „человѣкъ находитъ матеріалъ умственныхъ операцій“; 3) онъ относитъ этотъ матеріалъ ко „всей прошлой дѣйствительности личнаго существованія человѣка“, (т. е. къ прошлымъ явленіямъ). Умственную рефлексію прошлой дѣйствительности, которую Тр. называетъ также „историческимъ направленіемъ человѣческаго мышленія“ ⁴⁾ онъ отождествляетъ съ закономъ ассоціаціи по смежности. Вотъ его подлинныя слова: „Закономъ смежности мы назы-

1) Это весьма оригинальное и для спеціалиста-психолога очень цѣнное сочиненіе недостаточно оцѣнено не только публикой, но даже такимъ выдающимся философомъ, какъ Вл. Соловьевъ. См. его статью въ „Вѣстникъ Европы“ за янв. 1900 г. подъ заглавіемъ „Три характеристики“, которая по тону очень напоминаетъ остроумный фельетонъ.

2) „Наука о духѣ“ (М. 1882) т. II. § 315 стр. 105.

3) *ibid.* § 284, стр. 57.

4) *ibid.* § 314, стр. 102 и § 288 стр. 64.

ваемъ стремленіе мышленія къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности — въ порядкѣ непосредственнаго преемства и сосуществованія.“¹⁾ Такимъ образомъ и Тр. по данному вопросу все же стоитъ на почвѣ феноменизма, хотя въ I. части своего сочиненія признаетъ и потенциальные психическіе элементы или отношенія.²⁾

4. Глубже вникъ въ проблему памяти А. Бэнъ, сдѣлавъ большой шагъ впередъ по сравненію со своими соотечественниками, дальше котораго ушли немногіе изъ современныхъ психологовъ нашего материка. Но этотъ же шагъ уже былъ сдѣланъ Аристотелемъ за 22 вѣка до Бэна, хотя и остался незамѣченнымъ благодаря предубѣжденію противъ Аристотеля. Уже Аристотель въ своихъ психологическихъ сочиненіяхъ обсуждаетъ фактъ преемственныхъ зрительныхъ образовъ по удаленіи внѣшняго раздраженія.³⁾ Тотъ же фактъ въ новѣйшее время вновь открылъ Пуркинѣ, затѣмъ имъ занимались Фехнеръ и Гельмгольцъ. То же сдѣлалъ относительно слуховыхъ впечатлѣній А. Бэнъ. А. Бэнъ, констатируя фактъ продолженія звуковыхъ ощущеній послѣ прекращенія внѣшняго раздраженія, обобщаетъ это явленіе на всѣ органы чувствъ, называя это первой ступенью памяти. Вотъ его подлинныя слова объ этомъ: „Аттрибутъ души, называемый удерживаніемъ, памятью, имѣетъ два вида или двѣ степени: 1) стойкость или продолжаемость умственнаго возбужденія послѣ исчезновенія дѣйствовавшей причины. Когда ухо поражается звукомъ пушечнаго удара, происходитъ умственное возбужденіе, называемое звуковымъ ощущеніемъ; прекращеніе или исчезновеніе удара не прекращаетъ умственнаго возбужденія. Эта продолжающаяся сознательность, хотя и слабая, и есть память или идея звука.“⁴⁾

1) *ibid.* § 289, стр. 65.

2) См. его „Наука о духѣ“ I. томъ, § 17 и 18, стр. 29—33.

3) См. *Aristoteles, De insomniis*, cap. II.

4) А. Бэнъ, Психологія, перев. 2. изд. СПб. 1887, кн. II. 3, стр. 94.

(То же констатировалъ Урбанчикъ экспериментальнымъ путемъ и относительно слуховыхъ ощущеній весьма слабой интенсивности. И въ этихъ случаяхъ бываютъ преемственные слуховыя ощущенія (образы), которыя вполне соответствуютъ положительнымъ зрительнымъ преемственнымъ образомъ (-Nachbilder)¹⁾. Въ этихъ случаяхъ, стало быть, мы имѣемъ „первичную“ память, которую никто не пытается объяснить ассоціаціями; однако вмѣстѣ съ тѣмъ никто изъ современныхъ ассоціационистовъ и физиологовъ не отмѣтилъ этого факта отсутствія ассоціацій при наличности репродукціи. И самъ Бэнъ въ данномъ случаѣ называетъ памятью „продолжающуюся сознательность“ т. е. феномены, уклоняясь отъ слова „репродукція“.)

2) „Дальнѣйшей и высшей способностью“ памяти Бэнъ называетъ „воспроизведеніе въ формѣ идей прошлыхъ и исчезнувшихъ впечатлѣній, безъ участія ихъ оригиналовъ, а единственно лишь посредствомъ умственныхъ операций. . . Это и есть дѣйствительная (sic!) память, способность неизвѣстная внѣ связи съ животнымъ организмомъ.“²⁾ Дальше говоритъ А. Бэнъ: „Главнымъ посредникомъ этого воспроизведенія служитъ присутствіе какого-либо факта или обстоятельства, или сосуществовавшего ранѣе или въ какомъ либо отношеніи касающагося его, (смежнаго съ нимъ). . . Удерживательная способность носить въ этомъ случаѣ названіе ассоціаціи смежности.“³⁾

Такъ понимаетъ Бэнъ вопросъ о памяти, въ которую, очевидно, включены и процессы фантазіи.

5. Лучше разграничиваетъ понятія репродукціи, памяти и фантазіи Г о р в и ч ъ, хотя онъ значительно раньше издалъ свои „Психологическіе анализы“. Вотъ какъ онъ формулируетъ нашъ вопросъ: „Всѣ представленія, вообще всѣ психическія образованія (Gebilde) обнаруживаютъ очень значительную способность продолжаемости (Beharrungsvermögen), такъ

1) Pflügers Archiv 1881, Bd. 24. S. 596.

2) А. Бэнъ. Ibid. стр. 95.

3) ibid. стр. 95.

что они, послѣ того какъ давно ускользнули изъ сознанія, снова могутъ всплыть въ немъ. . . Представленія (этимъ названіемъ мы въ данномъ случаѣ обозначаемъ въ болѣе широкомъ смыслѣ всѣ психическія образованія) отчасти состоятъ другъ съ другомъ въ нѣкоторой связи, такъ что, если одно представленіе, будь то вслѣдствіе внѣшняго раздраженія или вслѣдствіе воспоминанія, пробудится въ сознаніи, оно влечетъ за собой одно или нѣсколько другихъ. Это — два факта репродукціи и ассоціаціи, на которыхъ основывается все ученіе (sic!) о воспоминаніи (Erinnerung), памяти и фантазіи. Воспоминаніе и память, въ противоположность фантазіи, имѣютъ то общее, что они воспроизводятъ (wiedergehen) первоначальныя представленія совершенно такъ же и въ томъ же отношеніи другъ къ другу ихъ частей, какъ то обнаруживало первоначальное представленіе; между тѣмъ фантазія есть произвольная комбинація различныхъ къ различнымъ представленіямъ принадлежащихъ элементовъ. Различаютъ воспоминаніе и память въ томъ, что въ первомъ случаѣ вмѣстѣ съ первоначальнымъ представленіемъ пробуждается опредѣленіе мѣста и времени; память же возобновляетъ только (sic!) содержаніе представлений (Vorstellungsinhalt)¹⁾.

Это разграниченіе памяти и воспоминанія, очевидно, не вѣрно. По опредѣленію Горвича память оказывается неполнымъ воспоминаніемъ, что несогласно съ общепринятымъ употребленіемъ этого слова. Во всякомъ случаѣ, память понимаетъ и Горвичъ, какъ совокупность сознательныхъ явленій.

III.

Перейдемъ къ группѣ психофизиковъ.

1. Самый крайній взглядъ, чисто біологическій, высказываетъ Герингъ, рассматривающій память „какъ функцію организованной матеріи“. Выходя изъ фактовъ упражненія,

1) См. Horwicz, Psychologische Analysen I. Th. § 27, S. 165.

благодаря которому усиливается функціональная способность мускуловъ и вообще всѣхъ органовъ, а также изъ фактовъ наслѣдственной передачи разныхъ способностей, Герингъ сохраненіе этихъ способностей (даже въ ряду многихъ поколѣній) и воспроизведеніе соотвѣтственныхъ дѣйствій соединяетъ въ одно понятіе органической памяти¹⁾. При этомъ, конечно, не имѣется въ виду воспроизведеніе сознательныхъ психическихъ актовъ.

2. Противъ такого пониманія памяти возсталъ Дю-Боа-Реймонъ, хотя и онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія психофизика. „Я не вижу, возражаетъ онъ Герингу, никакого сходства между болѣе легкимъ скатываніемъ (Rollen) опредѣленнаго молекулярнаго процесса въ гангліяхъ (клеткахъ) особи, — что составляетъ память, и возвращеніемъ въ воспроизведенной особи молекулярнаго размѣщенія (которое извнѣ произведено въ производителѣ = Erzeuger) — что должно представлять собою унаслѣдованіе (= Vererbung) приобретенныхъ качествъ; а еслибы и видѣлъ это сходство, то оно у меня отступило бы передъ различіемъ, состоящимъ въ томъ, что память (= Gedächtniss), какъ говоритъ само названіе, присуща только мыслящимъ (denken, gedacht) существамъ“²⁾.

3. Гербертъ Спенсеръ соединяетъ взгляды Геринга со взглядомъ психологовъ-феноменистовъ. Онъ различаетъ память органическую отъ памяти сознательной; а эту послѣднюю онъ поясняетъ, какъ „повтореніе въ слабой степени разъ испытанныхъ возбужденій (идей), когда гдѣ-либо автоматическое дѣйствіе оказывается несовершеннымъ“³⁾. Память, говоритъ Спенсеръ, относится къ тому классу психическихъ состояній, которыя находятся въ процессѣ организаціи. Она

1) Hering, Über das Gedächtniss, als eine allgemeine Function der org. Mat. Wien 1876. S. 12, 17 u. ff.

2) Du Bois-Reymond, Über Übung, Berlin 1881, S. 17.

3) Г. Спенсеръ, Психологія, перев. СПб. 1876. Томъ II. гл. VI. § 199 стр. 172.

продолжается до тѣхъ поръ, пока продолжается организація этихъ состояній, и исчезаетъ, какъ только организація эта закончилась и достигла совершенства. Такимъ образомъ сознательная память переходитъ въ бессознательную или органическую память“ ¹⁾).

4. Приблизительно такъ же понимаетъ память Р и б о. Въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи „*Les maladies de la mémoire*“ Рибо говоритъ: „Память въ общепринятомъ значеніи слова содержитъ, по мнѣнію всѣхъ, три признака: сохраненіе извѣстныхъ состояній, ихъ воспроизведеніе, ихъ локализацию въ прошедшемъ. . . Этотъ третій признакъ, чисто психологическій, оказывается несущественной прибавкой къ двумъ первымъ. . . Основанія памяти должно искать въ качествахъ организованной матеріи ²⁾“. Въ концѣ же своего изслѣдованія Рибо утверждаетъ: „память есть отправленіе нервной системы“; . . . „основныя качества памяти связаны съ основными условіями жизни“; „все прочее т. е. сознаніе, точная локализція въ прошедшемъ — есть только усовершенствованіе“; „психическая память есть только высшая и самая сложная форма памяти.“ ³⁾

5. Ко взглядамъ Рибо примыкаетъ цюрихскій профессоръ психіатріи Ф о р е л ь, опубликовавшій въ 1885 году свою прекрасную публичную лекцію о памяти. Сравнительно съ Рибо онъ отмѣчаетъ активную сторону памяти и активные бессознательные душевные процессы, на что многіе не обращаютъ вниманія. Форель говоритъ: „Память есть качество всякой нервной дѣятельности (сознательной или бессознательной) 1) послѣ ея окончанія оставлять измѣненное состояніе, которое сохраняется; 2) способность въ послѣдствіи посредствомъ этого сохраненнаго динамическаго слѣда повторяться подобнымъ же образомъ,

1) Г. Спенсеръ, *ibid.* § 202, стр.: 176.

2) Th. Ribot, *Les maladies de la mémoire* I. 1 pag. 1—3.

3) *ibid.* послѣд. стр.

какъ и первый разъ. Эти оба качества сохраненія и возобновленія, очевидно, не абсолютно различны другъ отъ друга; возобновленіе, въ послѣдней инстанціи, пожалуй, есть только скрѣпленіе (*Kräftigung*) или новое оживленіе (*Neubelebung*) сохраненнаго динамическаго слѣда“. („Матерія нераздѣльна отъ присущей ей силы и никогда не бываетъ абсолютно бездѣйствующей“) ¹⁾. „Третье качество, продолжаетъ Форель, присуще только сознательной памяти и въ понятіи памяти не составляетъ существеннаго признака. Это есть узнаваніе, т. е. способность вторичное, возобновленное состояніе признать тождественнымъ съ прежнимъ, первичнымъ, для чего необходимо сознаніе промежуточнаго времени (*Zeitbewusstsein*). Это есть только сознаніе (*Bewusstsein*) памяти“ ²⁾.

Такъ понимаетъ память Форель.

6. Весьма обстоятельно обсуждаетъ разныя теоріи по настоящему вопросу Э. Рабье. Его собственную точку зрѣнія на основаніи его психологіи (5. изд. 1896 года) можно охарактеризовать слѣдующими выдержками: „Наши представленія (*représentations*), говоритъ Рабье, послѣ того какъ они нѣкоторое время заняли сознаніе, остаются еще въ нашемъ распоряженіи.... наши состоянія сознанія, послѣ того какъ они существовали, могутъ произвольно (*spontanément*) оживать.“ ³⁾ „Въ слѣдахъ или осадкахъ (*résidus*) органическихъ, оставленныхъ въ мозгу первичными впечатлѣніями, заключается условіе памяти.“ ⁴⁾ „Условіемъ оживанія служить возобновленіе первичнаго нервнаго акта посредствомъ сочетанія условій, составляющихъ привычку, съ новымъ условіемъ.“ ⁵⁾ Въ частности „всякое состояніе мышленія оказывается зависимымъ (*déterminé*) отъ состоянія, непосредственно предше-

1) На эту замѣтку въ скобкахъ слѣдуетъ обрѣтѣть вниманіе: изъ психологовъ эмпириковъ и психо-физиковъ рѣдко кто имѣетъ это въ виду.

2) Forel. *Das Gedächtniss und seine Abnormitäten*. Zürich 1885.

3) Elie Rabier, *Leçons de philos. I. Psych.* (Paris 1896) chap. XIV. pag. 150.

4) *ibid.* pag. 160.

5) *ibid.* pag. 164.

ствующаго“ ¹⁾ (т. е. отъ законовъ ассоціацій). Впрочемъ, и Э. Рабье, согласно съ Бэномъ, отличаетъ первичную или непосредственную (*immédiate*) память и вторичную (*séparée par un intervalle de la perception*), т. е. послѣ забвенія. ⁵⁾ Последняя управляется законами ассоціацій. ¹⁾

7. Той же точки зрѣнія придерживается и Сѣлли въ своихъ „Очеркахъ психологіи“. „Подъ словомъ „память“, говоритъ Сѣлли, обыкновенно подразумѣваютъ сохраненіе количества приобрѣтеній и возможность вызывать ихъ по надобности.“ ²⁾ „...Мы знаемъ о сохраненіи только благодаря факту оживанія.... непосредственного знанія этого факта (сохраненія) мы не можемъ имѣть.“ ³⁾ „Фактъ доказанный (*sic!*), что мозгъ, хотя и требуетъ периферическаго возбужденія для своей первоначальной дѣятельности, можетъ со временемъ быть независимымъ отъ подобнаго возбужденія (*stimulation*).“ ³⁾ „Сохраненіе.... есть послѣдняя необъяснимая психофизическая функція. И хотя эта функція является на всѣхъ стадіяхъ развитія и играетъ выдающуюся роль въ такъ называемыхъ чувственныхъ воспріятіяхъ (*presentations of sens*), она только превосходитъ ихъ въ процессахъ репродукціи или воспроизводительнаго воображенія (*representative imagination*).“ ²⁾ „Всѣ воспріятія — зрительныя, слуховыя или другія стремятся къ продолженію за моментъ прекращенія чувственнаго раздраженія“ (это первичная ступень памяти, какъ у Бэна). „Способность воспроизведенія послѣ нѣкотораго промежутка времени зависитъ 1) отъ глубины впечатлѣнія (*depth of the impression*) и 2) отъ силы дѣйствующихъ ассоціацій (*force of suggestion*)“ ⁴⁾ Память не есть единая способность; она различна для различныхъ классовъ чувственныхъ элементовъ (*representative elements*).“ ²⁾ „Можно имѣть превосходную память къ одному

1) *ibid.* chap. XVI. pag. 184.

2) Sully, *Outlines of psychology*, London 1894, chap. VIII. pag 216.

3) *ibid.* pag. 170.

4) *ibid.* pag. 175.

разряду воспріятій (sensations) и ниже средней въ отношеніи другихъ впечатлѣній (impressions).“¹⁾

8. Ближе къ общепринятому смыслу, чѣмъ всѣ перечисленные выше ученые, опредѣляетъ память В. Джемсъ. „Память, въ собственномъ смыслѣ слова, говоритъ Джемсъ, есть знаніе о минувшемъ душевномъ состояніи, послѣ того какъ оно уже перестало непосредственно сознаться нами, или говоря точнѣе, память есть знаніе о событіи или фактѣ, о которомъ мы въ данную минуту не думали (вѣрнѣе было бы сказано, о которомъ мы не думали до данной минуты т. е. непосредственно передъ его воспоминаніемъ), и который сверхъ того сознается нами теперь, какъ явленіе, имѣвшее мѣсто въ нашемъ прошломъ. Въ простомъ фактѣ воспроизведенія (репродукціи), продолжаетъ Джемсъ, еще вовсе нѣтъ памяти.... Нужно еще одно условіе для того, чтобы созерцаемый въ настоящемъ образъ являлся замѣстителемъ минувшаго оригинала. Условіе это заключается въ томъ, что созерцаемый нами образъ мы должны относить къ прошлому — мыслить его въ прошломъ.“²⁾ (Это условіе, созданное наконецъ англ. психологами, было отмѣчено еще Аристотелемъ.³⁾ Далѣе продолжаетъ Джемсъ: „Но какъ мы можемъ мыслить извѣстную вещь, какъ бы въ прошломъ, если мы не будемъ думать объ этой вещи и о прошломъ и объ отношеніи между той и другимъ?... Память представляетъ нѣчто большее сравнительно съ простымъ отнесеніемъ факта къ извѣстному моменту прошлаго. Онъ долженъ быть отнесенъ къ извѣстному моменту моего прошлаго. Другими словами, я долженъ думать, что это я именно переживаю его.“⁴⁾ Припоминаніе, какъ и за-
поминаніе, объясняетъ Джемсъ законами ассоціаціи; а сами ассоціаціи — путями въ мозгу. „Запоминаніе, говоритъ

1) *ibid.* pag. 217.

2) W. James, *Text Book of Psychology*, перев. И. Лапшина, 2 изд. гл. XVIII., стр. 228 и 229.

3) См. Aristoteles, *De memoria* l. cap.

4) W. James, *loco cit.* стр. 229.

Джемсъ, вовсе не есть явленіе психическаго порядка. Это — чисто физическое (sic!) явленіе, именно наличность „путей“ въ глубочайшихъ нѣдрахъ мозговой ткани. Съ другой стороны, припоминаніе есть психофизическій процессъ, имѣющій и тѣлесную, и душевную сторону; тѣлесная сторона его — возбужденіе нервныхъ путей, душевная — сознательное представленіе минувшаго явленія и вѣра въ его принадлежность нашему прошлому.“¹⁾ Такимъ образомъ Джемсъ съ одной стороны опирается на анализъ внутренняго опыта; съ другой стороны этотъ опытъ объясняетъ фізіологической гипотезой „нервныхъ путей“, относительно которыхъ, впрочемъ, сознается, что они не вполне тождественны при воспріятіи извѣстнаго факта и при его припоминаніи.¹⁾

Такъ понимаетъ нашъ вопросъ В. Джемсъ.

9. Переходную ступень къ динамистамъ представляетъ Альфредъ Фулье, соединяющій гипотезу психофизическаго параллелизма съ предположеніемъ душевныхъ силъ „*idées-forces*“.²⁾ Не давая опредѣленія памяти, онъ отмѣчаетъ въ ней три существенныхъ элемента: 1) сохраненіе, 2) воспроизведеніе, 3) узнаваніе.³⁾ Вотъ его подлинныя слова, характеризующія его взглядъ на нашъ вопросъ: „Идеи или образы суть состоянія сознанія, которыя предполагаютъ чувствованія (эмоціи) и переходятъ въ движенія (*aboutissent à des mouvements*)... Въ такомъ смыслѣ идеи-силы т. е. состоянія, сознанія, соотвѣтныя колебаніямъ мозга, борятся за жизнь, и самыя сильныя берутъ верхъ, по аналогіи съ естественнымъ подборомъ.“⁴⁾ „Законы памяти и ассоціаціи можно бы называть законами интеллектуальнаго подбора...“ „Эти идеи ничуть не отдѣлены отъ органовъ, потому что онѣ заключаютъ въ себѣ образы, а образъ есть отголосокъ или возобновленіе

1) *ibid.* стр. 232. Отдѣльнаго физическаго эквивалента этой „вѣры“ Джемсъ, конечно, указать не можетъ.

2) *Fouillée, La survivance et la selection des idées dans la mémoire, Revue des deux mondes, LXIX. (1885).*

3) *op. cit.* pag. 358.

4) *ibid.* pag. 360.

ощущенія, болѣе или менѣе ослабленное. Образъ имѣетъ мѣсто въ тѣхъ же нервныхъ центрахъ, въ которыхъ — и само ощущение...“¹⁾ „Нервный процессъ — тотъ же самый при ощущеніи, что и при воспоминаніи, и воспоминаніе вовсе не есть состояніе чисто интеллектуальное.“²⁾ „Съ точки зрѣнія физиологической, организація и память суть одно и то же... Сохраненіе силы и, слѣдовательно, движенія есть основаніе привычки а также памяти, если ее разсматривать только съ внѣшней стороны.“³⁾ „Съ психологической точки зрѣнія... слѣдуетъ прибавить къ движенію: 1) ощущение (sensation) или зародышъ его, 2) двигательную реакцію, которая съ нимъ нераздѣльна... Организованная матерія, въ различіе отъ машинъ, способна чувствовать (*La matière organique est sentante et agissante*).“⁴⁾ „Подборъ идей и ихъ оживаніе (suggestion) происходитъ какъ по смежности во времени, такъ и по ихъ сходству.“⁵⁾ „Оба эти закона представляютъ собою двѣ стороны (aspects) одного и того же закона... Смежность во времени соединяетъ вещи только (*sic!*) посредствомъ смежности въ протяженномъ мозгѣ (*dans l'étendue du cerveau*)... Смежныя части мозга, строго говоря, суть части сходныя (*similaires*), которыя вибрируютъ тождественнымъ отчасти образомъ... Эта смежность заключаетъ въ себѣ извѣстное сходство и извѣстное сведеніе къ единству.“⁶⁾ „Сходное механически ассоциируется въ мозгу со сходнымъ.“⁷⁾ Сводя такимъ образомъ, по примѣру Гамильтона, законы ассоціацій къ одному закону, называемому имъ „закономъ выбора по чувству“ (*loi de selection sensible*),⁸⁾ Фулье разсматриваетъ и вліяніе на

1) *ibid.* pag. 361.

2) *ibid.* pag. 362.

3) *ibid.* pag. 368 et 369.

4) *ibid.* pag. 369 et 370.

5) *ibid.* pag. 377.

6) *ibid.* pag. 380.

7) *ibid.* pag. 381 et 382.

8) *ibid.* pag. 384. (Тотъ же законъ называется А. Вэномъ и Спенсеромъ „закономъ самосохраненія“).

подборъ (selection) идей произвольнаго и сознательнаго вниманія, которое онъ опредѣляетъ какъ феноменъ „двигательной иннерваціи“. ¹⁾ Въ заключеніи своей статьи говоритъ Фулье: „Если идеи или образы продолжаютъ жить (survivent) въ борьбѣ и сохраняются, то это потому, что онѣ заключаютъ въ себѣ различныя степени чувствованій (sentimens), стремясь удовлетворить себя соотвѣтными движеніями; идеи суть силы, потому что онѣ скрываютъ въ себѣ влеченія (appetits), болѣе или менѣе неопредѣленныя или ясныя. Затѣмъ, если идеи возобновляются, то это — чаще всего вслѣдствіе той же силы, вслѣдствіе связи, соединяющей такія-то движенія съ такими-то чувствованіями.... Въ сохраненіи идей сознаніе не представляетъ собою пассивное регистрированіе, ни совершенно машинальную репродукцію впечатлѣній.... Сознаніе завершаетъ (эти процессы) тѣмъ, что оно становится великой силой выбора между ними и стремится сдѣлаться все болѣе и болѣе господствующимъ въ человѣчествѣ: въ началѣ будучи чисто подражательнымъ, оно становится творческимъ.“ ²⁾

Вотъ основныя мысли Фулье по нашему вопросу, которыя сближаютъ его съ динамистами, не отрывая въ то же время отъ гипотезы психофизическаго параллелизма. Имъ я заканчиваю группу психофизиковъ и перехожу къ динамистамъ.

IV.

Представителемъ третьей группы можно считать Эббинггауза, который, по моему, самый компетентный судья въ настоящемъ вопросѣ. Чуждый всякихъ нредвзятыхъ гипотезъ, Эбб. впервые посредствомъ многочисленныхъ научнымъ образомъ обставленныхъ опытовъ изучалъ на себѣ такъ называемую „механическую“ память. Результаты его опытовъ и изслѣдованій, изложенные въ его общеизвѣстной, весьма

1) *ibid.* pag. 385. Ту же мысль развилъ впослѣдствіи Н. Ланге въ своемъ изслѣдованіи о вниманіи.

2) *ibid.* pag. 389.

обстоятельной и интересной для психолога монографіи „О памяти“ проливаютъ нѣкоторой свѣтъ и на теорію ассоціаціи по смежности, и на бессознательные процессы. Въ этомъ сочиненіи Эб. оиредѣляетъ, или скорѣе описываетъ память слѣдующими словами:¹⁾ „Психическія состоянія — всякаго рода ощущенія, чувствованія, представленія, которыя когда-либо существовали и затѣмъ ускользнули изъ сознанія, вмѣстѣ съ этимъ не безусловно перестали существовать . . . они продолжаютъ жить нѣкоторымъ образомъ сохраненными, какъ говорятъ, въ памяти“. Память Эб. отличаетъ отъ простаго воспроизведенія (репродукціи) и воспоминанія такъ же, какъ это дѣлалъ Аристотель и въ новѣйшее время, (послѣ опубликованія работы Эббинггауза) Гефдингъ, Сѣлли, Рабье, Джемсъ. Относительно воспроизведенія, даже непроизвольнаго, онъ отмѣчаетъ, что „и тутъ въ большинствѣ случаевъ мы непосредственно узнаемъ репродуцируемое, какъ бывшее раньше“ т. е. мы воспоминаемъ его. Эб. отмѣтилъ и тотъ фактъ, что „въ нѣкоторыхъ случаяхъ (при репродукціи) не бываетъ сопутствующаго ей сознанія, что репродуцированное было уже въ нашемъ прошломъ опытѣ (Джемсъ упустилъ это изъ виду); тогда, говоритъ Эб., мы знаемъ только посредственно, что настоящее (представленіе) должно быть тождественно съ нѣкоторымъ прежнимъ (душевымъ актомъ); но все же, по словамъ Эб-за, мы получаемъ доказательство, не въ меньшей степени вѣрное, что это прежнее продолжало существовать въ промежуткѣ“ (между первичнымъ актомъ сознанія и его репродукціей)²⁾. Этой выдержкой изъ монографіи Эб-за я органичусь: она достаточно характеризуетъ его точку зрѣнія.

2. Точку зрѣнія Эббинггауза раздѣляетъ, по повидимому, Гюдль въ своей психологіи (1896 г.), однако только относительно самаго опредѣленія памяти. Отдѣляя намять отъ репродукціи (воспроизведенія), Гюдль опредѣляетъ ее коротко,

1) Ebbinghaus, Über das Gedächtniss, Leipzig 1885, § 1. S. 2 u. 3.

2) ibid. Откуда и какимъ образомъ мы получаемъ это доказательство, этого Эб. не говоритъ.

просто и ясно слѣдующими словами: „Память есть продолжаемость (Beharren) элементовъ сознанія; а репродукція есть активность памяти, превращеніе слѣдовъ (Spur, Erinnerung) изъ потенціальнаго состоянія сознанія въ актуальное“¹⁾. Это чрезвычайно мѣткое опредѣленіе Іодля, напоминающее собою аристотелевскія понятія *δύναμις* и *ἐνέργεια*, было бы вполне соответствующимъ общепринятому смыслу слова „память“, если бы 1) въ него не входили и образы фантазіи и чувствованія (эмоціи); 2) еслибы слова „сознаніе“ замѣнить болѣе подходящимъ „душа“. По моему, всякій актъ сознанія, не исключая и чувственныхъ воспріятій есть „актуальное“ состояніе, говоря терминомъ Аристотеля — *ἐνέργεια* (изъ опредѣленія Іодля это тоже вытекаетъ); а бессознательныя душевныя состоянія, (которыя въ настоящее время самыми компетентными психологами, кромѣ Brentano и Рабье, признаны за фактъ несомнѣнный,) представляютъ собою потенціальныя состоянія души — *δυνάμεις*. Поэтому выраженіе „потенціальное (т. е. бессознательное) состояніе сознанія“ заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Въ это противорѣчіе постоянно впадаютъ современные психологи, избѣгающіе термина „душа“.

Со своимъ чисто-психологическимъ опредѣленіемъ памяти Іодль соединяетъ фізіологическую гипотезу о слѣдахъ. „Слѣдъ, по его словамъ, хотя и бессознателенъ, но онъ существуетъ; а это возможно только вслѣдствіе того, что онъ продолжаетъ существовать какъ физическое впечатлѣніе, какъ опредѣленное размѣщеніе и группировка молекулъ въ центральныхъ нервныхъ органахъ, какъ мозговое расположеніе (Disposition)“²⁾. И въ остальномъ Іодль согласенъ съ цитированными выше психофизиками, въ особенности съ Селли и Джемсомъ, которыми онъ пользовался.

Этими выдержками я ограничусь. Я съ умысломъ про-

1) J o d l, Psychologie, Stuttgart 1896, VIII. § 15 S. 460.

2) *ibid.* VIII. § 19, S. 463.

пустилъ взгляды Гербарта и Бэнеке: они принадлежатъ къ давнему прошлому, хотя еще имѣютъ одинокихъ послѣдователей и между современными философами и психологами. И цитированныхъ выше ученыхъ достаточно, чтобы убѣдиться не только въ различіи точекъ зрѣнія и объясненія памяти, но и въ самомъ пониманіи значенія этого слова.

1. Феноменисты разумѣютъ подъ памятью сумму всѣхъ воспоминаній т. е. воспроизведенныхъ психическихъ актовъ, связанныхъ съ процессами узнаванія и съ отнесеніемъ ихъ къ прошлому субъекта (проекціей во времени). Троицкій и Бэнъ, упустившіе изъ виду процессы узнаванія и проекціи, распространяютъ понятіе памяти и на процессы фантазіи и на всѣ умственные процессы.

2. Психофизики разумѣютъ подъ памятью сохраненіе въ мозгу особыхъ размѣшеній молекулъ (расположеній, *Bispositionen*), которыя образовались при первичныхъ воспріятіяхъ и которыя составляютъ существенное условіе воспроизведенія соотвѣтныхъ имъ психическихъ актовъ. Но такъ какъ это сохраненіе расположеній, какъ выражается Селли, есть „последняя необъяснимая психо-физическая функція“ ¹⁾ т. е. гипотеза, которая покаместъ не можетъ быть доказанной; то всѣ изслѣдованія ихъ относятся къ фактамъ воспроизведенія. Само же воспроизведеніе они ставятъ въ зависимость отъ фізіологическихъ условій (*depth of the impression*) и отъ законовъ ассоціаціи. Впрочемъ относительно первичной памяти (*mémoire immédiate*) они умалчиваютъ объ ассоціаціяхъ и даже не отмѣчаютъ въ ней акта воспроизведенія: признаніе этихъ фактовъ можетъ нанести смертельный ударъ современнымъ теоріямъ ассоціаціи и сознанія.

3. Динамисты понимаютъ подъ памятью сохраненіе прежде испытанныхъ психическихъ актовъ, которые могутъ сдѣлаться сознательными при извѣстныхъ условіяхъ. Эббинггаузъ попытался изслѣдовать чисто психологическимъ путемъ

1) Sully, *Outlines of psychology* loc. cit.

и само сохраненіе, исходя, разумѣется, отъ актовъ воспроизведенія, доступныхъ наблюденію. Иодль только по своему опредѣленію памяти принадлежитъ къ этой группѣ.

Итакъ, въ виду такого разногласія въ пониманіи самого слова „память“ (научнымъ терминомъ не всѣ его признають), спрашивается, что же, собственно, должно разумѣть подъ этимъ словомъ? Сперва рассмотримъ, должно ли подъ нимъ разумѣть воспроизведеніе или же сохраненіе?

По моему, не должно произвольно измѣнять смысла общепринятаго слова, (какъ это дѣлаетъ Герингъ, распространяя память на всю „организованную матерію“, стало-быть и на мхи, лишай, грибы и бактеріи), пока не выясненъ его истинный смыслъ, пока въ немъ не открыто какихъ-нибудь внутреннихъ противорѣчій или же другихъ неудобствъ. Какъ извѣстно, въ общепринятомъ языкѣ заключается въ безсознательной формѣ первая, непосредственная философія и психологія. Это было понято еще Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ. Съ раскрытія смысла словъ и понятій нужно начинать всякое философское изслѣдованіе; но современные эмпирики, избѣгая „хитросплетенныхъ сѣтей метафизики“, обезславленной съ легкой руки Ог. Конта, слишкомъ часто пренебрегаютъ этимъ изслѣдованіемъ. Поэтому, какъ мы видѣли, даже выдающіеся психологи избѣгаютъ термина „душа“, замѣняя его словомъ „сознаніе“, что далеко не одно и то же: въ понятіе „сознаніе“ не могутъ входить безсознательные процессы, которые во сто разъ численнѣе сознательныхъ душевныхъ актовъ; между тѣмъ слова „психическій“, „психологія“ употребляются ими безъ стѣсненія. Нѣсколько странной кажется мнѣ логика этихъ ученыхъ — стыдиться названія того предмета, который изучаешь: ни анатомъ, ни фізіологъ, ни ботаникъ, ни историкъ этого не дѣлають. Вѣдь, употребленіе слова „душа“ не обяываетъ примыкать къ какой бы то ни было гипотезѣ — спиритуалистической или матеріалистической. Вслѣдствіе подобной неустановленности психологическихъ терминовъ происходятъ весьма часто крупныя недоразумѣнія и бесполезныя

споры.¹⁾ Мало этого, философы не только избѣгаютъ раскрытія истиннаго смысла терминовъ; они, наоборотъ, неудержимо стараются сочинять новыя слова для давно извѣстныхъ понятій, — и обыкновенно замѣчается обратная пропорціальность между содержательностью и ясностью съ одной стороны и числомъ „философскихъ“ терминовъ съ другой. Въ этомъ отношеніи особенно выдается прославленный нѣмцами Кантъ, которому, впрочемъ, склонны подражать и нѣкоторые изъ современныхъ философовъ.

Итакъ, чтобы избѣгнуть упомянутаго грѣха современныхъ психологовъ и философовъ, рассмотримъ сперва обиходное значеніе слова „память“; а затѣмъ ужъ рассмотримъ, имѣетъ ли это значеніе разумное основаніе, допустимое точной наукой. Не производя по методу Сократа послѣдовательнаго умственнаго анализа этого понятія (таковой отнялъ бы слишкомъ много времени), я не затрудняюсь утверждать, что въ обиходѣ подъ этимъ словомъ разумѣютъ не самые процессы воспоминанія прежнихъ впечатлѣній, сколько сохраненіе самихъ впечатлѣній (идей) до ихъ воспроизведенія. Для обозначенія воспроизведенія идей въ каждомъ языкѣ имѣются другія слова, каковы: воспоминаніе, припоминаніе, оживаніе, воображеніе, мечтаніе, размышленіе и т. под. Поэтому въ своемъ изложеніи я, согласно съ Эббингаузомъ и Йодлемъ, буду употреблять слово „память“ въ смыслѣ сохраненія душевныхъ актовъ, которые при опредѣленныхъ условіяхъ могутъ сдѣлаться сознательными, однако ограничивая ихъ познавательными элементами²⁾. Воспроизведеніе этихъ актовъ, связанное

1) См. 1. „Вопросы философіи“ кн. 1. (полемику Лопатина съ Иванцовымъ).

2. тамъ же кн. 7. и 8. (полемику Челпанова и Ланге).

3. тамъ же за 1899. (полемику Лопатина съ Вл. Соловьевымъ).

2) Обиходное употребленіе слова „память“ не включаетъ въ него чувствованій (эмоцій), какъ непосредственныхъ псих. процессовъ. Подъ выраженіями: „я вспомнилъ свой гнѣвъ, свой страхъ, свою любовь“ разумѣютъ воспроизведеніе фактовъ (познаваемыхъ), которые въ рѣдкихъ случаяхъ воспроизводятъ и ассоціированную съ ними эмоцію. Современные психологи (Рибо и другіе) говорятъ и о памяти эмоцій, которая, впрочемъ, еще мало изслѣдована.

съ процессами узнаванія, я, согласно обиходному употребленію, буду обозначать словомъ „в о с п о м и н а н і е“ (это будетъ видовымъ понятіемъ родового понятія „воспроизведеніе“); процессы воспроизведенія, не связанные съ процессами узнаванія, оживающе вѣтъ первоначальной связи всѣхъ ихъ элементовъ (ассоціаціи по смежности) я обозначаю, согласно обиходному употребленію, словомъ „в о о б р а ж е н і е“ (фантазія); подѣтъ ассоціаціями я буду разумѣть связь сознательныхъ психическихъ элементовъ — одновременныхъ или же непосредственно преемственныхъ, какъ смежныхъ, такъ и сходныхъ.

V.

Чтобы оправдать мою точку зрѣнія относительно памяти, не признаваемую огромнымъ большинствомъ современныхъ психологовъ, я долженъ прежде всего рассмотретьъ, существуетъ ли какое-нибудь сохраненіе душевныхъ актовъ, знаемъ ли мы что-нибудь о самомъ ихъ сохраненіи, и наконецъ, возможно ли научное изслѣдованіе этого сохраненія. Научныя изслѣдованія относительно души уже съ изданія въ 1749 г. Гертлеемъ своихъ „Observations of man“ ведутся съ двухъ точекъ зрѣнія — фізіологической и психологической. Установленная Спинозой и развитая Гертлеемъ гипотеза психофізическаго параллелизма въ настоящее время считается почти догмой. Поэтому ея никоимъ образомъ обойти нельзя. Итакъ прежде рассмотримъ, что знаетъ фізіологія о сохраненіи въ мозгу слѣдовъ или расположеній (размѣщеній молекулъ).

Все, что до сихъ поръ добыла въ этомъ отношеніи неврофізіологія, это слишкомъ недостаточно для построенія научной гипотезы. Дѣло въ томъ, что множество душевныхъ процессовъ, извѣстныхъ намъ на основаніи внутренняго опыта, не можетъ быть объяснено означенной гипотезой. Для подтвержденія сказаннаго достаточно бросить даже бѣглый взглядъ на результаты неврофізіологін, которые уч. фізіологи приводятъ въ связь съ психич. процессами. Эти результаты,

которые близко касаются душевной дѣятельности, можно свести въ слѣдующія группы: 1) добыты мускульныя сокращенія (рефлексы), послѣ раздраженія кислотами, ущемленіемъ или электрическими токами извѣстныхъ частей мозга или же извѣстнаго нерва; 2) констатированы измѣненія въ отправленіяхъ железъ и въ другихъ органахъ послѣ перерѣзыванія ведущихъ къ этимъ органамъ нервовъ; 3) констатированы патологическія измѣненія въ извѣстныхъ частяхъ мозга, сопутствующія иногда (но не всегда) извѣстнымъ психическимъ расстройствамъ; 4) — измѣненія жизнедѣятельности нѣкоторыхъ животныхъ при экстирпации изв. частей мозга. Больше намъ — неврофизиологія объ отравленіяхъ нервовъ и мозговыхъ клѣтокъ и клѣточекъ пока ничего положительнаго сказать не можетъ. На основаніи этого матеріала физиологи съ полнымъ правомъ предполагаютъ нервныя токи и процессы въ нервныхъ клѣткахъ. Спрашивается однако, какимъ образомъ при помощи этого скуднаго матеріала можно отыскать физиологическій коррелятъ для милліоновъ душевныхъ процессовъ, которые можетъ различать непосредственно внутренний опытъ? Какой физиологическій коррелятъ можетъ указать неврофизиологія для процессовъ сужденія, для отношеній сходства, для единства и узости сознанія, для вниманія, для чувствованій, для самообладанія, (если даже не признавать свободы воли)? Относительно этихъ душевныхъ процессовъ физиологи и психофизики или отмалчиваются, или же прямо отвергаютъ эти факты внутреннего опыта, смѣшивая ихъ съ идеями, ощущеніями и ихъ ассоціаціями. Вообще, всѣ такъ называемыя физиологическія объясненія душевныхъ процессовъ сводятся къ одному и тому же неизвѣстному пксу (нервнымъ процессамъ), при чемъ не дѣлается никакого качественного различія между этими нервн. процессами, хотя ихъ должно считать милліонами.¹⁾

1) Сравни: W. James, op. cit. chap. XIII. pag. 169, chap. XVI. pag. 214, chap. X. pag. 111.

W. Wundt, Очеркъ псих. § 15, стр. 140.

Правда, число мозговыхъ клѣтокъ человѣка опредѣляютъ сотнями миллионовъ, въ каждой клѣткѣ возможно допустить существованіе особаго химическаго процесса; но такихъ различій въ процессахъ клѣтокъ неврофизиологи не въ состояніи констатировать. По внѣшней структурѣ мозговыхъ клѣтокъ гистологи различаютъ не больше десяти типовъ; а по ихъ отравленіямъ и этихъ различій установить пока невозможно. Ученіе о локализациі мозговыхъ рефлексовъ и теорія „задерживательныхъ центровъ“ еще далеки отъ признанія ихъ безспорными фактами науки. Самые нервныя процессы мозговыхъ клѣтокъ при всѣхъ физиологическихъ экспериментахъ остаются скрытыми: ни микроскопъ, ни химическіе агенты не могутъ ихъ открыть экспериментатору; о нихъ только догадываются на основаніи получаемыхъ рефлексовъ, при чемъ пути предполагаемыхъ нервныхъ токовъ не могутъ быть прослѣжены до высшаго слоя корковаго вещества. До сихъ поръ не удалось непосредственно изслѣдовать нервный процессъ даже на одной живой нервной клѣткѣ. Какимъ же образомъ можно будетъ слѣлать это одновременно на миллионѣ или хоть на тысячѣ клѣтокъ живого мозга, на клѣткахъ органически связанныхъ между собою? Если даже допустить эту утопію, что черезъ тысячелѣтія удастся изслѣдовать нервный процессъ какой-нибудь мозговой клѣтки, или цѣлаго нейрона, то спрашивается, что могла бы тогда доказать этимъ неврофизиологія? Тогда, въ лучшемъ случаѣ, она знала бы, какой именно нервный процессъ, (какое перемѣщеніе атомовъ или молекулъ) происходитъ въ определенной клѣткѣ или нейронѣ подъ вліяніемъ извѣстныхъ физиологическихъ раздраженій; но это былъ бы не тотъ же самый процессъ, который происходитъ въ живомъ мозгу при взаимодействіи сотни тысячъ нервныхъ клѣтокъ и нервныхъ токовъ, (при воздѣйствіи возбужденій со стороны органовъ чувствъ, со стороны ассоціированныхъ идей, чувствованій, (эмоцій), волевыхъ актовъ и т. д.). Наконецъ, если допустить возможность даже этого наивнаго предположенія: то все таки

неврофизиологія добыла бы только движенія атомовъ и молекулъ, но не ощущенія, идеи, сужденія, чувствованія, волевые акты и проч. Какимъ образомъ она могла бы провѣрить на расщепленномъ на тысячи частей мозгѣ неживого животного, какіе именно субъективные психическіе элементы того же живого животного соотвѣтствуютъ констатированнымъ нервнымъ физиологическимъ процессамъ мозговыхъ клѣтокъ? А если бы даже и это было возможно сдѣлать относительно мозга какого нибудь животного, то развѣ изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что нѣчто аналогичное должно быть и у человѣка и притомъ у каждаго живого человѣка? Наконецъ, въ проблемѣ о памяти (съ точки зрѣнія физиологической гипотезы) нужно было бы констатировать состояніе опредѣленныхъ нервныхъ клѣтокъ живого мозга до появленія предполагаемаго физическаго слѣда или „расположенія“. Затѣмъ нужно было бы констатировать, въ чемъ состоитъ самъ этотъ „слѣдъ“ или „расположеніе молекулъ“; нотомъ черезъ нѣсколько времени нужно было бы неоднократно констатировать на живомъ мозгѣ, въ чемъ состоитъ и въ какой степени продолжается это предполагаемое „расположеніе“? Допустить, что послѣ каждаго подобнаго эксперимента тѣ же клѣтки остались бы нормально функционирующими, это такое заблужденіе, которому можетъ предаваться только тотъ, кто не имѣетъ даже и смутнаго понятія о микроскопическихъ препаратахъ и наблюденіяхъ, равнымъ образомъ о строеніи и отправленіяхъ нервныхъ клѣтокъ!

Такимъ образомъ вышеозначенные психо-физики и всѣ неврофизиологи, (съ Герингомъ и Маудсли согласные), которые опредѣляютъ и „объясняютъ“ память „слѣдами въ мозгу“ или же новѣйшимъ словомъ „Disposition“, въ сущности ровно ничего не опредѣляютъ и не объясняютъ. На мѣсто общезвѣстнаго факта сохраненія душевныхъ актовъ они представляютъ гипотезу, которая не можетъ быть провѣренной. Да и вообще всѣ современные психологи, которые отъ гипотезы психофизическаго параллелизма ждутъ какого-нибудь

существеннаго подспорья въ объясненіи душевныхъ процессовъ, предаются не меньшей иллюзіи, чѣмъ всѣ метафизики прежнихъ школъ. Неврофизиологія слишкомъ несовершенная наука, чтобы строить мало-мальски удовлетворительныя гипотезы относительно нервныхъ процессовъ, сопутствующихъ актамъ сознанія. По моему, ужъ гораздо лучше открыто сознаться въ своемъ незнаніи, чѣмъ его маскировать новыми словами и гипотезами!

Этими разсужденіями я ничуть не умаляю заслугъ неврофизиологіи. Эта наука, равно какъ и анатомія и гистологія мозга, безъ сомнѣнія, оказываютъ нѣкоторыя услуги и психологіи: они раскрываютъ нѣкоторыя общія условія психической жизни; они доказали нѣкоторую связь между явленіями физическими и психическими, и въ этомъ отношеніи ихъ заслуги и для практической жизни весьма значительны. Они эмпирическимъ путемъ подтверждаютъ то, что Аристотель, не имѣвшій никакого понятія о микроскопѣ, химіи, ни даже о мозговыхъ клѣткахъ, училъ еще 22 слишкомъ столѣтія тому назадъ (т. е. что душевная жизнь находится въ зависимости отъ организма)¹⁾. Но для рѣшенія частныхъ вопросовъ психологіи вышеупомянутыя естественныя науки намъ ничего не даютъ существеннаго даже въ отношеніи происхожденія ощущеній, а относительно памяти и умственныхъ процессовъ они ровно ничего не могутъ намъ дать.

Все сказанное выше относительно неврофизиологіи должно насъ убѣдить, что эта наука безъ внутренняго самонаблюденія не только въ настоящее время, но и вообще никогда не будетъ въ состояніи сказать что-нибудь положительное относительно сохраненія въ мозгу актовъ сознанія, т. е. памяти.

Что же намъ остается дѣлать по нашему вопросу? По моему, слѣдуетъ оставить въ покоѣ неврофизиологію и ея гипотезы и обратиться къ чисто психологическому методу наблюденія и анализа.

1) См. Aristoteles, De anima II, 1.

VI.

Спрашивается дальше, можетъ ли само наблюденіе изслѣдовать сохраненіе впечатлѣній и вообще актовъ сознанія, или же мы должны ограничиться изслѣдованіями только воспроизведенія (репродукціи) сохраненныхъ душевныхъ актовъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ именитые психологи? Знаемъ ли мы изъ нашего субъективнаго опыта что-нибудь о самомъ сохраненіи актовъ сознанія? Уже выше мы ссылались на обиходный смыслъ слова „память“, какъ на сохраненіе актовъ сознанія. Слова „помнить, воспоминать и припоминать“ основаны тоже на всеобщемъ убѣжденіи, что наши бывшіе акты сознанія не исчезли безслѣдно, но что они могутъ повториться и притомъ могутъ быть нами узнаны, какъ таковые наши собственные акты сознанія, имѣвшіе мѣсто въ нашемъ прошломъ. Но на это намъ могутъ возразить, что обиходное сознаніе или такъ называемый „common sense“, „здравый смыслъ“, хотя онъ былъ признанъ Ридомъ руководящимъ принципомъ его философіи, — можетъ сильно ошибаться, какъ это во многихъ случаяхъ, а въ частности и въ психологическихъ вопросахъ, можетъ быть доказано. Такъ напр., обиходное сознаніе римлянъ вмѣсто земного шара знало только земной кругъ (*orbis terrarum*). Обиходное сознаніе и теперь еще говоритъ о восходѣ и заходѣ солнца, предполагая кажущееся движеніе солнца. Обиходное сознаніе отождествляетъ духъ и душу (*animus, ψυχή*) съ дуновеніемъ (греч. *ἄνεμος, φύχω*): въ словахъ „духъ“, „душа“, „дышать“ всѣ корни находятся въ тѣсной связи съ глагольнымъ корнемъ „ду“ (ду—ть); между тѣмъ это первобытное представленіе о духѣ, какъ о дуновеніи (*ψυχή, πνεῦμα*), совсѣмъ не совпадаетъ ни съ философскимъ ни съ научнымъ. Такъ точно можетъ ошибаться обыкновенной „здравый смыслъ“ и относительно „памяти“, какъ сохраненія актовъ сознанія. Для доказательства иротивнаго не существуетъ иного способа, какъ и вообще для провѣрки любого психологическаго факта, кромѣ провѣрки его своимъ личнымъ опытомъ. Нашъ

личный опытъ даетъ намъ самое непосредственное и притомъ самое несомнѣнное убѣжденіе достовѣрности. Чтобы упростить нашъ вопросъ, мы ограничимся сознательной памятью, и притомъ въ самомъ простомъ, въ самомъ несложномъ ея проявленіи, каковой она обнаруживается уже у дитяти двухъ мѣсяцевъ и у животныхъ даже членчатыхъ¹⁾. Таковое элементарное проявленіе памяти мы находимъ въ актахъ узнаванія. Въ возгорѣвшейся по этому вопросу лѣтъ десять тому назадъ ученой полемикѣ между А. Леманомъ и Гефдингомъ первый старался доказать, что ассоціація по сходству не можетъ удовлетворительно объяснить узнаванія, (прибавимъ, добытаго имъ при особыхъ условіяхъ въ психологической лабораторіи Вундта)²⁾, и что теорія поѣтому невѣрна; Гефдингъ же возражалъ противъ такого рѣшенія вопроса, (посредствомъ экспериментовъ въ лабораторіяхъ съ заранѣе намѣченною цѣлію), опираясь на психологическій анализъ этого процесса и отстаивая самостоятельность ассоціаціи по сходству³⁾. Чтобы не повторять описанія опытовъ Лемана и пространныхъ возраженій противъ нихъ Гефдинга, я обращусь къ обиходному опыту, пользуясь примѣромъ изъ ежедневной жизни, и притомъ самымъ обычнымъ. Предположимъ, вы ѣдете по желѣзной дорогѣ. На какойнибудь узловой станціи, гдѣ вы должны ожидать поѣзда, вы видите множество незнакомыхъ людей, по которымъ слегка скользитъ вашъ взглядъ. Вдругъ на одномъ изъ нихъ останавливается вашъ взоръ: вы вглядываетесь, фізіономія вамъ кажется знакомой, очень знакомый... „Кто бы это былъ?“ Вы не можете припомнить; „Гдѣ я его видѣлъ?“ Отвѣта нѣтъ. — „Однако лицо это мнѣ очень знакомо“. Вы чувствуете непреодолимое желаніе припомнить,

1) См. D a h l, Versuch. e. Darstellung d. psych. Vorgänge in d. Spinnen. Vierteljahr. f. wiss. Philos. 1885, S. 173—174.

2) См. Alfred L e h m a n n, Über das Wiedererkennen, in Wundt's Philos. Studien V. 96—156.

3) См. I. H ö f f d i n g, Über das Wiedererkennen въ Vierteljahresschrift f. wiss. Philos. XIV.

2. Его же, Zur Theorie d. Wiedererkennens въ Philos. Stud. VIII.

гдѣ вы его видѣли, кто бы это былъ. Однако всѣ усилія напрасны. Желаніе припомнить все это дѣлается неотвязчивымъ, иногда прямо мучительнымъ: но все напрасно. Память, повидимому, бездѣйствуетъ. Наконецъ вы садитесь въ поѣздъ: впечатлѣнія быстро смѣняются одно за другимъ, вы проѣхали нѣсколько станцій, вы давно перестали думать о встрѣченномъ знакомомъ лицѣ. Вдругъ, неожиданно, по видимому, безъ всякой связи съ текущими впечатлѣніями и мыслями, вамъ приходитъ на умъ: „Я его видѣлъ тамъ-то, когда я ѣхалъ изъ Кіева . . . , въ такомъ-то году“. Оказывается, что вы съ этимъ господиномъ, назовемъ его Н., незнакомы, т. е. вы не знаете ни его имени, ни общественнаго, ни семейнаго положенія, ни его профессіи, ни національности: вамъ просто запомнилась его оригинальная или красивая фізіономія, которую вы всего разъ видѣли много лѣтъ тому назадъ. Съ этими припоминаніями завершился весь процессъ узнаванія. Спрашивается, какіе элементы составляли этотъ процессъ; какіе изъ нихъ существенны? Чѣмъ обусловлено это узнаваніе? Въ данномъ случаѣ вы имѣли: 1) реальное впечатлѣніе фізіономіи г-на Н. на ст. В.; 2) чувство чего-то уже знакомаго: эта фізіономія казалась несомнѣнно знакомой; 3) желаніе и затѣмъ усиліе припомнить обстоятельства (мѣсто, время, личность . . .), связанные съ фізіономіей г. Н.; 4) невольное воспоминаніе этихъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ этихъ стадій узнаванія только послѣдняя была рѣшающей и завершающей процессъ узнаванія (зародышъ самого узнаванія содержится однако уже въ первой стадіи). Но развѣ во всемъ этомъ процессѣ заключается хоть намекъ на какое-нибудь сохраненіе впечатлѣній? Быть можетъ, тѣ обстоятельства, которыя вы будто „припомнили“, это — идеи, которыя „случайно“ безъ всякой причинной связи, взбѣрили на умъ; можетъ быть, наше сознаніе, говоря сравненіемъ Платона ¹⁾, въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою голубятню, въ которую одни голуби (идеи)

1) См. Platonis, Theaetetus, cap. 36—37.

влетаютъ, а другіе вылетаютъ! Быть можетъ, это — простая „игра воображенія“! (Въ общежитіи предполагаютъ, что фантазія дѣйствуетъ внѣ всякой причинности.) Нѣтъ, это не — бредъ, не — капризъ фантазіи, неголубятня; ваше сознание говоритъ вамъ иное: въ вашемъ сознаніи всплылъ, (хотя и значительно позже реального впечатлѣнія, видѣнной на ст. В. физиономіи г-на Н.,) и давній поблекшій образъ г-на Н. (онъ тогда былъ въ другомъ костюмѣ). Этотъ образъ вы относите къ своему прошлому, а именно къ вашей поѣздкѣ изъ Кіева, совершенной вами нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Этотъ образъ „ a_1 “ въ вашемъ сознаніи (конечно невольно и безсознательно) сливается, т. е. отождествляется съ недавно (часъ или два часа тому назадъ) вами же видѣннымъ на ст. В. образомъ „ A_2 “ (г-нъ Н. въ новомъ костюмѣ). Это сліяніе (т. е. отождествленіе) новаго впечатлѣнія или идеи A_2 съ тождественной прежней a_1 обыкновенно происходитъ такъ быстро, что и психологи иногда его не замѣчаютъ, тѣмъ болѣе, что результатъ сліянія выражается однимъ простымъ предложеніемъ (сужденіемъ): „эту физиономію я видѣлъ — тамъ то и тогда-то“. Но это предложеніе можно выразить и другими словами: „это (зрительный образъ, видѣнный на ст. В.) — тотъ самый г-нъ, котораго я видѣлъ тамъ то и тогда-то“. Въ этой формѣ слова „это“ и „тотъ самый“ должны насъ убѣдить, что предметъ A_1 , который логическимъ мышленіемъ разсматривается, какъ одинъ, для психологическаго анализа предполагаетъ по меньшей мѣрѣ двойственность актовъ сознанія, а именно: новое впечатлѣніе A_2 (въ данномъ случаѣ г. Н. на ст. В.) и аналогичную ей, прежнюю идею a_1 т. е. образъ г-на Н. по пути изъ Кіева; между этими двумя образами (актами) устанавливается связь тождества (т. е. полное сходство въ существенныхъ элементахъ физиономіи г-на Н.). Сліяніе этихъ двухъ отдѣльных актовъ сознанія совершается путемъ актуальнаго сужденія тождества, одного изъ самыхъ примитивныхъ сужденій. Само сліяніе произошло въ одинъ моментъ сознательной жизни; но въ сущности весь процессъ не огра-

ничился однимъ этимъ сознательнымъ актомъ сужденія. Воспоминая прежнюю, давнюю идею a_1 , мы ее безсознательно признали за давнюю нашу идею, которая была раньше въ нашемъ сознаніи; сверхъ того мы вспомнили и нѣкоторые обстоятельства, мѣсто и время, сопутствовавшія ей. Этотъ процессъ, хотя онъ порою и совершается моментально, есть ужъ самъ по себѣ довольно сложный процессъ, состоящій изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сужденій; но эти сужденія вслѣдствіе ихъ привычности обыкновенно совершаются безсознательно. Если эти безсознательныя сужденія о времени и мѣстѣ первичнаго акта сознанія a_1 съ нѣкоторой натяжкой и можно было бы признать за ассоціаціи преемства, то относительно сознательнаго процесса отождествленія A_2 съ a_1 сдѣлать этого никоимъ образомъ невозможно: вышеописанный процессъ самъ по себѣ опровергаетъ это (мы имѣли тамъ усилія, акты воли, сужденіе „in actu nascendi“); всякій путемъ самонаблюденія можетъ на своемъ сознаніи провѣрить подобные описанному процессы. Итакъ мы должны убѣдиться, что даже элементарныя процессы узнаванія никоимъ образомъ не могутъ быть объяснены одними ассоціаціями по смежности; между тѣмъ это дѣлается англійскими психологами, начиная съ Джемса Милля и кончая А. Бэнномъ и Вундтовскимъ ученикомъ А. Леманомъ, (который, впрочемъ, въ послѣдствіи отказался отъ своихъ мнѣній.) Простые, но видимо, процессы узнаванія въ сущности довольно сложны. Въ нихъ заключаются сужденія тождества.

Спрашивается однако, что насъ заставляетъ уклониться отъ простаго феноменизма психическихъ явленій и предполагать сверхъ воспроизведенія и воспоминанія еще какое-то сохраненіе актовъ сознанія или какихъ-то ихъ слѣдовъ? Въ приведенномъ примѣрѣ я описалъ процессъ полнаго узнаванія и притомъ нѣсколько затрудненнаго за давностью и не повторяемостью первичнаго сознательнаго акта a_1 . Но такое полное узнаваніе (съ отнесеніемъ вторичнаго впечатлѣнія или идеи A_2 къ своему опредѣленному прошлому, „съ локализацией его во времени и пространствѣ“, т. е. съ отнесеніемъ

его къ сопутствовавшимъ ему постороннимъ обстоятельствамъ) далеко не всегда бываетъ въ нашей сознательной жизни ¹⁾. Иногда узнаваніе ограничивается только второй стадіей, а именно, если бы мы въ данномъ случаѣ при видѣ г-на Н. на ст. В. ничего не припоминали, а только имѣли сознаніе, что эта фізіономія намъ знакома. Этотъ сознательный актъ, выраженный другими словами, говоритъ намъ, что эту фізіономію мы уже видѣли когда-то прежде и больше ничего. Въ этомъ случаѣ воспоминанье прежняго акта a_1 такъ слабо, что оно совершенно блѣднѣетъ или исчезаетъ передъ сильнымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ (или свѣжей идеей) A_2 . Этого прежняго образа a_1 мы никакими усилями не можемъ вызвать въ нашемъ сознаніи. Мы имѣемъ только непосредственное впечатлѣніе A_2 и чувство „знакомости“. Гефдингъ называетъ его: „Bekanntheitsqualität“ ²⁾. Но уже само слово „знакомый“ обозначаетъ, что мы это или подобное впечатлѣніе имѣли: мы тутъ имѣемъ *implicite* воспріятіе (сужденіе) сходства или тождества. Иногда это чувство „знакомости“ вслѣдствіе какого-нибудь характернаго признака въ насъ возрастаетъ до полного убѣжденія, что именно это самое лицо мы видѣли. Спрашивается, возможно ли было бы подобное убѣжденіе, если бы отъ прежняго тождественнаго впечатлѣнія a_1 не осталось никакого слѣда? Вѣдь о тождествѣ, равно какъ и о сходствѣ, основанномъ на сравненіи, не можетъ быть рѣчи, если не даны по меньшей мѣрѣ два впечатлѣнія отъ одного и того же предмета или отъ сходныхъ предметовъ ³⁾. Стало-быть, и въ послѣднемъ случаѣ, при неносредственномъ узнаваніи, мы, по необходимости, должны предполагать, что

1) Это извѣстно и изъ самонаблюденія и недавно подтверждено опытами и изслѣдованіями Вашида. Ср. N. V a s c h i d e „Sur la localisation des souvenirs“. L'Année psychologique 1897. VIII. pag. 224, 206 и 207.

2) Ср. H ö f f d i n g, Psychologie V. B. et loco cit.

3) Съ этимъ сознательнымъ чувствомъ сходства и тождества не должно смѣшивать репродукцію или ассоціацію по сходству, при чемъ воспроизводится схожій психическій актъ прежде, чѣмъ это сходство сознается. Ср. A. B i n e t, L'année psych. 1897, pag. 459.

отъ прежняго первичнаго впечатлѣнія a_1 , что-нибудь осталось въ нашей душѣ, благодаря чему возможно сужденіе: „это лицо (A_2) мы уже видѣли“ или „это лицо — то же самое, которое мы когда-то прежде уже видѣли.“

Это узнаваніе, т. е. отождествленіе узнаннаго впечатлѣнія со „слѣдомъ аналогичнаго прежняго впечатлѣнія“, или его идеей, сопровождается пріятнымъ чувствованіемъ, что на дитяти до года рельефно обнаруживается на его лицѣ; порой и у взрослыхъ оно сопровождается замѣтнымъ пріятнымъ чувствованіемъ. Поэтому я различаю актъ отождествленія т. е. узнаванія, который можетъ быть и безсознательнымъ, отъ сопутствующаго ему чувствованія „знакомости“, которое всегда бываетъ сознательнымъ. Гефдингъ весь этотъ процессъ называетъ однимъ общимъ именемъ „Bekanntheitsqualität“ (качествомъ знакомости). Леманъ и Вундтъ въ своей полемикѣ поправляютъ Гефдинга, называя это „качество знакомости“ чувствованіемъ; но и они не отличаютъ самого чувствованія знакомости отъ обуславливающаго его познавательнаго процесса, т. е. сужденія тождества, — вѣроятно потому, что эти сужденія часто остаются незамѣченными или прямо безсознательными. По моему, нужно различать „чувствованіе знакомости“, какъ слѣдствіе, отъ сужденія тождества, какъ его причины.

Итакъ изъ анализа процессовъ узнаванія мы убѣждаемся, что не только полное узнаваніе (съ сопровождающими узнанное обстоятельствами), но и непосредственное („неполное“) узнаваніе обусловлено сужденіями тождества узнаннаго съ какимъ-то соотвѣтнымъ ему первообразомъ, идеей или „слѣдомъ“ соотвѣтнаго первичнаго впечатлѣнія. Но такъ какъ это первичное впечатлѣніе отстоитъ по времени иногда на десятки лѣтъ отъ узнаннаго впечатлѣнія (или идеи), то мы, по необходимости, должны предполагать, что если не само первичное впечатлѣніе, то нѣчто, оставшееся отъ него, сохранялось въ нашей душѣ, благодаря чему черезъ много лѣтъ сдѣлалось возможнымъ его воспроизведеніе, (если не полное, то хоть частичное), и отожд-

дествленіе съ аналогичнымъ новымъ впечатлѣніемъ. Такимъ образомъ, наше самонаблюденіе убѣждаетъ насъ несомнѣнно въ сохраненіи прежнихъ душевныхъ актовъ, которые мы впоследствии узнали.¹⁾

VII.

Однако далеко не всѣ воспроизведенія сопровождаются процессами узнаванія, т. е. сужденіями тождества и чувствованіемъ знакомости. Во снѣ образы фантазій насъ иногда поражаютъ своей необычностью и новизной. Эта „новизна“ остается такой же и въ бодрственномъ состояніи, когда мы припоминаемъ сновидѣніе. Однако эти воспроизведенія обычной терминологіей приписываются „фантазіи“, а не памяти: поэтому мы ихъ оставимъ, какъ не входящія въ нашу вопросъ. Но существуетъ множество припоминаній бодрственного сознанія, которыя тоже не сопровождаются процессами узнаванія; между тѣмъ и эти припоминанія и воспроизведенія приписываются обычнымъ языкомъ памяти. Къ нимъ принадлежатъ наши твердо усвоенныя знанія. Припоминая, напр., что $2 \times 2 = 4$, никто изъ взрослыхъ не вспоминаетъ при этомъ обстоятельствъ прошлой жизни, при которыхъ онъ впервые пріобрѣлъ эти свои познанія, ни другихъ моментовъ жизни, когда онъ ихъ воспроизводилъ. Мало этого, подобное воспроизведеніе даже не сопровождается чувствомъ знакомости. Это чувство относ. упомянутаго примѣра можетъ появиться только при крайне исключительныхъ обстоятельствахъ: еслибы мы долго жили въ чужой странѣ, въ которой долго не слышали бы родной рѣчи, и вдругъ слышалась бы эта фраза на родномъ языкѣ среди иноплеменной толпы: то мы имѣли бы чувство знакомости, но это чувство было бы вызвано не арифметической истиной, а родными словами. Нѣчто подобное могло бы случиться послѣ продолжительнаго обморока или

1) Этотъ фактъ былъ отмѣченъ еще Локкомъ.

Сравни его „An Essay conc. hum. underst. II. X, § 7. и II. XXVII, § 9—19.

наркоза. Я знаю такой случай, записанный мною подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ интеллигентнаго субъекта, который былъ подверженъ ради операціи продолжительному наркозу. Этотъ субъектъ К. мнѣ разсказалъ, что, послѣ приведенія его въ чувство, онъ на основаніи разсказовъ сестеръ милосердія припомнилъ, что въ концѣ наркоза онъ много разъ слышалъ слова: „г-нъ К.! глотайте“; ¹⁾ но онъ рѣшительно ничего не понималъ: не понималъ значенія ни своей фамиліи, ни слова „глотайте“. Впослѣдствіи, когда г-нъ К. уже былъ приведенъ въ чувство, онъ, разумѣется, понималъ значеніе этихъ словъ и они могли ему показаться чѣмъ-то знакомымъ. Изъ этого примѣра можно убѣдиться, что очень знакомое при нормальныхъ условіяхъ не сопровождается замѣтнымъ чувствованіемъ знакомости. Этотъ фактъ, какъ и миллионы другихъ, подтверждаетъ тотъ несомнѣнный законъ душевной жизни, что вслѣдствіе повторенія (упражненія) обычные сознательные процессы со временемъ совершаются безсознательно: поэтому-то и чувство знакомости съ теченіемъ времени пропадаетъ при воспроизведеніяхъ, но отъ этого не подвергается сомнѣнію самъ фактъ сохраненія. Наоборотъ, исчезновеніе чувства знакомости свидѣтельствуетъ о болѣе прочномъ закрѣпленіи извѣстнаго факта.

Самъ фактъ упражненія, т. е. усиленія функціональной способности свидѣтельствуетъ, какъ нельзя лучше, что отъ повторенія одного и того же психическаго акта съ извѣстными промежутками усиливается возможность его воспроизведенія. Стало-быть, въ данномъ случаѣ нужно предполагать, что отъ каждаго повторенія остается что-то въ опредѣленномъ субстратѣ (или субстратахъ); стало-быть, мы имѣемъ тутъ дѣло съ сохраненіемъ и сліяніемъ тождественныхъ актовъ во едино. Для объясненія этого факта психофизики прибѣгаютъ къ разнымъ образнымъ сравненіямъ и аналогіямъ: Герингъ поль-

1) Для приведенія его въ чувство ему давали пить крѣпкое вино и кофе и побуждали его глотать.

зается аналогіей съ усиленіемъ отъ упражненія мускульной дѣятельности и функціональной способности другихъ органовъ тѣла; другіе говорятъ о „проторенныхъ дорожкахъ въ мозгу“; иные же говорятъ, что нервныя токи, подобно электрическому, должны распространяться по пути наименьшаго сопротивленія; а прежніе-де пути именно и должны представлять меньше сопротивленія, чѣмъ новые. (sic!) Почему такъ, это неизвѣстно; усиленіе проводимости отъ повторенія врядъ ли доказано даже относительно проводниковъ электричества. Что всѣ эти образныя сравненія и аналогіи не убѣдительны по отношенію къ психическимъ процессамъ, мы уже выше отмѣтили. Связь нервныхъ клѣтокъ, въ видѣ соединительныхъ нервныхъ волоконъ, никто еще не прослѣдилъ до самыхъ верхнихъ слоевъ коркового вещества; такой связи всѣхъ клѣтокъ и каждой въ отдѣльности со всѣми клѣтками мозга не показываетъ гистологія мозга, да и по самой природѣ клѣтокъ, таковой связи быть не можетъ: между тѣмъ самонаблюденіе насъ несомнѣнно убѣждаетъ, что всякій психическій актъ можетъ ассоціироваться со всякимъ: мы по произволу можемъ закрѣпить любую ассоціацію; а этого факта, какъ и факта „узости сознанія“ никоимъ образомъ клѣточная гипотеза не можетъ объяснить.¹⁾ Всѣ аналогіи, въ родѣ приведенныхъ выше, могутъ имѣть только значеніе мнемоническаго приѣма, а не научной гипотезы. Научная гипотеза 1) не должна противорѣчить ни одному наблюдаемому факту, и 2) она должна объяснять сложное болѣе простымъ, менѣе извѣстное болѣе извѣстнымъ или даже несомнѣннымъ; но никакъ

1) Гипотезы амёбовидныхъ движеній нервныхъ отростковъ, поставленныя фیزیологами Rabl, Lepine, Duval, встрѣчаютъ серіозныя возраженія даже со стороны специалистовъ мозговой гистологіи и фیزیологіи. Болѣе вѣроятную механическую теорію, основанную на подвижности клѣтокъ мозговой нейроглии, построилъ Cajal. Ею Azulay пытается объяснить нѣкоторые типичныя душевныя процессы (оригинальность ассоціацій, сохраненіе воспоминаній, тождество и противоположность идей, вниманіе...); по въ концѣ приходитъ къ заключенію, что и ученіе Cajal'a имѣетъ значеніе только гипотезы, противъ которой приводитъ всѣскія возраженія. См.: L'Année psychol. 1895, pag. 275 et 289.

не наоборотъ. Между тѣмъ фізіологическое объясненіе памяти мнѣ сильно напоминаетъ извѣстное объясненіе всасывающаго насоса, которое давали прежніе физики до Торичелли при помощи „horror vacui“, т. е. будто природа боится пустоты и поэтому заполняетъ матеріей пустое пространство, образуемое въ трубѣ подъ поршнемъ. До научныхъ фізіологическихъ гипотезъ относительно памяти мы и не доживемъ.

Впрочемъ, и спиритуалистическія гипотезы далеко не безгрѣшны.

Гербартова гипотеза о непрерывной борьбѣ съ душою нематеріальныхъ точекъ („Realen“), хотя она многое объясняетъ, что совершенно не объяснимо исихо-физической и клѣточной гипотезами, все же не объясняетъ всего; да и сама она виситъ въ воздухѣ, такъ какъ не извлечена непосредственно изъ фактовъ наблюденія, а только притягиваетъ ихъ къ себѣ по мѣрѣ силъ. Ближе къ обиходному опыту и къ наблюдаемымъ фактамъ стоитъ гипотеза Бэнэке о субстратахъ (-Vermögen)¹⁾ и „слѣдахъ“ (Spur); но и она имѣетъ свои прорѣхи. Такъ, напр., Бэнэке предполагаетъ, будто каждое новое ощущеніе обусловлено дѣятельностью особаго психическаго субстрата²⁾; отъ каждаго-де ощущенія сохраняется въ душѣ „слѣдъ“, равно и отъ другихъ исихич. процессовъ. „Поэтому, говоритъ Бэнэке, представленія, чувствованія, волевые акты, которые мы очень часто образовали (повторяли), которые слѣдовательно даны въ очень многихъ слѣдахъ, развиваются до полнаго сознанія“³⁾. Такимъ образомъ Б. 1) число психическихъ субстратовъ увеличиваетъ почти до бесконечности; 2) само сліяніе „слѣдовъ“ во единый сознательный актъ дѣлаетъ крайне непонятнымъ: одинъ и тотъ же предметъ, напр. письменный столъ, можетъ нами восприниматься въ продолженіе одного года въ теченіе 10 миллионовъ секундъ. Такимъ образомъ мы тутъ даже въ теченіе одного года имѣли бы

1) Beneke, Lehrbuch d. Psychologie, Berlin 1833, § 36 S. 29 u. § 40 S. 31.

2) ibid. § 76. S. 56.

3) ibid. § 104, S. 79.

сліяніе мільйонів „слідів“ или психическихъ актовъ. Не говоря ужъ о томъ, что подобное сліяніе, доведенное до такихъ размѣровъ, осложняетъ вопросъ, оно и противорѣчитъ дѣйствительности, а именно, — ограниченности нашего сознанія. Самые привычныя психическіе процессы, какъ намъ извѣстно, менѣе всего сознательны, иногда они прямо безсознательны. Поэтому оставимъ въ сторонѣ существующія гипотезы, пытающіяся проникнуть въ первоосновы бытія; а возвратимся къ фактамъ и къ непосредственнымъ, ближайшимъ обобщеніямъ.

Фактъ упражненія остается неоспоримымъ, каково бы ни было его объясненіе. Отъ повторенія опредѣленнаго впечатлѣнія его воспроизведеніе становится легче, (хотя и теряетъ элементы сознательности); значитъ, отъ каждаго отдѣльнаго повторенія, до извѣстныхъ предѣловъ, сохраняется нѣчто, что усиливаетъ дѣятельность опредѣленнаго субстрата (или субстратовъ) памяти. Это упражненіе, т. е. совершенствованіе отъ повторенія, имѣетъ свои предѣлы. Гдѣ совершается и какъ совершается это сохраненіе и сліяніе въ мозговыхъ ли клѣткахъ или же сверхъ того еще въ чемъ-нибудь другомъ, мы этого не знаемъ. Эти сохраненія совершаются отдѣльно для каждаго психическаго элемента: повтореніе одного психическаго факта, говоря вообще, не усиливаетъ оживаемости другого псих. факта т. е. функціональной дѣятельности другого субстрата памяти, если между первымъ и вторымъ нѣтъ ничего общаго. Такимъ образомъ и я, подобно Бэнеке, предполагаю для каждаго качественно опредѣленнаго психическаго элемента (цвѣтной точки, простѣйшаго звука . . .) свой особый субстратъ, — особый для первичныхъ воспріятій (ощущеній), особый для воспроизведеній (памяти) — но не для каждаго психич. акта или процесса, который мільйоны разъ можетъ повторяться въ теченіе одного года. Между субстратами первичныхъ психич. актовъ и соотвѣтными субстратами памяти существуетъ тѣсная, неразрывная ассоціація, благодаря которой обнаруживается и сліяніе функцій обонхъ субстратовъ, и обратная репродукція (иллюзія,

галлюцинаціи). Эти субстраты продолжают существовать, по меньшей мѣрѣ, до новаго ихъ функціонированія; субстраты памяти — до новаго воспроизведенія. Но такъ какъ абсолютнаго забвенія невозможно доказать, (что признають даже выдающіеся психологи-феноменисты)¹⁾, то становится чрезвычайно вѣроятнымъ, что они существуютъ гораздо дольше (примѣры воспоминаній дѣтства въ глубокой старости составляютъ не рѣдкость; наконецъ, фактъ отсутствія воспроизведенія не есть доказательствомъ отсутствія памяти). Каковъ по своей природѣ этотъ субстратъ, на этотъ вопросъ наука пока отвѣтить не можетъ положительно. Одно несомнѣнно, что дѣятельность этихъ субстратовъ въ теченіе жизни субъекта измѣняется: то возрастаетъ, то падаетъ. Но временная, замѣчаемая нами, кажущаяся бездѣятельность этихъ субстратовъ, (какъ мы видѣли и на примѣрѣ послѣ наркоза), не доказываетъ ни ихъ полной бездѣятельности, а тѣмъ менѣе — ихъ отсутствіе.

Изъ всего изложеннаго выше мы убѣждаемся, что сохраненіе душевныхъ актовъ мы можемъ считать фактомъ, такимъ же несомнѣннымъ, какимъ астрономы считаютъ существованіе небесныхъ свѣтилъ послѣ ихъ заката. Никакой астрономъ не видѣлъ ихъ послѣ заката, однако никто не сомнѣвается въ продолженіи ихъ существованія. Такъ же недопустимы непосредственному наблюденію физика разныя имъ предполагаемыя силы; а между тѣмъ никто въ нихъ не сомнѣвается.

Мое предположеніе особыхъ субстратовъ памяти и особыхъ для соотвѣтныхъ имъ ощущеній (воспріятій) расходится со взглядомъ Вундта, который въ своей полемикѣ съ физиологомъ Мункомъ, настаиваетъ на томъ, будто репродукція (память) обусловливается функціонированіемъ тѣхъ же мозговыхъ клѣтокъ, которыя функціонируютъ при соотвѣтномъ реальномъ впечатлѣніи²⁾. Мункъ, наоборотъ, полагаетъ, что

1) См.: Höffding, Psychologie loc. cit.

2) Wundt, Philos. Stud. Bd. V. его же статья „Zur Localisation der Gehirnfunktionen“, S. 4 ff.

онъ своими экстириаціями частей мозга у собакъ доказалъ существованіе особыхъ „клетокъ памяти“ (Erinnerungszellen), съ удаленіемъ которыхъ обнаруживаются такъ названныя Мункомъ признаки „Seelenblindheit“ и „Seelentaubheit“. Эти опыты Мунка для меня столь же неубѣдительны въ отношеніи предположенія Мунка, какъ и для Вундта. Но выше приведенныя соображенія и психологическіе анализы меня вполне убѣждаютъ въ существованіи особыхъ субстратовъ для идей и особыхъ для ощущеній¹⁾.

Будь убѣжденіе Вундта вѣрно, то невозможно было бы объяснить ни узнаваніе, ни воспоминанія, ни знанія, ни сознательную жизнь вообще. Это возвратило бы наши воззрѣнія на психическіе процессы къ односторонней ассоціативной психологіи, представляющей нашу душевную жизнь въ родѣ калейдоскона или рядовъ образовъ, безъ всякой внутренней связи ихъ съ прошлымъ субъекта.

VIII.

Намъ могутъ возразить приверженцы психологическаго феноменизма, что если даже допустить въ видѣ гипотезы существованіе сохраненныхъ „слѣдовъ“, „расположеній въ мозгу“ или „потенціального бытія актовъ сознанія“; то объ этомъ „потенціальномъ“ бытіи, какимъ оно есть само по себѣ, мы ничего не знаемъ, да и врядъ ли что-нибудь можемъ узнать. Намъ - де даны явленія, и ихъ то мы должны изучать независимо отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ и понятій. Такъ могутъ возразить даже нѣкоторые изъ выше приведенныхъ психо-физиковъ: въ сущности и они вопросъ о памяти сводятъ къ процессамъ воспроизведенія. Сѣлли по этому поводу говоритъ: „Если, какъ нѣкоторые предполагаютъ, представленіе (percept) имѣетъ внѣ сознанія нѣкотораго рода существованіе, продолжающееся въ промежутокъ, предшествующій оживанію,

1) Воспріятія представляютъ собою взаимодействіе тѣхъ и другихъ.
Ср.: Sully, The Illusions, chap. III.

то мы не можемъ имѣть непосредственнаго знанія (direct knowledge) этого факта“¹⁾. Это утвержденіе вѣрно, если не считать „непосредственнымъ знаніемъ“ убѣжденія въ своемъ личномъ существованіи, убѣжденія въ тождествѣ воспоминаемыхъ образовъ и душевныхъ фактовъ. Въ такомъ случаѣ у насъ очень мало окажется непосредственныхъ знаній, пожалуй, что и совсѣмъ ихъ не окажется. Тогда, вмѣсто евангелія и молитвенника, каждому грамотному человѣку пришлось бы всучивать философское сочиненіе „о признакахъ одушевленности вѣшняго міра“, чтобы онъ убѣдился, что дѣйствительно существуютъ кромѣ него и другія одушевленные существа. Но такъ какъ и Селли не ограничивается однимъ „непосредственнымъ знаніемъ“, такъ какъ и онъ говоритъ, какъ о фактахъ, не только о „силахъ“ и „способностяхъ“, но и „о безсознательныхъ процессахъ“ (subconscious ideation)²⁾ и о дѣятельности мозга при процессахъ воспроизведенія³⁾, о которыхъ ничего и не снилось философамъ въ теченіе болѣе двухъ тысячъ лѣтъ (до Томы Аквината и Лейбница относ. безсознательныхъ душевныхъ актовъ и до Гоббса и Декарта относ. мозговыхъ „душевныхъ“ процессовъ): то и намъ позволительно выйти за предѣлы „непосредственнаго знанія“ въ смыслѣ психолога Селли. Такъ какъ мы имѣемъ воспоминанія, связанная съ процессами узнаванія т. е. съ воспріятіемъ тождества воспроизводимой идеи и нѣкоего ея оригинала; такъ какъ благодаря этому обстоятельству у насъ возможны обобщенія и знанія вообще (вся математика основана на опредѣленіяхъ и на сужденіяхъ равенства и тождества): то мы имѣемъ и убѣжденія, что не только наша личность сохраняется, но даже и отдѣльныя наши впечатлѣнія, идеи и знанія. Съ другой стороны, въ настоящее время, (начиная съ Дж. Ст. Милля даже между англійскими мыслителями), немногіе согласятся съ крайними ассоціаціонистами, будто пріобрѣтеніе и сохраненіе

1) См. Sully, Outlines of psychology, London 1894. chap. VIII. p. 170.

2) ibid.

3) pag. 169.

нашихъ знаній можно объяснить одними воспріятіями и законами ассоціацій. На этотъ фактъ, начиная съ Мэнъ-дэ-Бирана до нашихъ дней, все чаще и чаще напираютъ философы и психологи¹⁾. Тѣмъ не менѣ относительно воспроизведенія всѣ перечисленные выше современные психологи, безъ исключенія, утверждаютъ, что не существуетъ воспроизведенія безъ ассоціацій²⁾. Это значитъ, что всякая воспроизведенная идея вызвана въ сознаніи другимъ ей непосредственно предшествующимъ или одновременнымъ съ нею душевнымъ актомъ, (смежнымъ или сходнымъ съ ней). Эта связь воспроизведенной идеи съ возбуждившемъ ее актомъ (ощущеніемъ, воспріятіемъ, идеей, чувствованіемъ, хотѣніемъ . . .) называется „ассоціаціей“. Я же осмѣливаюсь утверждать, что законы ассоціаціи, какъ ихъ формулируютъ современные психологи, не могутъ удовлетворительно объяснить множества даже простѣйшихъ процессовъ воспроизведенія. Разумѣется, въ настоящей статьѣ, такъ какъ она не посвящена исключительно этому вопросу, я доказать этого не могу, въ особенности закоренѣлымъ ассоціаціонистамъ. По этому вопросу я въ непродолжительномъ времени опубликую свое специальное изслѣдованіе. Впрочемъ, уже и теперь я вкратцѣ сообщу нѣкоторыя свои соображенія.

Для освѣженія въ памяти этого вопроса у читателей, которые давно имъ не занимались, я предпошлю нѣсколько краткихъ сообщеній о теоріи ассоціацій. Законы ассоціацій (хотя не подъ особымъ названіемъ) были уже извѣстны гениальному Аристотелю³⁾. Самъ терминъ „association“ впервые употребилъ Локъ для обозначенія асс. по смежности⁴⁾. Другіе

1) Ср.: статью Лопатина, „О подвижныхъ ассоціаціяхъ“ въ „Вопр. фил.“. (1893) кн. 19. стр. 17.

2) См.: 1. Horwicz, Psych. Analysen I. Th. S. 315, 318, 369.

2. Höffding, Psychologie, 2. Aufl. V. B. 6. u. S. 334.

3. Wundt, Physiologische Psych. 3. Aufl. II. Bd. XV. S. 226.

4. Jodl, Psychologie, VIII. § 64, S. 505.

3) Aristoteles. De memoria etrem. II. cap. pag. 497. ed Didot.

4) Locke, An Essay conc. hum. understanding, II. chap. 33.

законы асс. ему неизвѣстны. Ихъ впервые послѣ Аристотеля вновь открылъ и переработалъ Д. Юмъ¹⁾. Съ тѣхъ поръ они снова и снова подвергаются провѣркѣ, дополненіямъ и переработкѣ, хотя въ сущности значительно дальше Аристотеля мы не ушли. Аристотель отличалъ три закона: а) по сродству (*ἀφ'ὁμοίου*), б) по контрасту (*ἀπ'ἐναντίας*), в) по смежности (*ἀπὸ τοῦ συνεγγυς*). Теперь они сведены къ двумъ; законъ по контрасту упраздненъ, какъ не самостоятельный, еще Юмомъ. На этихъ двухъ „законахъ“ асс. основана вся англійская ассоціативная психологія. Хотя теоріей ассоціацій до новѣйшаго времени больше занимались, чѣмъ всѣми другими вопросами, вмѣстѣ взятыми; однако разногласія существуютъ даже относительно числа этихъ законовъ. Еще Гамильтонъ сводилъ ихъ къ одному общему закону подъ названіемъ „Reintegration“ (указаніе на такое сведеніе обоихъ законовъ къ воспроизведенію цѣлаго сознательнаго акта нѣсколькими его элементами уже есть у Аристотеля.²⁾ То же стремленіе замѣчается въ новѣйшее время: одни сводятъ оба закона къ одному принципу, т. е. къ ассоціаціи по смежности, считая сродствомъ общность нѣкоторыхъ элементовъ въ идеѣ воспроизведенной и предшествующемъ актѣ. (Рибо, Рабье, Джемсъ, Юдль). Другіе считаютъ ассоціацію по сродству самостоятельнымъ и основнымъ закономъ, такъ какъ безъ воспріятія тождества, т. е. полного сродства, въ большинствѣ случаевъ и ассоціація по смежности остается непонятной (Гефдингъ). Слѣдуя Джону Ст. Миллю, А. Бэну, Гефдингу, они отдѣляютъ оба вышеупомянутые закона ассоціацій, какъ самостоятельные или же для удобопонятности. Оба закона ассоціацій и я буду различать въ настоящей статьѣ. Формулировка этихъ двухъ законовъ, хотя и различна у разныхъ психологовъ, но въ ихъ сущности всѣ согласны: ихъ можно считать несомнѣнными фактами, хотя удовлетворительное объясненіе ихъ и въ

1) D. Hume, Inquiry conc. hum. understanding III. chap.

2) Aristoteles, De memoria et rem. cap. II.

настоящее время еще невозможно. (Если въ этомъ отношеніи и дѣлались попытки, то онѣ въ большинствѣ случаевъ сводятся къ однимъ словеснымъ объясненіямъ, или же къ физіологическимъ гипотезамъ.) „Закономъ смежности, по словамъ проф. Троицкаго,¹⁾ мы называемъ стремленіе мышленія къ рефлексіи прошлой психической дѣйствительности — въ порядкѣ ея непосредственнаго преемства и сосуществованія.“ Проще можно его формулировать такимъ образомъ: „Психическіе элементы, сосуществовавшіе или же преемственные, воспроизводятъ (т. е. вызываютъ въ сознаніи) другъ друга.“ Однако къ этому закону Эббинггаузъ еще дѣлаетъ двѣ существенныя прибавки, которыя уже не относятся къ ассоціаціямъ: 1) воспроизведеніе по смежности съ большей легкостью происходитъ въ порядкѣ первичныхъ впечатлѣній, чѣмъ въ обратномъ и 2) — съ тѣмъ большей скоростью и вѣроятностью, чѣмъ чаще воспроизведенные элементы сосуществовали въ прежнемъ опытѣ субъекта.²⁾ Нѣкоторые изъ такихъ „смежныхъ“ элементовъ такъ тѣсно-связаны другъ съ другомъ, что они всегда бываютъ вмѣстѣ въ сознаніи субъекта: подобныя ассоціаціи Джемсъ Милль назвалъ „неразрывными“ (inseparabel ass.). Законъ ассоціаціи по смежности никогда не былъ отвергаемъ ни психологами, ни вообще обиходнымъ опытомъ. Этотъ законъ обнаруживается почти на всѣхъ психическихъ процессахъ и не можетъ быть исключенъ ни при произвольномъ воспроизведеніи, ни даже въ актахъ воли вообще. Относительно самостоятельности другого закона ассоціаціи вопросъ не рѣшенъ еще и до сихъ поръ. Возраженія противъ его самостоятельности, сдѣланныя А. Леманомъ,³⁾ по моему, неубѣдительны и достаточно опровергнуты Гефдинггомъ.⁴⁾ Это — законъ сходства. „Закономъ сходства, по словамъ Троицкаго,⁵⁾

1) Троицкій, „Наука о духѣ“ т. II, § 289, стр. 65.

2) Ebbinghaus, Gedächtniss, IX. S. 124.

3) Alfred Lehmann, Über d. Wiedererkennen въ Philos. Stud. V. u. VII. Bd.

4) Höffding, Über Wiedererk. loc. cit.

5) Троицкій „Наука о духѣ“ т. II. § 289, стр. 65.

мы называемъ стремленіе мышленія къ рефлексіи всѣхъ прошлыхъ реальныхъ психическихъ фактовъ, сходныхъ съ фактами текущими.“ Проще можно его формулировать такимъ образомъ: сходіе психическіе элементы воспроизводятъ другъ друга.

Этими двумя законами ассоціацій послѣдователи психологическаго феноменизма находятъ возможнымъ ограничиться при объясненіи воспоминаній и воспроизведенія вообще, а въ нашемъ случаѣ и памяти. Разсмотримъ въ дальнѣйшемъ, насколько это вѣрно: можно ли обойтись при объясненіи психическихъ „феноменовъ“ безъ предположенія потенцій, т. е. сохраненныхъ душевныхъ актовъ; представляютъ ли эти законы ассоціацій основныя и элементарныя свойства душевной дѣятельности.

IX.

Относительно этихъ „законовъ“ ассоціацій, но моему, должно возразить слѣдующее: I) сами эти законы далеко не такъ просты, каковыми обыкновенно себѣ представляютъ психологи-теоретики, мало заглядывавшіе въ свою собственную душу. Относительно закона смежности нужно замѣтить, что всѣ усилія А. Бэна, Троицкаго, В. Джемса, Иодля и другихъ не даютъ удовлетворительнаго объясненія, почему какой-нибудь психическій элементъ или сочетаніе таковыхъ, хоть напр., слогъ „ба“ разъ репродуцируетъ слово „баба“, другой разъ „баринъ, базаръ, баранъ, баронъ, барабанъ, байка, басня и т. д.“. Вѣдь, въ данномъ случаѣ, въ одномъ русскомъ языкѣ могутъ быть сотни ассоціацій; а обыкновенно воспроизводится только одна, и не всегда самая привычная. Для объясненія этого факта прибѣгаютъ къ разнымъ новымъ принципамъ: къ привычкамъ, къ „безсознательнымъ ассоціаціямъ“, къ ассоціаціямъ съ чувствованіями; нѣмецкіе психологи — къ „аперцепціи“; а если ничего не помогаетъ, то всегда имѣется въ запасѣ послѣдній козырь — мозговые процессы вслѣдствіе

усиленнаго прилива крови къ опредѣленнымъ частямъ мозга. Такимъ образомъ ссылака этихъ объясненій на новыя силы или способности, противодѣйствующія одна другой, или на общія фізіологическія условія дѣлають саму репродукцію по смежности не основнымъ закономъ душевной дѣятельности, а явленіемъ очень сложнымъ, зависящимъ отъ многихъ условій.

Не вполне самостоятельнымъ представляется анализу и законъ ассоціаціи по сходству. Помимо указанныхъ выше попытокъ свести этотъ законъ на частный случай смежности вслѣдствіе совпаденія общихъ элементовъ въ идеѣ воспроизведенной и предшествующемъ возбуждающемъ психич. актѣ¹⁾ (что, впрочемъ, не всегда можно доказать), есть возраженіе противъ самостоятельности и простоты этого закона болѣе вѣское. А именно, психологи-ассоціационисты не обращаютъ вниманія на тотъ фактъ, что репродукція „по сходству“, если бы она представляла самостоятельный принципъ, способность или силу, — должна бы происходить болѣе или менѣе однообразно. То, что по сходству воспроизводится сегодня, должно быть воспроизведено и завтра, и всегда, если сходство составляетъ причину, и если опытъ человѣка остается тѣмъ же, неизмѣннымъ. Почему же именно въ такой-то моментъ всплыла идея, воспроизведенная по сходству, а не всплывала раньше и позже при тѣхъ же обстоятельствахъ? Наконецъ, само сходство — нѣчто очень растяжимое: оно существуетъ между всѣми психическими элементами одного органа чувствъ, между всѣми пріятными и непріятными чувствованіями (эмоціями); метафоры указываютъ на сходства между разнородными (*disparaten*) воспріятіями и отношеніями ихъ. Г-нъ Вале, который относительно ассоціацій занимался самонаблюденіями, хотя и придерживается устарѣлыхъ традицій англійской школы, но все же вѣрно подмѣтилъ кое-что, чего другіе не замѣчали. Въ статьѣ, специально этому вопросу посвя-

1) Этотъ терминъ я заимствую у г. Вале, переводя имъ слово „*sollcitirende Vorstellung*“.

щенной¹⁾, въ двухъ имъ приведенныхъ случаяхъ онъ вѣрно объясняетъ свою репродукцію двумя отдѣльными, одновременными ассоціаціями, изъ коихъ первая сама по себѣ еще не была въ силѣ вызвать сходную идею; эта идея воспроизвелась у него благодаря присоединенію къ первой возбуждающей идеѣ другой ассоціаціи, которую онъ называетъ „дополнительной“. „Complement-Association“. Это уже большой шагъ впередъ сравнительно съ тѣмъ, что подмѣтили англійскіе психологи-ассоціаціонисты; но это, по моему, еще ничто сравнительно съ здравымъ смысломъ наблюдательныхъ художниковъ романистовъ и людей-практиковъ. Разрѣшеніе какой-либо загадки или ребуса, всякая догадка и болѣе сложный мысленный актъ происходятъ на основаніи десятковъ такихъ „дополнительныхъ ассоціацій“. Далѣе, какъ извѣстно, ассоціація по сходству въ чистомъ видѣ можетъ имѣть мѣсто въ опытѣ субъекта только разъ въ жизни. Послѣ этого воспроизводимая и возбуждающая идея уже связаны и смежностью, такъ какъ онѣ были одновременно въ сознаніи. Стало-быть, шансы на повторяемость той же ассоціаціи съ каждымъ ея новымъ появленіемъ должны и въ силу привычности, и вслѣдствіе совмѣстнаго дѣйствія обоихъ законовъ, — удваиваться или утраиваться; между тѣмъ опытъ этого не подтверждаетъ. Такъ напр., какое-нибудь нятно на обояхъ я нахожу сегодня сходнымъ съ контуромъ собаки; а черезъ нѣсколько дней эта ассоціація не повторяется. Такимъ образомъ и законъ ассоціаціи по сходству, (хотя онъ обнимаетъ болѣе простые процессы, чѣмъ законъ смежности), все же оказывается не основнымъ закономъ репродукціи. Такимъ образомъ и законъ ассоціаціи по сходству и обусловливаемый имъ законъ ассоціаціи по смежности оказываются обусловленными многими другими, намъ не достаточно извѣстными свойствами души.

1) Wahle „Zur Beschreibung und Einteilung der Ideenassocationen“ въ „Vierteljahresschrift für wiss. Philos.“ IX. Bd. 1885, S. 416. ff.

Что воспроизведеніе идей зависитъ не только отъ ассоціацій, но и отъ другихъ условій, въ этомъ легко убѣдиться и неспеціалисту на основаніи обычнаго жизненнаго опыта. Каждый педагогъ, каждый мало-мальски наблюдательный человекъ имѣетъ по этому вопросу обиходныя убѣжденія здраваго смысла, который въ данномъ случаѣ не обманываетъ его. Да и сами ученые позитивисты и феноменисты на практикѣ не руководствуются своими теоріями: иначе они не могли бы сдѣлаться учеными, не могли бы пріобрѣсти нужныя знанія. Постараемся хоть мелькомъ провѣрить обиходное убѣжденіе здраваго смысла. Что воспоминанья и вообще воспроизведенія идей не обусловлены одними законами ассоціацій, это подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) Всякому, кто чуждъ предвзятыхъ, незрѣлыхъ теорій, извѣстно изъ опыта, что воспроизведеніе зависитъ отчасти и отъ воли человека, отъ волевого акта. Иногда, когда я хочу припомнить какое-нибудь названіе или обстоятельство, я могу это сдѣлать. Если же я не употребляю къ тому усилій, то я его не вспоминаю. Конечно, наша воля далеко не всегда, достигаетъ желаемаго. Правда, что въ самомъ, довольно сложномъ, актѣ сознательной воли есть уже элементы, смежныя съ элементомъ, который желаютъ припомнить. Напр., если я желаю припомнить мелодію Зибеля изъ оперы „Фаустъ“, то въ этомъ опредѣленномъ желаніи содержится элементъ, сосуществующій съ мелодіей, (названіе „пѣсня Зибеля“); а можетъ быть, еще и другіе: зрительныя и слуховыя идеи; но безъ моего усилія одно названіе „пѣсня Зибеля“ еще не воспроизводитъ даже мысленно всей мелодіи; иногда же она невольно воспроизводится и воспроизводитъ соотвѣтныя мускульныя сокращенія голосового аппарата, т. е. я невольно пою ее.

2) Всякому школьнику извѣстно, что старыіи урокъ, если онъ не былъ повторенъ, нельзя съ такою же точностью припомнить, какъ вчерашній урокъ. Поэтому за старые уроки ученики часто получаютъ неудовлетворительныя отмѣтки. Если бы воспоминаніе стараго урока зависѣло только отъ

ассоціаціи и воли учениковъ, то они его припомнили бы такъ же хорошо, какъ и вчерашній урокъ. Между тѣмъ на дѣлѣ оказывается иное. Это — давно извѣстный фактъ, что точность воспроизведенія уменьшается съ теченіемъ времени, хотя бы ассоціаціи не измѣнились.¹⁾

3) Всякому школьнику извѣстно, что если онъ пять разъ внимательно прочтетъ какой-нибудь урокъ, онъ припомнитъ его лучше, чѣмъ если онъ его прочтетъ только одинъ разъ. Если бы припоминаніе зависѣло только отъ ассоціаціи, то эта же ассоціація существовала уже и послѣ однократнаго чтенія. А вѣдь, уже древнимъ педагогамъ было извѣстно правило „*repetitio est mater studiorum*“.

4) Не менѣе извѣстенъ и тотъ фактъ, что такой сознательный актъ, который произвелъ на насъ сильное впечатлѣніе (благодаря новизнѣ, или силѣ внѣшняго раздраженія, или же благодаря сопутствовавшему сильному чувствованію) чаще воспоминается и въ продолженіе дольшаго періода, (т. е. говоря обыденнымъ языкомъ) дольше помнится. Здѣсь, очевидно, причина частыхъ воспоминаній зависитъ отъ силы впечатлѣнія или сопутствующаго чувствованія, а не отъ ассоціаціи. На это обстоятельство обратилъ вниманіе еще Локкъ.²⁾ Современные психологи ограничиваются въ данномъ случаѣ общимъ указаніемъ на существованіе ассоціаціи между чувствованіемъ (эмоціей) и репродуцированной идеей. Но это въ сущности одна только уловка, которая переноситъ свое затрудненіе отъ одного факта на другой. Если чувствованіе B_1 , слѣдовавшее за воспріятіемъ A_1 , ассоціировалось съ нимъ по смежности; то оно должно и при воспроизведеніи слѣдовать за впечатлѣніемъ A_1 , или за идеей a_1 ; между тѣмъ этого не

1) Этотъ законъ забвенія или убыли памяти за послѣднія 15 лѣтъ былъ подвергнутъ множеству экспериментальныхъ изслѣдованій. Эббинггаузъ, Шуманъ и Мюллеръ, Вольфе, А. Леманъ, Бинэ и Анри, Чижъ и нѣсколько его учениковъ; а при Моск. психол. лабор. И. Цѣликовъ изслѣдовали разныя стороны „памяти“ въ зависимости отъ истекшаго времени. Объ этихъ изслѣдованіяхъ будетъ рѣчь впереди.

2) Locke, An Essay conc. human understanding, II. chap. X. § 7.

бываетъ на дѣлѣ. Если какой-нибудь новый предметъ А поразилъ насъ своей новизной; то это чувствованіе новизны, которое есть слѣдствіе впечатлѣнія, должно каждый разъ повторяться при воспріятіи или воспроизведеніи предмета A_1 . На самомъ дѣлѣ этого не бываетъ. На самомъ дѣлѣ чувство новизны быстро пропадаетъ, хотя воспроизведеніе идеи a_3 , a_4 , a_5 ... повторяется. Если же допустить въ данномъ случаѣ обратное воспроизведеніе, т. е. что появившееся чувство новизны B_2 вызываетъ обратно идею a_2 , то тогда воспроизведеніе самого чувствованія B_2 подлежитъ объясненію; впрочемъ, обратное воспроизведеніе, (хотя оно дѣйствительно можетъ быть констатировано), теоріей ассоціаціей не установлено и не объяснено, а нѣкоторыми психологами (Лотце) даже отвергается. Между тѣмъ всякій можетъ изъ своего же опыта убѣдиться что фактъ, поразившій насъ, воспроизводится весьма часто безъ воспроизведенія чувства новизны. То же самое бываетъ при всякомъ воспроизведеніи психическаго факта, который въ первый разъ сопровождался сильнымъ чувствованіемъ: онъ воспроизводится даже при отсутствіи сопровождавшаго его въ первый разъ чувствованія.

5) Довольно извѣстенъ и тотъ фактъ, что чаще и легче мы вспоминаемъ факты интересные, на которые мы обратили свое вниманіе, чѣмъ неинтересные. А интересными фактами мы называемъ такіе, которые или связаны съ нашимъ личнымъ благополучіемъ или вызываютъ въ насъ пріятныя чувствованія. Стало-быть, здѣсь повторяемость зависитъ отъ чувствованій и желаній, которыя мы называемъ интересомъ. Если эту связь называть тоже ассоціаціей, какъ это дѣлаетъ А. Бэнъ и современные психологи, то тогда, по моему, слово „ассоціація“ теряетъ всякій смыслъ, такъ какъ чувствованія (интересъ жизни, самочувствіе... , которыя всѣ имѣютъ нѣчто общее,) насъ не покидаютъ ни на одно мгновеніе нашей сознательной жизни и даже во время сновидѣній. Тогда позволительно воспроизводимыя идеи ставить въ причинную связь и съ нашимъ сердцебіеніемъ или дыханіемъ, которыя всегда сопутствуютъ имъ.

6) Не трудно также констатировать тотъ фактъ, что воспоминанія и вообще воспроизведенія, какъ произвольныя такъ и непроизвольныя, легче совершаются послѣ освѣжительнаго сна, чѣмъ въ періоды усталости; легче — послѣ приѣма въ определенной дозѣ наркотическихъ веществъ (кофею, чаю, гашиша, никотина, алкоголя, ароматическихъ веществъ); легче — на свѣжемъ воздухѣ, богатомъ озономъ и ароматическими растительными запахами. Всѣ условія, временно увеличивающія общую жизнедѣятельность, до известной степени благоприятно вліяютъ и на дѣятельность нервной системы, и на психическую жизнь: стало-быть, косвенно они вліяютъ и на процессы сознанія, а въ частности и на воспроизведеніе идей. Не даромъ древніе греки помѣщали своихъ музъ, вдохновлявшихъ пѣвцовъ и поэтовъ, въ лѣсистыхъ горахъ Греціи: на Парнассѣ и Геликонѣ, гдѣ онѣ большей частью у источниковъ проводили время.

7) Не подлежитъ сомнѣнію, что существуетъ и нѣкоторое индивидуальное прирожденное предрасположеніе души какъ въ смыслѣ воспріимчивости и сохраненія впечатлѣній, такъ и относительно воспроизведенія. У однихъ быстро и широкой волной несется потокъ воспоминаемыхъ образовъ и мыслей; у другихъ медленно и по каплѣ выжимаются обрывки воспоминаній, словно они проходятъ черезъ фильтръ. Эту прирожденную подвижность душевныхъ элементовъ и субстратовъ памяти называютъ обыкновенно темпераментомъ.

8) Известны, не только при патологическихъ душевныхъ состояніяхъ, но и въ нормальной душевной жизни случаи такъ называемыхъ „навязчивыхъ идей“. Со всякимъ вѣроятіемъ случалась испытать на себѣ подобныя идеи. Иногда преслѣдуетъ насъ какая-нибудь мелодія, отъ которой мы не можемъ отдѣлаться; иногда какое-нибудь любимое слово, иногда какой-нибудь образъ или фізіономія, иногда просто излюбленная мысль или мечта насъ „преслѣдуютъ“ при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ. Кому неизвѣстны такъ называемыя *idees fixes*, которыя присущи не только психо-

патамъ, но которыя обусловливаютъ у нормальнаго человѣка то, что мы называемъ силой характера. (На это еще не обращено вниманіе ученыхъ). Этихъ явленій теоріей ассоціаціи никоимъ образомъ объяснить нельзя. Эти явленія извѣстны большинству современныхъ психологовъ; но въ виду предвзятыхъ теорій о воспроизведеніи они объясняютъ ихъ вынеупомянутой клѣточной гипотезой или расположеніями въ мозгу, въ связи съ усиленіемъ притока крови къ опредѣленнымъ частямъ мозга. Какія мозговые клѣтки или слои мозга соответствуютъ опредѣленнымъ идеямъ, и почему именно къ нимъ приливаетъ кровь, возбуждая ихъ дѣятельность, это никому неизвѣстно и, по всему вѣроятію, какъ я доказывалъ выше, таковымъ и останется. Поэтому такое объясненіе общезвѣстнаго неизвѣстнымъ и сомнительнымъ, разумѣется, не имѣетъ никакого значенія — ни практическаго ни даже теоретическаго.

Встрѣчается еще объясненіе этихъ явленій привычкой; но и это объясненіе только кажущееся. Если несомнѣнно, что привычка (т. е. частое повтореніе извѣстнаго психическаго акта) въ опредѣленныхъ размѣрахъ увеличиваетъ память (т. е. прочность сохраненнаго); то этимъ еще не объяснено воспроизведеніе самого сохраненнаго акта. По существующему въ настоящее время убѣжденію психологовъ, причиной воспроизведенія считается ассоціація т. е. возбуждающій непосредственно передъ воспроизведеніемъ психическій актъ, съ которымъ „ассоціируется“ воспроизведенная идея. Въ такомъ случаѣ спрашивается, съ чѣмъ же ассоциированы привычный актъ, если онъ воспроизводится постоянно, и при различныхъ, и самыхъ разнообразныхъ условіяхъ? Не съ дыхательными ли движеніями или съ біеніемъ сердца? Однако не каждое вдыханіе воздуха или сжиманіе сердца вызываетъ его. По всему вѣроятію, скажутъ иные, здѣсь существуетъ асс. съчувствованіемъ. Спрашивается однако съ какимъ, если навязчивая идея повторяется въ разныхъ настроеніяхъ, не исключая даже угнетенныхъ, хотя въ послѣднемъ случаѣ не такъ настойчиво.

X.

Изъ перечисленныхъ фактовъ мы убѣждаемся, что воспроизведенія и въ частности воспоминанія зависятъ не исключительно отъ ассоціацій. На воспроизведеніе и воспоминаніе вліяютъ еще въ большей степени другія условія: 1) акты воли, 2) чувствованія, 3) свѣжесть и сила впечатлѣнія, 4) физиологическія условія, временно повышающія общую жизнедеятельность, 5) темпераментъ, 6) слѣды сохраненныхъ психическихъ актовъ. (Къ послѣднему условію относится и повторяемость тождественнаго впечатлѣнія или идеи).

Кромѣ перечисленныхъ положительныхъ условій воспроизведенія и воспоминанія вліяетъ на нихъ въ отрицательномъ смыслѣ такъ называемая „узость“ или ограниченность сознанія, которая обнаруживается какъ въ количествѣ одновременныхъ сознательныхъ элементовъ, такъ и въ продолжительности каждаго изъ нихъ ¹⁾. Вслѣдствіе этой ограниченности сознанія одновременно только немногіе психическіе элементы могутъ быть сознательными и то не на долго. Обыкновенно въ одинъ мигъ бываетъ вполне сознательнымъ только одинъ актъ или процессъ, который впрочемъ можетъ состоять изъ сотни тысячъ безсознательныхъ элементовъ. Поэтому относительно сложныхъ психическихъ процессовъ невозможно въ одинъ и тотъ же мигъ и переживать сознательно что-нибудь и наблюдать этотъ переживаемый процессъ. Самонаблюденіе чередуется въ извѣстныхъ промежуткахъ съ переживаніемъ: сперва мы переживаемъ что-нибудь, а затѣмъ припоминаемъ пережитое и закрѣпляемъ его словомъ или письмомъ; только послѣ этого мы сравниваемъ и анализируемъ пережитое. Вотъ еще одинъ

1) Этотъ основной фактъ сознательной жизни на каждомъ шагѣ несомнѣнно подтверждается самонаблюденіемъ; однако онъ никоимъ образомъ не можетъ быть объясненъ ни клѣточной гипотезой, ни психофизическимъ параллелизмомъ, ни теоріей ассоціацій. Поэтому приверженцы означенныхъ теорій, (т. е. почти всѣ современные именитые психологи) или совершенно замалчиваютъ этотъ фактъ, или же упоминаютъ о немъ вскользь.

фактъ, который подтверждаетъ, что теченіе сознательной жизни не ограничивается законами ассоціацій: извѣстные акты повторяются періодически, независимо отъ непосредственно предшествующихъ имъ сознательныхъ элементовъ.

Сознательную жизнь можно сравнить съ огромной залой, въ которой находится множество электрическихъ лампочекъ, освѣщаемыхъ одной динамомашиной. Эти лампочки попеременно въ небольшомъ числѣ то вспыхиваютъ, то тухнутъ. Чѣмъ меньше лампочекъ горитъ одновременно, тѣмъ ярче онѣ свѣтятъ; когда же горитъ только одна, то свѣтъ ярче всего: тогда электрическій токъ направленъ къ ней исключительно. Нѣчто подобное происходитъ и съ сознательными актами. Изъ бездны безсознательныхъ психическихъ элементовъ всплываютъ на поверхность сознанія только весьма немногіе, ярко блестя короткое время; затѣмъ они, какъ бы тухнутъ, утопая въ безднѣ безсознательнаго. Послѣ этого другіе занимаютъ ихъ мѣсто, и такъ продолжается далѣе, пока опять не вспыхнутъ первые элементы. Иногда же блеститъ ярко на поверхности сознанія только одна идея (одна группа психическихъ элементовъ). Такое состояніе мы называемъ вниманіемъ. (Когда оно вызывается по нашему произволу, то его называютъ активнымъ или произвольнымъ вниманіемъ). Вотъ краткое, но наглядное изображеніе ограниченности нашего сознанія, т. е. сознательной психической дѣятельности. Эта ограниченность нашего сознанія есть верховный законъ всякой сознательной дѣятельности. Такъ какъ воспроизведеніе и воспоминаніе есть не что иное, какъ переходъ скрытыхъ (сохраненныхъ) душевныхъ актовъ (или слѣдовъ ихъ) изъ формы потенціальной въ актуальную, — переходъ отъ безсознательнаго состоянія въ сознательное: то воспроизведеніе и воспоминаніе слѣдуетъ разсматривать, какъ частный случай сознательной дѣятельности. Поэтому при воспроизведеніи и воспоминаніи должны быть налицо всѣ необходимыя общія условія сознательной душевной дѣятельности.

Какъ важенъ этотъ верховный законъ и для воспроиз-

веденія, видно изъ того факта, что даже при наличности всѣхъ положительныхъ условій припоминанія, оно можетъ разбиться объ это одно отрицательное условіе (ограниченность сознанія), если сознаніе занято болѣе сильными одновременными впечатлѣніями и въ особенности чувствованіями. Кому, напр., неизвѣстны примѣры, что неопытные и притомъ самолюбивые ораторы или любители драматическаго искусства, въ первый разъ выступавшіе передъ публикой, не могли припомнить своихъ отлично заученныхъ рѣчей или ролей. Какому педагогу не приходилось убѣждаться, что иногда самые лучшіе, но очень самолюбивые или робкіе ученики отвѣчали весьма плохо на экзаменѣ, если экзаменаторы ихъ смущали неумѣстнымъ подтруниваніемъ или придиричивостью? ¹⁾

Итакъ уже этотъ одинъ фактъ узости или ограниченности сознанія можетъ убѣдить всякаго свободнаго отъ предвзятыхъ теорій человѣка, что отсутствіе воспроизведенія не даетъ намъ достаточныхъ основаній для сужденія о наличности или отсутствіи памяти соотвѣтныхъ фактовъ: а само воспроизведеніе, разсмотрѣнное независимо отъ всѣхъ условій, не даетъ намъ критерія для сужденія о силѣ или крѣпости памяти. Этотъ фактъ и на практикѣ (напр., на испытаніяхъ) весьма часто упускаютъ изъ виду при оцѣнкѣ познаній (частной стороны памяти) испытуемыхъ лицъ.

На основаніи всего предыдущаго мы должны прійти къ заключенію, что можетъ быть на лицо память и отсутствовать воспроизведеніе идей, и наоборотъ, можетъ быть на лицо воспроизведеніе при минимальной степени памяти. При полномъ отсутствіи памяти, т. е. безъ предшествующаго впечатлѣнія и сохраненнаго его слѣда, конечно, не можетъ быть рѣчи п о его воспроизведеніи. Воспроизведеніе, т. е. возвращеніе въ актуальное состояніе сохраненнаго, никоимъ

1) Узостью сознанія, главнымъ образомъ, объясняются и явленія сна и сновиданій, гипнотизма, внушенія, сомнамбулизма, феноменальной разсѣянности и мечтательности, забывчивости и другія.

образомъ не должно смѣшивать съ памятью, т. е. съ самимъ сохраненіемъ. Иное дѣло сохранять червонцы въ сундукѣ, иное — вынимать ихъ оттуда. Конечно, нельзя вынуть изъ сундука того, что въ него не было положено. Но чтобы вынуть положенное, для этого нужны еще и другія условія: нуженъ ключъ отъ сундука, нужно умѣніе отпереть его, нужны руки, чтобы вынуть сохраненное. Подобное отношеніе существуетъ между памятью и воспроизведеніемъ. Память есть непремѣнное условіе всякаго воспроизведенія; но для послѣдняго сверхъ памяти нужны еще и другія условія, которыя были перечислены выше. Воспроизведеніе нельзя также смѣшивать съ ассоціаціями. Одна воспроизведенная идея можетъ быть результатомъ тысячи динамическихъ ассоціацій (установленныхъ прежнимъ опытомъ субъекта); воспроизведеніе однако можетъ быть на лицо, независимо отъ подобныхъ ассоціацій, что втихомолку уже признается относ. первичной памяти. Всякая ассоціація предполагаетъ или ощущеніе или воспроизведеніе (въ жизни той же особи или ея предковъ); но не всякое воспроизведеніе есть результатъ ассоціаціи. Поэтому неправы психологи-феноменисты и фізіологи, которые упраздняютъ проблему памяти, сводя ее къ теоріи ассоціацій. Неправы и психо-фізики, которые объ изслѣдованіи памяти, какъ сохраненія, и не думаютъ, довольствуясь клѣточной гипотезой или гипотезой молекулярныхъ расположеній въ мозгу. Обиходный опытъ, наоборотъ, не вдаваясь въ гипотезы и мнимыя объясненія, съ незапамятныхъ временъ считаетъ память сохраненіемъ душевныхъ актовъ, при чемъ подмѣтилъ и зависимость ея отъ разныхъ условій. Эти условія были перечислены выше; къ нимъ остается прибавить еще и возрастъ субъекта.

Итакъ, оказывается, въ данномъ случаѣ обиходный опытъ и здравый смыслъ гораздо вѣрнѣе судятъ, чѣмъ большинство книжныхъ ученыхъ, поддающихся предвзятымъ теоріямъ ложно понятаго позитивизма и феноменизма.¹⁾

1) Исключая Эббинггауза и его послѣдователей, всѣ психологи до сихъ поръ подъ названіемъ „память“ изслѣдовали только воспроизведеніе,

Относительно подобныхъ школьныхъ мудрствованій невольно приходятъ на умъ слова безсмертнаго Гёте, вложенныя въ уста Мефистофеля:

„Когда недостаетъ понятій,
То слово подвернется кстати:
Словами спорить можно смѣло,
Изъ словъ софизмъ силетешь умѣло,
Въ слова весьма удобна вѣра,
Отъ слова не откинешь ера!“¹⁾

И. С. Проданъ.

(Продолженіе будетъ).

(т. е. оживаемость) психическихъ актовъ, которая, какъ мы видѣли, помимо памяти, (т. е. сохраненія,) обусловлена еще множествомъ другихъ условій. Выдѣлить вліяніе всѣхъ этихъ условій отъ памяти, какъ это будетъ показано въ послѣдствіи, не выполнѣ удалось и Эббинггаузу.

1) Göthe, Faust I.

„Denn eben wo Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein
Mit Worten lässt sich trefflich streiten,
Mit Worten ein System bereiten,
An Worte lässt sich trefflich glauben,
Von einem Wort lässt sich kein Jota rauben“.

Отношеніе русской церковной и государственной власти въ иновѣрцамъ.¹⁾

(Прочитано въ извлеченіи на публичной лекціи въ пользу Общества для пособія нуждающимся студентамъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.)

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвижайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будетъ ли то еретикъ, или латынянинъ, — всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь; и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который нимаеъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется...“
Изъ посланія преп. Θεодосія печерскаго къ вел. князю Ізяславу. (Макарій. Исторія русской церкви. Т. II, стр. 136.)

I.

Хотя государство русское довольно долгое время жило своею замкнутою жизнью, стараясь держаться подальше отъ своихъ западныхъ сосѣдей, отъ которыхъ предки наши не ожидали ничего хорошаго, а русскіе іерархи въ сношеніяхъ съ иновѣрцами видѣли прямую опасность для православной вѣры, такъ что нѣкоторые изъ нихъ (митр. Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ, преподобный Θεодосій печерскій), для отвращенія этой опасности, строго держась церковныхъ правилъ²⁾, за-

1) Всѣ иныя христіанскія исповѣданія, кромѣ православнаго, наше законодательство называетъ „иностранными“ (Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Т. XI, ч. I).

2) Трул. 11; Лаод. 31, 32, 33 и др.

прещали православнымъ общеніе съ ними даже въ пищѣ и питіѣ¹⁾; однако не подлежитъ сомнѣнію, что народъ русскій вообще отличался рѣдкою вѣротерпимостью къ иновѣрцамъ.

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы приведемъ слова извѣстнаго Олеарія, посѣтившаго наше отечество въ первой половинѣ XVII столѣтія: „Не слышно, говоритъ онъ, чтобы русскіе насильно кого обращали въ свою вѣру; напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы²⁾...“

Укажемъ также на нѣкоторые изъ многочисленныхъ историческихъ фактовъ, могущихъ служить тому доказательствомъ.

Когда, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, опредѣлялись права жителей завоеванныхъ нами сѣверо-западныхъ областей, то сдавшимся жителямъ Дерита (нынѣшняго Юрьева) было, между прочимъ, объявлено (въ іюлѣ 1558 г.): „граждане дерптскіе остаются при своей религіи Аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются, какъ были, равно какъ и школы ихъ“. — Такъ относились русскіе къ покореннымъ иновѣрцамъ въ то время, когда Западъ переживалъ самыя ожесточенныя религіозныя войны, съ ихъ спутниками: огульнымъ сожженіемъ протестантскихъ книгъ и храмовъ, Варооломеевской ночью и ауто-да-фе³⁾.

1) Напр. преподобный Теодосій печерскій въ своемъ посланіи къ великому князю Ізяславу говоритъ: ... „христіаномъ же своихъ дочерій не достоинъ давати за нихъ, ни поймати у нихъ за себе, ни брататися съ ними, ни кумитися, ни цѣлованія съ ними имѣти, и не ясти съ ними, ни пити изъ единого съсуда; тѣмъ же (т. е. латинянамъ) просящимъ у васъ дайте имъ Бога ради ясти, но въ ихъ съсудѣхъ; аще ли не будетъ въ нихъ съсуда, въ своемъ дати и потомъ измывше съсудъ, молитву дати... Иже кто ублюдется отъ нихъ, чисту вѣру нося, и предъ Богомъ станетъ одесную радуася; аще же самоволіемъ приблизится къ нимъ, то съ ними станетъ ошуюю, плачася горко.“ Гр. А. Толстой, Римскій католицизмъ въ Россіи. С.-ПБ. 1876. Т. 1, стр. 11.

2) Макарій. Исторія русской церкви. С.-ПБ. 1882. Т. XI, кн. 2, стр. 232.

3) Д. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва 1886, стр. 93. — „На Западѣ религіозныя гоненія достигли ужасающихъ размѣровъ; люди гибли сотнями и тысячами. Костры инквизиціи въ Испаніи, Италіи и Нидерландахъ, Варооломеевская

Далѣ, когда (30 августа 1721 г.) былъ заключенъ между Россіею и Швеціей Ништадтскій мирный трактатъ, по которому Швеція уступила Россіи всѣ свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ къ Россіи земель оставлены права, привилегіи, обыкновенія и преимущества, которыми они пользовались при Шведскомъ правительствѣ; въ частности, относительно дѣлъ религіозныхъ постановлено (статья 10): „въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того Евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ, на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ Свѣйскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема“¹⁾. Побѣдитель оставляетъ такимъ образомъ побѣжденнымъ полную свободу въ дѣлахъ религіозныхъ и лишь выговариваетъ такую же свободу въ отправленіи вѣры греческаго исповѣданія во вновь приобрѣтенныхъ областяхъ самому себѣ.

Въ самое послѣднее время, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ начертанныхъ Святейшимъ Синодомъ правилъ для руководства при разсмотрѣніи и рѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ Холмско-Варшавской епархіи, Государь Императоръ, во 2-ой день іюля 1898 года, Высочайше соизволилъ, одобrivъ эти правила, собственноручно начертать на нихъ слѣдующія знаменательныя слова: „Надѣюсь, что эти правила удовлетворятъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ и предотвратятъ всякую смуту, разсѣиваемую въ народѣ врагами Россіи и Православія. Поляки безвозбранно да чтутъ Гос-

почъ во Франціи, ужасныя казни въ Прагѣ послѣ роковой битвы на Бѣлой Горѣ....“ — О. Тернеръ. Свобода совѣсти и отношеніе государства къ Церкви. Сборникъ госуд. знаній подъ ред. В. П. Безобразова. Т. III, С.-ПБ. 1877, стр. 11.

2) 1-ое Полное Собр. Зак., т. VI, № 3819. Въ случаѣ призыва, напр., новаго проповѣдника община только давала знать о томъ русскимъ властямъ, а на самый выборъ эти власти не имѣли никакого вліянія.

пода Бога по латинскому обряду, русскіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ и Царицей выше всего чтутъ и любятъ родную Православную Церковь“ ¹⁾).

При широкой вѣротерпимости, позволяющей свободу религіи всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, единою истинною спасительною вѣрою въ Россіи всетаки считалась только православная. Въ Московскомъ государствѣ православная вѣра всегда была господствующею; послѣдователи всѣхъ прочихъ вѣръ были лишь терпимы, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они не нарушали правъ господствующей церкви и не совращали въ свою вѣру лицъ православныхъ.²⁾

Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ чужой вѣрѣ (латинской) и ея послѣдователямъ, уже упомянутый нами преподобный Феодосій печерскій въ посланіи къ вел. князю Изяславу даетъ рядъ слѣдующихъ наставленій: 1) надобно всѣми мѣрами блюстися чужой вѣры, особенно тѣмъ, которые живутъ посреди латинянъ, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ латинской или сарацинской (магометанской) нельзя ³⁾; 2) не должно

1) Церков. Вѣдомости, изд. при Св. Прав. Синодѣ, 1898 г. № 31.

2) Такъ, напримѣръ, предки наши позволяли латинянамъ жить въ русскихъ городахъ и даже открыто исповѣдывать свою вѣру. Всего болѣе исповѣдниковъ римской вѣры жило въ Кіевѣ, вѣроятно, переселившихся изъ сосѣдственной Польши, Венгріи, Богеміи. Около 1231 г. они основали даже, съ позволенія князя Владиміра Рюриковича, на оболонѣ близъ Кіева доминиканскій Богородицкій монастырь. Допуская, однакожь, по отношенію къ латинянамъ такую вѣротерпимость, наши князья отнюдь не позволяли имъ распространять въ Россіи своей вѣры и совращать православныхъ: и тотъ же князь Кіевскій Владиміръ Рюриковичъ, какъ только услышалъ, что пріоръ (Мартинъ Сендомирскій) и братія доминиканскаго кіевского монастыря начали порицать православную вѣру и восхвалять свою, немедленно выгналъ ихъ (1233) изъ обители и запретилъ туда возвращаться. Макарій, т. III, стр. 290—291.

3) „Нѣтъ, говоритъ препод. Феодосій въ упомянутомъ посланіи къ великому князю Изяславу, иной вѣры лучше, какъ вѣра наша, едина чистая и честная, и святая, т. е. вѣра правовѣрная. Живущіе въ сей вѣрѣ могутъ и освободиться отъ грѣховъ, и избѣгнуть вѣчной муки, и быть причастниками вѣчной жизни, и безъ конца радоваться со Свя-

хвалить чужой вѣры, потому что кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ хулитъ свою и есть двоевѣрецъ и близокъ къ ереси¹⁾; 3) еслибы кому пришлось и умереть за православную вѣру — долженъ умереть, не отрицаясь отъ того, по примѣру Святыхъ; 4) съ послѣдователями варяжской (латинской) вѣры не должно имѣть общенія ни по дѣламъ брачнымъ, ни въ причастіи Христовыхъ таинъ, ни въ пищѣ, — впрочемъ, когда они попросятъ нищи, накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности — и въ своихъ, которые потомъ вымыть и освятить молитвою²⁾. — Кромѣ этихъ общихъ наставленій, преп. Θεодосій, обращаясь собственно къ князю, говоритъ: . . . „ты же, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будетъ ли то еретикъ или латынянинъ, — всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется. . . . Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры: помощи своими познаніями правовѣрнымъ нротивъ кривовѣрныхъ, — и ты избавишь овца изъ устъ львовыхъ“ . . .³⁾

По свидѣтельству посѣщавшихъ Россію иностранцевъ, русскіе и въ позднѣйшее время (въ XV, XVI вв.) были не-

тыми. А сущему въ иной вѣрѣ, ли въ латинской, ли въ арменской, ли въ ерачинской, нѣсть видѣти жизни вѣчныя, ни части съ Святими.“ Макарій, т. II, стр. 324—325.

1) Если кто скажетъ тебѣ: ту и другую вѣру далъ Богъ, — ты отвѣчай: развѣ Богъ двоевѣренъ? Не слышишь ли что сказано: *единъ Богъ, едина вѣра, едино крещеніе*? И не сказалъ ли апостоль Павелъ: *аще и ангелъ благовѣститъ вамъ нче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаема да будеть*.“ Макарій, т. II, стр. 136.

2) См. выше стр. 182, прим.

3) Макарій, т. II, стр. 135—136.

обычайно привержены своей вѣрѣ¹⁾ и считали только ее одну истинно-христіанскою и лучшею изъ всѣхъ вѣрѣ.²⁾ На сколько Русь берегла свою православную вѣру, видно, между прочимъ, изъ того, что въ смутное время, когда единственное спасеніе Россіи стали видѣть въ избраніи на русскій престолъ сына польскаго короля Сигизмунда — королевича Владислава, въ переговорахъ своихъ съ поляками русскіе послы не думали домогаться какихъ либо политическихъ вольностей, или же подтвержденія сословныхъ правъ, а всѣ усилія свои склоняли къ тому, чтобы Владиславъ принялъ греческую вѣру, обязался сохранять свято православіе, оберегать и умножать церкви и монастыри, принять помазаніе на царство отъ патріарха; говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ, когда сталъ просить короля о сохраненіи греческой вѣры³⁾. — Православіе русскаго государя всегда было непремѣннымъ условіемъ полученія престола, чему доказательствомъ можетъ служить, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ тоже смут-

1) Въ духовномъ завѣщаніи царя Іоанна Васильевича Грознаго (сочиненномъ около 1572 года), между прочимъ, читаемъ: „Вѣру къ Богу твердо и непостыдну держите, и научитися Божественныхъ Догматовъ, како вѣровати, и како Богу угодная творити. . . то всего больше. Знайте православную Вѣру: крѣпко за нее страждите и до смерти. . .“ Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго. СПб. 1824. Т. X. Примѣч., стр. 154. — Непоколебимую стойкость православныхъ въ своей вѣрѣ прекрасно характеризуетъ еще Гербиній: измучьте русскихъ 100, умертвите 1000, и изъ нихъ едва одинъ отпадаетъ отъ вѣры своихъ отцовъ. И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва 1880, стр. 78. — Кобенцель говоритъ: (Moscovitae) nunquam discesserunt ab ea religione, quam acceperunt et dedicerunt ab ecclesia graeca, quamque in hodiernum usque diem cum maximo zelo et fervore servant ita, ut vix credi possit (De legat. ad Moscov. . . . apud Starzew. II, 13). Макарій, т. VIII, стр. 309, прим.

2) Напр. Герберштейнъ говоритъ: „Московиты хвалятся, что они одни только христіане, а насъ осуждаютъ, какъ отступниковъ отъ первобытной церкви и древнихъ св. установленій“. (Записки о Москвитинѣ, стр. 68); Адамъ Климентъ: nos semichristianos esse contendunt, sese autem smceros ac genuinos (Anglorum navig. ad Moscov., apud Starzew. I, p. 13); Флетчеръ: „они отдають предпочтеніе своей церкви предъ всѣми прочими, утверждая, что у нихъ сохраняются самыя истинныя и справедливыя предавія, сообщенныя апостолами греческой церкви, а отъ нея полученныя ими“. (О госуд. русскомъ, гл. 23, стр. 86). Макарій, т. VIII, стр. 309—310, прим.

3) Гр. Д. Толстой, т. I, стр. 86—87.

ное время, идя на спасеніе Москвы и узнавъ, что шведы стоятъ подъ Тихвиномъ, князь Пожарскій и Мининъ „не хотяху видѣти православной вѣры въ латынствѣ“, вошли въ сношенія съ новгородцами и согласились призвать на престолъ Филиппа, брата короля Шведскаго Густава Адольфа (род. въ 1601 г. въ Ревелѣ, умеръ въ 1622 г.), если только онъ приметъ православіе. Это предложеніе столько же, сколько и выборъ Владислава, ясно свидѣтельствуешь, что переходъ престола даже въ руки иноземца не представлялъ въ современныхъ понятіяхъ невозможности; но малѣйшее отступленіе отъ правилъ Православной Церкви было достаточно, чтобы возбудить весь народъ на брань отчаянную, на смерть съ врагомъ, стоявшимъ уже въ столицѣ государства ¹⁾. Отступленіе отъ православія, даже вызванное неблагоприятными обстоятельствами, не допускалось и строго наказывалось. Такъ, напр. въ наказахъ, данныхъ посламъ о большомъ дѣлѣ (т. е. о принятіи королевичемъ Владиславомъ греческой вѣры) сказано, что отступники отъ греческой вѣры должны были подвергаться смертной казни, а имущества ихъ отбираться въ казну, потому что въ Россіи никогда не дозволялось православнымъ переходить въ другую вѣру и напередъ этого быть не можетъ, безъ возмущенія всего государства; на этомъ велѣно было посламъ непремѣнно настоять ²⁾.

Въ частности, къ католикамъ русское общество и правительство относилось строже, чѣмъ къ другимъ иновѣрцамъ, хотя никогда не посягало на свободу ихъ совѣсти. Причиною такого отношенія къ католикамъ было, во 1-хъ, ихъ постоянное стремленіе къ прозелетизму, т. е. пропагандѣ католицизма среди русскихъ, и во 2-хъ, тѣ бѣдствія, которыя терпѣла Русь отъ католической Польши, особенно въ смутное время, а также тѣ гоненія, которыя терпѣли отъ католиковъ православные, подпавшіе подъ власть Польши.

1) Тамъ же, стр. 94.

2) Тамъ же, стр. 91.

Для болѣе яснаго выясненія взаимныхъ отношеній между православіемъ и католицизмомъ остановимся на этомъ вопросе нѣсколько подробнѣе.

Римско-католическую церковь никогда не покидала мысль подчинить себѣ Россію. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ нашего отечества, при всѣхъ его бѣдствіяхъ, римскіе папы старались пользоваться несчастьемъ Россіи для обращенія ея въ католицизмъ. Попытки римскаго двора въ распространеніи латынства въ Россіи относятся еще къ первой половинѣ XIII вѣка. Въ самый годъ взятія Константинополя (1204) является папскій легатъ къ галицкому князю Роману съ предложеніемъ перейти въ латынство и обѣщаніемъ за то разныхъ свѣтскихъ выгодъ. Но посольство это было неудачно ¹⁾. Столь же неудачною была попытка обратить въ римскій католицизмъ великаго князя Александра Невского ²⁾. Въ 1255 году папа Иннокентій IV прислалъ галицкому князю Даниилу вѣнецъ королевскій, только чтобы онъ принялъ его отъ римскаго двора; послы папы обѣщали ему „помощь имѣти ти отъ папы.“ Даниилъ, думая получить чрезъ посредство папы помощь противъ татаръ, рѣшился принять отъ него вѣнецъ, но вскорѣ, обманувшись въ этой надеждѣ, прервалъ съ нимъ всякія сношенія.

Убѣдившись вѣковымъ опытомъ въ безуспѣшности склонить русскихъ князей къ латынству ласками, папы стали дѣйствовать иначе, то запрещая католическимъ государямъ

1) Извѣстенъ отвѣтъ Романа послу папскому. Обнаживъ свой мечъ, Романъ спросилъ легата: „таковъ ли мечъ Петровъ у папы? Если такой, то онъ можетъ брать имъ города и дарить другимъ. Но это противно слову Божію, ибо имѣть такой мечъ и сражаться имъ Господь запретилъ Петру. А я имѣю мечъ, отъ Бога мнѣ данный, и пока онъ при бедрѣ моемъ, дотолѣ не имѣю нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровію, по примѣру отцовъ и дѣдовъ моихъ, распространившихъ землю рускую.“ Тамъ же, стр. 5—6.

2) Въ 1248 г. папа Иннокентій IV прислалъ къ этому князю двухъ кардиналовъ съ посланіемъ, въ которомъ объяснялъ ему, что, съ подчиненіемъ Риму, власть его не только не уменьшится, но значительно увеличится. „Мы знаемъ истинное ученіе Церкви, отвѣчалъ Александръ папѣ, а вашего не примемъ и знать не хотимъ.“ Тамъ же, стр. 6.

всякіе союзы съ русскими князьями, то возбуждая ихъ воевать противъ русскихъ. Такъ, въ 1351 году папа Климентъ VI проиовѣдывалъ крестовый походъ противъ русскихъ, возбуждая къ тому и рыцарей тевтонскаго ордена¹⁾, и, подѣ страхомъ отлученія отъ церкви, предписалъ всему польскому духовенству уплачивать въ теченіе четырехъ лѣтъ десятину на войну противъ русскихъ²⁾. — Съ тою же цѣлью обратиться Россію въ католичество папа Павелъ II устроилъ въ 1472 г. бракъ племянницы послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога Софіи съ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ, причемъ съ царевною Софіею посланъ былъ въ Россію легатъ Антоній. Но и на этотъ разъ римскій дворъ совершенно ошибся въ своихъ расчетахъ. Софія сдѣлалась въ Москвѣ ревностною православною и вмѣстѣ со своимъ царственнымъ супругомъ³⁾ энергически поддерживала свою дочь Елену, вышедшую замужъ за великаго князя Литовскаго Александра, сохранять православіе, не смотря на всякаго рода притѣсненія и принужденіе къ принятію римской вѣры⁴⁾.

1) Тамъ же, стр. 4—8.

2) Тамъ же, стр. 185—186, прим.

3) Въ 1499 г. вел. князь Иванъ Васильевичъ, посылая въ Литву боярскаго сына Ивана Мамонова, велѣлъ ему сказать Еленѣ на единѣ: „дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой, Александръ, нудитъ тебя и другихъ людей отступить отъ своего греческаго закона къ римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай; пострадай до крови и до смерти, но къ римскому закону не приступай, чтобы отъ Бога душою не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятій и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Извѣсти насъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда пошлемъ къ мужу твоему, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія.“ Тоже писала къ Еленѣ Ивановнѣ и мать ея Софья Ѳомииншна (Палеологъ), сама устоявшая отъ возвращенія въ римскій законъ. Макарій, IX, стр. 96.

4) Восхваляя ревность и стараніе Александра объ обращеніи русскихъ отъ „схизмы“ къ римской вѣрѣ, папа писалъ ему въ грамотѣ (8 іюля 1501 года) слѣдующее: „по словамъ посла твоего, ты далъ клятву своему тестю никогда не принуждать Елену къ римской вѣрѣ и даже, еслибы она сама захотѣла, не позволять того, и ты уже 5 лѣтъ честно исполняешь обѣщаніе, самъ не принуждая жены; но другіе, свѣтскіе и духовные, сколько не убѣждаютъ ее, она остается непреклонною. По-

Но особенную ревность и настойчивость въ дѣлѣ совращенія Россіи въ католичество обнаружилъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, присланный папою Григоріемъ XIII въ 1581 г. въ Россію для содѣйствія примиренію Іоанна IV съ Баторіемъ. Этотъ уже испытанный въ искусствѣ совращенія іезуитъ, склонившій, какъ утверждаютъ, въ 1577 г. шведскаго короля Іоанна скрытно перейти изъ лютеранства въ католичество, хорошо сознавалъ всю важность для римской церкви совращенія Россіи къ своимъ догматамъ. Обращеніе Россіи было бы, по его словамъ, не только важно само по себѣ, но и потому также, что только чрезъ нее могла тогда проникнуть римская пропаганда на Востокъ, но относительному удобству, дешевизнѣ и безопасности пути, чего нельзя достигнуть безъ религіознаго союза съ Россіею¹⁾. Онъ желалъ воспользоваться тогдашнимъ затруднительнымъ положеніемъ Россіи, но не успѣлъ достигнуть своей цѣли²⁾, такъ какъ

этому ты спрашиваешь нашего совѣта, что тебѣ дѣлать. Мы хотимъ и обязываемъ тебя, чтобы ты, не смотря на данныя обѣщанія и клятвы, отъ которыхъ тебя освобождаемъ, позаботился еще побудить свою жену къ принятію римской вѣры. Если же Елена опять не согласится, то мы поручаемъ виленскому епископу, чтобы онъ убѣждалъ ее, и, въ случаѣ нужды, принуждалъ мѣрами церковнаго исправленія и другими законными средствами; а если и затѣмъ останется непреклонною, то отлучить бы ее отъ сожителства съ тобою и совершенно удалилъ отъ тебя...“ Но великая княгиня Елена, примѣръ которой, въ случаѣ измѣны ея православію, могъ бы оказать огромное вліяніе на всѣхъ православныхъ въ Литвѣ, оставалась непоколебимою. Макарій, тамъ же, стр. 107—110.

1) Толстой, т. I. стр. 64.

2) Въ отвѣтъ на домогательство Антонія Поссевина о разрѣшеніи построить въ Москвѣ католическую церковь ему было объявлено, „что Римляномъ, и Венеціаномъ, и Цесаревы области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать поволпо и попомъ съ ними ихъ вѣры издѣть воля безъ всякаго возбраненія, толко имъ ученія своего Рускимъ людямъ не плодѣть и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставѣть, койждо въ своей вѣрѣ да пребываетъ; а грамотою утверждатъ не для чего; а въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и великій государь у нихъ ни у ково воли не отымаетъ: живутъ по своей вѣрѣ, какъ кто хочетъ, а молбищъ никакихъ еще по се время никоторые вѣры въ Московскомъ государствѣ не ставливали.“ Д. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи. Прилож. № II, 2, стр. VIII.

Іоаннъ IV, обнаружившій рѣдкую политическую мудрость, воспользовавшись его услугами и заключивъ при помощи его миръ съ Баторіемъ, самъ возымѣлъ мысль обратить Поссе-вина въ православіе.

Болѣе строгое отношеніе русскихъ къ католикамъ вызвано было, какъ мы сказали, также тѣми гоненіями за православную вѣру, которымъ подвергались православные, подпавшіе подъ власть Литвы и Польши. Торжественное обѣщаніе литовскаго короля Ягайла, даваго обѣтъ и клятву привлечь, даже принудить къ повиновенію римской церкви всѣхъ литовцевъ обоого пола и всякаго званія, къ какой бы они вѣрѣ ни принадлежали, было первымъ открытымъ вызовомъ православію. Цѣлый рядъ насильственныхъ мѣръ, до смертной казни включительно, долженъ былъ утѣшить „схизматиковъ“ литовско-русскаго государства и побудить ихъ перейти въ лоно римско-католической церкви.¹⁾ Трудно изобразить, говоритъ преосв. Филаретъ о положеніи православія въ Литвѣ и Польшѣ, всѣ жестокости, какія дозволяли себѣ дѣлать противъ православія. Не оставалось позорнаго имени, которымъ не клеймили бы публично православныхъ. Теперь вѣру ихъ называли не только „холопскою вѣрою“, но вѣрою „аріанскою, собачьею“. Украина и Бѣлоруссія назывались *partes infidelium* — „странами невѣрныхъ“; туда отправлялись толпы базилианъ и доминиканцевъ, въ видѣ миссіонеровъ, а имъ на помощь спѣшилъ мечъ и инквизиція. Православныхъ священниковъ привязывали къ столбамъ, били плетью, сажали въ тюрьмы, морили голодомъ,

1) Чтобы Литовцы, еще неофиты въ католической вѣрѣ, какимъ либо образомъ не были отклонены отъ покорности римской церкви, Ягайло строго запрещаетъ Литовцамъ обоого пола вступать въ брачныя союзы съ Русскими иначе, какъ только подъ условіемъ, чтобы сами Русскіе предварительно обратились къ римской церкви. Если же, несмотря на это запрещеніе, кто либо изъ Русскихъ обоого пола, не отказываясь отъ своего обряда, вступить въ союзъ съ Литвинкою или Литвиномъ, исповѣдующими католичество; то брака не расторгать, но Русскихъ непремѣнно склонить и даже принудить къ покорности римской церкви, хотя бы и тѣлесными наказаніями (*roenis corporalibus*). Макарій. Т. V, стр. 334.

травили собаками, рубили имъ саблями пальцы, ломали руки и ноги; кто и затѣмъ оставался въ живыхъ, но не хотѣлъ унїи, тѣхъ выгоняли изъ домовъ, и прїюта изгнаннымъ и семействамъ ихъ не смѣло давать состраданіе... На монастыри днемъ дѣлали нападенія, грабили или жгли ихъ, монаховъ терзали чѣмъ могли, часто убивая до смерти... Жиды арендаторы несказанно мучили народъ, грабили утварь церковную, священниковъ предавали суду и казни. Сами архипастыри Могилева чего не вытерпѣли¹⁾. „Съ насъ снимають послѣднюю рубашку, говорили православные учителя церкви объ іезуитахъ, вводившихъ унію въ Литвѣ и гнавшихъ Православную церковь, мы ее отдаемъ съ радостію; останемся голыми, но съ чистою душею“ (Палинодія, изд. 1621 г., часть 4, раздѣлъ 1, артикулъ 2)²⁾.

Послѣ сказаннаго, становится понятнымъ, почему русскіе, отпосившіеся съ полною терпимостію ко всякимъ вѣрамъ, отличались большею строгостію къ католикамъ, относились къ нимъ даже непріязненно,³⁾ какъ о томъ согласно свидѣлствуютъ сами прїѣзжавшіе въ Россію иностранцы⁴⁾. Такъ, прїѣзжавшій въ Россію въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича Олеарій писалъ: „они (т. е. русскіе) терпятъ всякаго рода вѣроисповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями, съ лютерянами, кальвинистами, армянами, татарами, персіанами и турками, но папистовъ и жидовъ не любятъ⁵⁾... Ненависть русскихъ къ латинской церкви исконная и какъ бы прирожденная; предки ихъ приняли отъ грековъ и передали ее въ наслѣдство потомкамъ.“ — Особенно усилилась эта ненависть со времени самозванцевъ,

1) Филаретъ. Исторія русской церкви. Т. V, стр. 94—97.

2) Толстой, т. I, стр. 215, 219.

3) Такъ относился къ намъ не только простой народъ, но и люди ученые, каковъ былъ, напр., Максимъ Грекъ. Макарій, т. VIII, стр. 370.

4) Уже упомянутый нами іезуитъ Антоній Поссевинъ писалъ: „Московиты до того не любятъ латинянъ, что если желаютъ кому бѣды, то говорятъ: „чтобъ тебѣ сдѣлаться латиняниномъ“. Макарій, VIII, стр. 372—373.

5) Толстой, т. I, стр. 95.

когда латиняне - поляки причинили столько зла Россіи и русской церкви и іезуиты пытались насадить латинство въ самой Москвѣ, 1) а положеніе православныхъ, находившихся подъ властью Польши сдѣлалось еще невыносимѣе 2). Послѣ того русскіе старались удаляться латинянъ и не пускать ихъ къ себѣ. Въ 1627 году къ Михаилу Ѳеодоровичу являлся посолъ Людовика XIII, Людвигъ Гай, для установленія торговыхъ связей съ французами. Вопросъ о дозволѣніи французамъ торговли въ Россіи былъ тѣсно соединенъ съ вопросомъ о вѣрѣ. Людвигъ Гай просилъ разрѣшенія построить въ Москвѣ костелъ для французскихъ подданныхъ и держать имъ у себя поповъ и учителей своей вѣры; но во всемъ этомъ ему было отказано „накрѣпко“ 3). — Въ 1631 году, предъ началомъ войны съ Польшей, царь Ми-

1) Одинъ изъ бывшихъ въ это время въ Москвѣ іезуитовъ писалъ: „О, когда бы милосердый Богъ сжалился и надъ этимъ народомъ и открылъ бы для него хляби Своей благодати, то мы захватили бы въ сѣти Господни обильный ловъ рыбы и дали бы знакъ и своимъ сотоварищамъ, что бы они пришли и помогли намъ!“ Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, стр. 297.

2) Ученый виленскій монахъ Мелетій Смотрицкій, бывшій учителемъ братской школы, горько оплакивалъ бѣдствія Православной церкви въ своемъ блестящемъ сочиненіи: „Ѳриность, т. е. Плачъ Церкви восточной“ (изд. 1610 г.), которое поразило своей печальной правдой самихъ латинянъ и считалось самымъ опаснымъ сочиненіемъ для католической церкви. Главная сила гоненія на православіе сосредоточивалась въ Литвѣ, Волыни и Галиціи. „Уже въ большихъ городахъ, говорилъ волынский депутатъ Лаврентій Древинскій на сеймѣ 1620 г., церкви запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ, — тамъ скотъ забирають. Дѣти мрутъ безъ крещенія; покойниковъ вывозятъ изъ городовъ безъ погребенія, какъ падалъ; мужья съ женами живутъ безъ благословенія; народъ умираетъ безъ причащенія. Такъ дѣлается въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ. Во Львовѣ неуніатъ не можетъ къ цѣху приписаться; къ больному со св. Тайнами открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ тѣло православнаго покойника нужно вывозить въ тѣ только ворота, въ которыя изъ города вывозятъ нечистоту....“ П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Казань 1888, стр. 172—173.

3) „Вѣры у французскихъ торговыхъ людей, говорили бояре, царское величество не отнимаетъ, оставаться имъ всякому въ своей вѣрѣ, но попамъ и учителямъ ксендзамъ іезуитамъ и службѣ римской для нихъ въ Россійскомъ государствѣ нигдѣ не быть.“ Д. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностран. исповѣданій въ Россіи, стр. 304.

хаиль Теоодоровичъ, отправляя за границу для найма ратныхъ людей въ русскую службу своихъ уполномоченныхъ, далъ имъ наказъ нанимать солдатъ Шведскаго и иныхъ государствъ, кромѣ французскихъ людей, „а французовъ и иныхъ, которые папешскія вѣры, отнюдь не нанимать.“ Когда же, не смотря на то, среди приглашенныхъ иноземныхъ офицеровъ оказалось нѣсколько католиковъ, тотчасъ же, вознаградивъ за прїѣздъ, съ надежными проводниками, выпроводили ихъ обратно¹⁾. Въ условіяхъ договора, заключеннаго въ 1634 году съ голштинцами о дозволеніи имъ вести торговлю чрезъ Россію съ Персією и имѣть въ Россіи складочныя мѣста, прямо было сказано: „а костеловъ имъ своей вѣры на тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ будутъ даны, и на торговыхъ дворахъ, которые они купятъ, въ указанныхъ имъ городахъ, по одному двору, не ставить, пѣнье по своей вѣрѣ совершать на домахъ, а не въ костелахъ, и римской вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинской вѣры людей съ собою имъ въ Московское государство не привозить и тайно у себя не держать; а кто привезетъ и станетъ держать тайно, тѣхъ казнить смертію²⁾).

Такое отношеніе къ католицизму, вызванное самозащитою отъ натиска съ его стороны³⁾, не касалось областей, присоединяемыхъ къ Московскому государству путемъ за-

1) Цвѣтаевъ, тамъ же, стр. 305.

2) Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва 1885, стр. 34—35.

3) Охраненіемъ чистоты и неприкосновенности православія, а отнюдь не какой-нибудь нетерпимостью объясняются эти стремленія правительства ограничить иностранцевъ отправленіемъ только домашняго богослуженія и постоянные отказы его въ разрѣшеніи постройки сначала деревянныхъ, а потомъ и каменныхъ иностранныхъ церквей. Что такъ именно смотрѣли русскіе на вопросъ о построеніи иностранныхъ церквей подтверждаетъ и появившееся въ самомъ концѣ XVII столѣтія „Слово на Латиновъ и Лютеровъ“ (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва 1884, кн. III, стр. II. Предисловіе проф. А. Лебедева). Авторъ его разсуждалъ, что попустить лотеранамъ и католикамъ строить кирки и костелы и отправлять въ нихъ службу — значитъ дать имъ способъ учить и развращать „къ своей погибельной ереси“, а для

воеваній. Напр., въ Андрусовскомъ договорѣ 1666 года, между прочимъ, сказано, что жители уступленныхъ отъ Польши городовъ свободно могутъ имѣть употребленіе вѣры католической безъ всякаго въ управленіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія¹⁾.

Съ воцареніемъ Петра В., положеніе католиковъ въ Россіи измѣнилось къ лучшему. Относясь довольно равнодушно къ древнему русскому благочестію и въ тоже время постоянно нуждаясь въ услугахъ иностранцевъ для проведенія въ жизнь намѣченныхъ реформъ, великій преобразователь Россіи указомъ 16 апрѣля 1702 года провозгласилъ принципъ полной свободы вѣроисповѣданія. „Совѣсти челоуѣческой, говорится въ этомъ указѣ, приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пецись о блаженствѣ души своей“²⁾. Однако и Петръ В., не смотря на всѣ старанія и просьбы, въ началѣ своего царствованія не разрѣшалъ католикамъ строить костелы и имѣть постоянныхъ священниковъ. Не успѣвши достигнуть своихъ желаній законнымъ путемъ, жившіе въ это время въ Россіи католики - иностранцы, пользуясь покровительствомъ любимца Петра Гордона, ревностнаго католика, стали дѣйствовать произвольно и, не довольствуясь предоставленнымъ имъ правомъ отправлять богослуженіе въ частныхъ домахъ, тайно построили въ Москвѣ костелъ и начали совершать въ немъ богослуженіе открыто³⁾.

русскихъ устроить соблазнъ и большой поводъ къ сомнѣнію въ вѣрѣ греческаго закона. Многіе, вѣдь, скажутъ, если бы видѣли неправоту вѣры у латинянъ и лютеранъ, то не повелѣли, а воспретили бы имъ сооружать костелы или кпрхи и совершать въ нихъ службу. И отъ этого будетъ „своей православной греческой вѣрѣ ругательство, укоризны и поношеніе.“ (Тамъ же. „Слово на Латиновъ и Лютеровъ, стр. 13.)

1) Первое Полное Собр. Зак. Т. I, № 398.

2) М. И. Мышъ. Объ иностранцахъ въ Россіи. С.-ПБ., стр. IX.

3) По паведеннымъ справкамъ, Посольскій приказъ сообщилъ: „тѣ ксендзы съ 1692 г. живутъ въ Нѣмецкой Свободѣ на купленномъ дворѣ Франца Гвасконія, размножаютъ свою римскую вѣру, учатъ малыхъ дѣтей римскаго исповѣданія, для богомолія и училища построили на томъ

Въ царствованіе императрицы Екатерины II въ основаніе отношеній правительства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ въ имперіи положено было самое широкое начало вѣротерпимости. „Въ столь великомъ государствѣ, говорилось въ указѣ Екатерины, распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности гражданъ былъ порокъ — запрещеніе ихъ различныхъ вѣръ.“ Въ 1773 г. въ одномъ указѣ Синоду императрица внушала: „Какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ все вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходяствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволить, желая только, чтобы между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“⁴⁾. И дѣйствительно, послѣ возсоединенія съ Россіею западнаго края, по тремъ раздѣламъ Польши, католическому населенію вновь присоединенныхъ областей предоставлена была полная свобода вѣры, а бытъ католическаго духовенства, благодаря заботамъ императрицы, даже улучшенъ. Одинъ духовный писатель того времени говорить: „Благодушіе императрицы къ католикамъ превозшло все, что можно было ожидать отъ государыни, не принадлежащей къ римско-католической вѣрѣ. Когда мы вспомнимъ, что эта государыня строила на собственный счетъ великолѣпные костелы для католиковъ въ то время, когда римско-католическіе государи отнимали у нихъ церкви, построенныя ихъ царственными предками, то должно будетъ согласиться, что римско-католическая церковь обязана глубокою признательностію императрицѣ Екатеринѣ; если же Римъ этого не чувствуетъ, то онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ свою неблагодарность: римско-католики въ Бѣлоруссіи столь же свободны въ дѣлахъ вѣры,

дворѣ деревянный костеликъ и римское богомоліе отправляютъ явно, а не въ домахъ.“ Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностр. исповѣданій въ Россіи, стр. 427—428.

4) П. Знаменскій. Руководство къ русской церковной исторіи. Казань 1888 г., стр. 371.

какъ католики въ Албанумъ и Фраскати¹⁾. Нѣсколько позднѣе, въ циркулярѣ, разосланномъ духовенству въ началѣ 1807 года, по случаю союза Россіи съ Пруссіею противъ Наполеона, митрополитъ Сестреневичъ могъ со всею справедливостію сказать: „мы исповѣдуемъ вѣру свою въ Россіи безъ малѣйшихъ стѣсненій и съ такою свободою, какъ бы она была вѣрою господствующею²⁾“.

Къ послѣдователямъ всѣхъ прочихъ вѣроисповѣданій, въ частности къ протестантамъ и кальвинистамъ, въ Россіи относились съ полною вѣротерпимостію.

Протестанты появились въ Россіи вскорѣ послѣ введенія реформацій на Западѣ. Между вызванными съ Запада въ послѣдніе годы княженія Василя Іоанновича (1524—1533) ремесленниками, торговыми людьми, художниками, врачами и аптекарями встрѣчаются уже послѣдователи лютеровой вѣры, или, какъ вообще называли ихъ у насъ, „нѣмцы“. Въ царствованіе Іоанна Грознаго мы находимъ не мало нѣмцевъ-протестантовъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ Россіи, и уже въ 1575 году, по просьбѣ герцога Магнуса, жениха царской племянницы, Іоаннъ Грозный позволилъ нѣмцамъ постронть въ Москвѣ кирху въ 2 верстахъ отъ Кремля³⁾.

1) Между тѣмъ притѣсненія православныхъ не прекращались даже и послѣ раздѣла Польши: „Нынѣ увѣдомляется, говорится въ одномъ указѣ 1797 года (1-ое Полное Собр. Зак., т. XXIV, № 17879), что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя греко-россійскія Церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ Церкви сей людей, добровольно къ пей прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству.“ Толстой, т. II, стр. 149—150.

2) Тамъ же, стр. 99—100, 428. Тѣмъ не менѣе во время тяжкихъ для Россіи испытаній, въ 1812 году, когда каждый подданный жертвовалъ отечеству и жизни, и достояніемъ, нѣкоторые изъ латинскихъ епископовъ, долженствовавшихъ служить примѣромъ своему духовенству и паствѣ, способствовали Наполеону (Коссаковский, суффраганъ курляндскій; князь Игнатій Гедройцъ, епископъ-коадьюторъ самогитскій; Дедерко, епископъ минскій). Толстой, т. II, стр. 429—430.

3) Весьма поучительнымъ представляется сравненіе положенія про-

Смотря на нихъ, какъ на пособниковъ и споспѣшниковъ въ развитіи общественной жизни и образованія, русское правительство предоставило имъ свободно исповѣдывать свою вѣру и безпрепятственно совершать богослуженіе, тѣмъ болѣе, что, по духу своего ученія, они не столько вмѣшивались въ политическія дѣла государства, сколько католики, и не столько ревновали о распространеніи своего ученія.¹⁾

тестантовъ въ Россіи съ положеніемъ ихъ въ это время въ собственномъ отечествѣ. Въ Германіи протестантскіе князья (Шмалькальдентскій союзъ), побѣдивъ императора Карла V (въ 1522 году), продолжали упорную борьбу, а подъ часъ и войну съ его преемникомъ Фердинандомъ, чтобы упрочить за собою такъ дорого купленные религіозныя и гражданскія права. Въ Великобританіи начинается рядъ жестокихъ религіозныхъ войнъ. Отецъ (Генрихъ VIII) воюетъ за епископальный протестантизмъ съ подданными католиками, дочь (Марія) казнитъ протестантовъ, другая дочь (Елизавета) воздвигаетъ гоненіе противъ католиковъ и всѣхъ протестантовъ диссидентовъ... Въ Швеціи, гдѣ еще не остыла Стокгольмская кровавая баня и гдѣ Густавъ Ваза по кровавымъ слѣдамъ пролагалъ себѣ путь къ престолу, кое какія права новой вѣрѣ завоевалъ мечъ. Въ Даніи Христіанъ III, хвалившійся предъ нашимъ Грознымъ (въ 1552 году) своими попеченіями о всемірномъ и премирномъ распространеніи славы Божіей, распространялъ новую вѣру мечемъ. И вездѣ почти въ Европѣ этотъ безпощадный мечъ пріобрѣталъ нѣкоторыя права новому вѣроисповѣданію: у насъ же для горсти ремесленниковъ и художниковъ, пришедшихъ подѣлиться съ нами своими небогатыми знаніями, строится молитвенный домъ и богослуженіе отправляется безпрепятственно. Нисколько не стѣсненные въ своихъ религіозныхъ правахъ, эти печатники, переводчики и лифляндскіе дворяне занимаютъ почетнѣйшія должности въ государствѣ, при самомъ дворѣ; плѣнники становятся господами и чуть не вельможами и накаплиютъ себѣ огромное состояніе. Во Франціи протестантовъ, или, какъ ихъ называли тамъ, гугенотовъ, разгоняли, били и убивали, когда они сходились на молитву; изъ-за того, чтобы получить возможность безнаказанно, безъ опасности жизни, молиться и слушать проповѣдь въ своихъ храмахъ, тамъ завязалась жестокая война, продолжавшаяся съ девятью перерывами около 30 лѣтъ (1562—1592 г.) и утихавшая развѣ для того, чтобы разразиться ужасами Варееоломеевской ночи (1572 г.): у насъ же, вскорѣ по прибытіи жениха царской племянницы и огромной свиты протестантовъ (200 человекъ однихъ всадниковъ), строится для нихъ церковь, тысячи единовѣрныхъ его плѣнниковъ получаютъ право возвратиться на родину; но многимъ и особенно его блестящей свитѣ такъ понравилось въ Россіи, что не захотѣли возвратиться домой. И. Соколовъ, стр. 7—8.

1) Въ выпискѣ въ Посольскомъ приказѣ, по поводу челобитной 1695 года двухъ католическихъ патеровъ (Франциска Лефлера и Павла Яроса)

Вотъ почему въ то время, какъ русскіе не хотѣли имѣть никакихъ сношеній, ни торговыхъ, ни промышленныхъ, съ латинянами и не хотѣли принимать ихъ на службу, протестанты допускались въ Россію по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ и принимались на царскую службу: московское правительство приняло какъ бы за правило вызывать съ Запада иностранцевъ только протестантскаго вѣроисповѣданія, а „французовъ и иныхъ, которые панежскія вѣры, не принимать“.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда, по окончаніи несчастной тридцатилѣтней войны, всюду царили на Западѣ нищета и раззореніе, множество нищихъ бродило изъ края въ край и лучшимъ промышленнымъ и предпріимчивымъ людямъ нечего было взять въ Европѣ, — въ Россію стало больше и больше переселяться иностранцевъ-протестантовъ, находившихъ здѣсь самый радушный пріемъ. Въ „Новой иноземной слободѣ“ нѣмцы имѣли уже 4 церкви — одну реформатскую и три лютеранскія; кромѣ того, лютеране имѣли еще Михайловскую церковь, построенную въ 1643 году у нынѣшнихъ Красныхъ воротъ.

Хорошо извѣстно, какъ благосклонно относился къ протестантамъ Петрѣ В.: и прежде они находили въ Россіи такую свободу вѣры, такія права гражданства, обладали такими привилегіями и выгодами общежитія, какими не пользовались въ собственномъ отечествѣ; теперь же, при Петрѣ, Россія сдѣлалась навсегда ихъ новымъ отечествомъ. При Петрѣ протестантизмъ пользовался не только полною религіозною свободою, но и личнымъ высокимъ его покровительствомъ: онъ самъ иногда посѣщалъ кирки и, какъ видно изъ одной

о построеніи въ Москвѣ каменнаго костела, между прочимъ, приведенъ отвѣтъ нашего правительства австрійскому послу Куртцу, когда запларѣчь объ изгнаніи іезуитовъ: „А люторы и калвины, было сказано послу, хотя отстоять еретичествомъ своимъ отъ восточнаго благочестія далѣ католиковъ, однакожъ противности отъ нихъ Грекороссійскому благочестію нѣтъ и ни въ какія духовныя дѣла они не вступаютца“. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностр. исповѣданій въ Россіи. Приложение, стр. XXXVII.

Gesangbuch, самъ пѣлъ тамъ церковныя пѣсни и былъ нерѣдко восприемникомъ при крещеніи дѣтей у нѣмцевъ. Тамъ, гдѣ до сихъ поръ были лишь „клѣти и каморки“ для богослуженія, теперь воздвигаются открытыя для всѣхъ общественныя церкви и учреждаются новыя общины¹⁾.

Въ эпоху нѣмецкаго владычества, при императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ, протестантское вліяніе сдѣлалось, разумѣется, еще сильнѣе: нѣмцы свободно строили въ Россіи свои кирки, выписывали для нихъ пасторовъ и заводили школы.

Съ такою же вѣротерпимостью, какъ къ протестантамъ, относились русскіе и къ послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій, въ частности, къ армянамъ.²⁾

Армяне, ведущіе свое происхожденіе отъ Гайка (поэтому армянскій народъ называетъ себя также народомъ „гайканскимъ“), правнука Іафета, бывшаго по преданію, современникомъ и участникомъ столпотворенія Вавилонскаго,³⁾ въ Россіи впервые упоминаются при Владимірѣ Мономахѣ, при которомъ въ Кіевѣ было нѣсколько врачей этой національности. Въ XIV столѣтіи мы находимъ армянъ на Волыни и Подоліи;

1) Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи стр. 247—249. И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи. Москва 1880, стр. 23, 25.

2) Армяне вмѣстѣ съ православными признають три первые вселенскіе собора; отдѣлились же они отъ Вселенской Церкви на соборѣ Халкидонскомъ 451 г. Соблюдая свято духовныя постановленія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства, армянская церковь сохранила многіе догматы и обряды, признаваемые Церковью Православною, и измѣненные въ разное время римскою. Какъ православные, армяне признають, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, какъ учатъ католики; крестятъ троекратнымъ погруженіемъ; причащаются подъ обоими видами — тѣла и крови Господней, какъ православные; отвергають чистилище. Богослуженіе производится у нихъ на древнемъ армянскомъ нарѣчій, а проповѣди говорятся на современномъ армянскомъ языкѣ. Монашествующее духовенство слѣдуетъ, какъ и православное, правиламъ св. Василія Великаго, а священники вступаютъ одинъ разъ въ бракъ. Толстой, т. II, стр. 48—50.

3) Одинъ изъ потомковъ Гайка, по имени Арамъ, какъ разсказываютъ армяне, пріобрѣлъ столь большую славу окрестныхъ народовъ, что они стали называть всѣхъ Гайкановъ по его имени „арменами“.

они занимались здѣсь торговлею и выстроили церкви, именно, въ Балтѣ, Луцкѣ, Могилевѣ на Днѣстрѣ, Каменцѣ-Подолскомъ, во Львовѣ, въ коихъ и отправляли свободно свое богослуженіе.¹⁾ Въ царствованія Михаила Оеодоровича и Алексѣя Михайловича армяне встрѣчаются у насъ уже въ значительномъ числѣ; причиною ихъ пребыванія — было желаніе завязать торговыя сношенія съ Россією.

Въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Иностранныхъ дѣлъ сохранился любопытный документъ, характеризующій отношеніе русскихъ къ армянамъ еще въ до - петровское время. Этотъ документъ представляетъ собою челобитную царю Алексѣю Михайловичу, поданную въ 1666 году армянскими купцами: жалующая на то, что ихъ не пускаютъ въ православныя церкви, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Астрахани, и что русскіе священники отказываются приходить къ больнымъ и умирающимъ армянамъ, и потому многіе изъ нихъ умираютъ безъ исповѣди и св. Причащенія, тогда какъ русскіе, находящіеся въ Арменіи допускаются въ армянскія церкви и не получаютъ, въ случаѣ нужды, отказа отъ тамошнихъ священниковъ, они просятъ, чтобы царь повелѣлъ допускать ихъ въ русскіе храмы и не далъ имъ погибать безъ исповѣди и св. Причащенія. „А тогда, прибавляютъ они, и многіе другіе армяне охотно будутъ поселяться въ Россіи.“²⁾

Императоръ Петръ, способствуя торговымъ сношеніямъ съ Западной Европой, дозволилъ въ 1708 г. армянамъ отправлять туда свои товары черезъ Нарву и Петербургъ.³⁾ Въ 1724 г. онъ принялъ посольство албанскихъ армянъ и даровалъ духовенству ихъ покровительственную Высочайшую грамоту⁴⁾; въ этой грамотѣ Петръ предоставлялъ армянамъ

1) Толстой, т. II, стр. 55.

2) Дѣла армянскія 1666 г., № 4.

3) Свѣдѣнія объ установленіи торговыхъ сношеній русскихъ съ армянами находятся въ Полномъ Собраніи Зак. Россійск. Имперіи. См. 1-е Полн. Собр. Зак., т. I. №№ 408, 409, 410 и др.

4) Въ сентябрѣ 1725 года пріѣхалъ въ С. Петербургъ Армянскій архіепископъ Минасъ Вартабигъ и обратился въ Синодъ съ прошеніемъ

для жилища и свободнаго пребыванія удобныя мѣста „въ ново-полученныхъ персидскихъ провинціяхъ по Каспійскому морю, гдѣ они могли пребывать спокойно и отправлять христіанскую свою вѣру безъ препятствія по своему закону ¹⁾“. Спустя два года, въ 1726 г., такая же грамота дана была тому же духовенству императрицею Екатериною I. Третья грамота дана была императрицею Екатериною II прямо и непосредственно кафедрѣ св. Григорія (просвѣтителя Арменіи), по ходатайству армянскаго патріарха-католикоса ²⁾ Симеона; на основаніи этой грамоты католикосу предоставлялось право имѣть въ своемъ вѣдѣніи по духовнымъ и церковнымъ дѣламъ всѣхъ русскихъ армянъ и посылать къ намъ, въ случаѣ надобности, уполномоченныхъ лицъ духовнаго званія.

Кучукъ-каинарджійскій миръ (1774 г.), поставившій христіанъ Востока подъ покровительство Россіи и предоставившій ей огромныя незаселенныя земельныя пространства, оказалъ большое вліяніе на отношенія Россіи къ армянамъ. По просьбѣ армянскаго архіепископа въ Россіи Іосифа Аргутинскаго, разрѣшено было болѣе, чѣмъ 15 тыс. армянамъ изъ Крыма и Турціи переселиться въ Россію; здѣсь они щедро были надѣлены землею, освобождены отъ всякихъ повинностей, даже воинской, и основали городъ Нахичевань. Окончательное же присоединеніе армяно-грегоріанской церкви къ Россіи послѣдо-

отправлять ему въ Петербургъ армянскую службу. „А безъ позволенія Св. Синода, писалъ онъ въ своемъ прошеніи, отправлять божественную службу я не смѣю“. Синодъ разрѣшилъ ему служить въ домѣ, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не строить вновь костела и никого не совращать въ свою вѣру. Полное Собр. Постан. и Распор. по Вѣд. Прав. Исповѣданія. Т. V. № 1655.

1) 1-е Полное Собр. Зак. Т. VII. № 4357.

2) Имя католикоса, т. е. верховнаго, всеобщаго пастыря, патріархи усвоили себѣ въ 491 г. Патріархъ-католикосъ имѣетъ такое же значеніе въ армянской церкви, какъ папа въ римской; ему подчинены армянскіе патріархи Константинополя, Испагани, Іерусалима; армяне турецкіе, персидскіе, индѣйскіе, русскіе признаютъ его своимъ главою, и освященное миро разсылается изъ Эчміадзина во всѣ страны Востока, служа какъ-бы знакомъ высней духовной власти, имѣющей тамъ свой центръ. Толстой, т. II, стр. 49.

вало въ 1828 г., когда, по мирному (Трунманчайскому) трактату съ Персіею, въ предѣлы Россійской имперіи вошли ханства Эриванское и Нахичеванское, пренменованныя въ Армянскую область, а вмѣстѣ съ ними присоединена была къ Россіи кафедра первосвященника армянскаго патріарха-католікоса, находящаяся въ Эчміадзинскомъ монастырѣ на горѣ Араратѣ¹⁾.

Во время присоединенія къ Россіи Армянской области управленіе дѣлами армяно-грегоріанской церкви находилось въ совершенномъ разстройствѣ. Императоръ Николай I обратилъ на это обстоятельство вниманіе Главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и поручилъ ему вмѣстѣ съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ составить проэктъ новаго устройства и управленія армяно-грегоріанской церкви въ Россіи. Въ то же время графъ Паскевичъ Эриванскій, управлявшій тогда Грузіею, учредилъ, для прекращенія безпорядковъ въ армяно-грегоріанской церкви, комитетъ, который, въ свою очередь, занялся составленіемъ такого же проэкта. Такимъ образомъ составленіемъ устава армяно-грегоріанской церкви одновременно занимались два комитета: Тифлискій, составленный изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ армянскаго народа, и С. Петербургскій, состоявшій изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Составленіе окончательнаго проэкта было поручено Департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Этотъ окончательный проэктъ былъ разсмотрѣнъ Главноуправлявшимъ послѣ Паскевича Эриванскаго Грузіею барономъ Розеномъ, сдѣлавшимъ къ нему съ своей стороны нѣкоторыя дополненія, обсужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ и, утвержденный въ 1836 г. Государемъ Императоромъ, съ незначительными измѣненіями существуетъ до настоящаго времени.²⁾

Во внутреннія дѣла иновѣрцевъ правительство наше вообще

1) М. М-мъ. Россія и армяне. Наблюдатель. 1896. № 12.

2) Варадиновъ. Исторія Министерства Внутр. Дѣлъ. Ч. III, кн. 1 и 2.

не вмѣшивалось и предоставило имъ въ этомъ отношеніи полную свободу.

Такъ, на просьбу посла англійской королевы Елизаветы Елизара Флечера, — не дѣлать англійскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ для торговыхъ дѣлъ въ Россію, принужденія въ ихъ вѣрѣ, русское правительство (при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ), какъ видно изъ одного документа, сохранившагося въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отвѣчало: „а что написано въ рѣчехъ твоихъ (т. е. посла Флечера), чтобъ волно было тѣмъ гостемъ или ихъ прикащикомъ, или ихъ слугамъ, или хто учнетъ отъ нихъ торговати, и имъ бы волно было жить по своей вѣрѣ и въ своемъ законѣ, и къ иной бы вѣрѣ ихъ не велѣтъ принуживати, и на то отвѣтъ... до ихъ вѣры и дѣла нѣтъ: многихъ вѣръ люди живутъ въ государя нашего государствѣ, а некоторыхъ государствъ отъ вѣры ихъ отводить не велить... Кто какъ захочетъ, тотъ такъ и живетъ въ своей вѣрѣ.“¹⁾ ... „Въ Московскомъ государствѣ, читаемъ мы въ другомъ актѣ, много разныхъ вѣръ, и мы ни у кого воли не отнимаемъ, живутъ, кто какъ хочетъ..., а что до лютеранъ, то въ Россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ, и своимъ обыкновеніемъ“...²⁾

Не позволяла себѣ ни малѣйшаго вмѣшательства во внутреннее управленіе иновѣрцевъ и русская церковная власть даже въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ просили ее они сами. Такъ, въ 1673 году лютеране представили на разрѣшеніе патріарха дѣло о двоеженствѣ одного датчанина, но патріархъ отвѣчалъ имъ, что это дѣло не подлежитъ его суду.³⁾

Таже политика по отношенію къ иновѣрцамъ соблюдалась и въ послѣдующее время.

1) Дм. Цвѣтаевъ. Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1885. Прилож., стр. 39. Изъ Московск. Главн. Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, л. 539.

2) Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностр. исповѣд. въ Россіи, стр. 290.

3) И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Москва. 1880, стр. 28.

II.

Послѣ этого краткаго историческаго очерка положенія иновѣрцевъ на Руси, войдемъ ближе въ разсмотрѣніе вопроса о религіозномъ общеніи православныхъ съ иновѣрцами.

А. Крещеніе.

Послѣ раздѣленія церквей (въ 1054 г.), латиняне, т. е. всѣ западно-европейскіе народы, стали для насъ людьми отлученными и отсѣченными отъ нашего православнаго союза.¹⁾ Въ случаѣ присоединенія къ православію неправославныхъ христіанъ (католиковъ), русская Церковь вообще слѣдовала древнимъ соборнымъ и отеческимъ правиламъ вселенской Церкви и въ приложеніи этихъ правилъ на практикѣ всегда почти поступала согласно съ Церковью греко-восточною²⁾; общимъ правиломъ и въ русской Церкви, какъ и въ греческой, было присоединеніе ихъ къ православію чрезъ мѣропомазаніе. Это видно: а) изъ отвѣтовъ Нифонта, епископа Новгородскаго, черноризцу Кирику (XII в.)³⁾; б) изъ чинопослѣдованій присоединенія ла-

1) Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. I, 2-я полов. Москва. 1881, стр. 689.

2) Это видно изъ древнихъ требниковъ и кормчихъ нашей Церкви, сохранившихся отъ XIV—XVII вв., въ которыхъ заключаются чины присоединенія къ православію различныхъ неправославныхъ. Еп. Сергій. О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ принятія неправославныхъ христіанъ въ Православную Церковь. Вятка. 1894, стр. 112—113.

3) „Если кто либо изъ крещенныхъ въ латинскую вѣру захочетъ присоединиться къ намъ: пусть ходитъ въ церковь семь дней; а ты сперва нареки ему имя, потомъ совершай надъ нимъ четыре молитвы на день, повторяя каждую по десяти разъ; мяса же и молока не давай ему, какъ оглашенному. Въ осмой день пусть вымоется и придетъ къ тебѣ, а ты сотвори ему молитвы по обычаю, одень его въ чистыя одежды, или пусть самъ облечется, надѣнь на него христіанскія ризы и вѣнецъ: тогда помажь его св. мѣромъ и дай ему свѣчу. На литургіи дашь ему причастіе и такъ держи его, какъ и повокрещеннаго, если можно, до осмага дня. А въ тотъ день отнюдь не разрѣшай его, но смотри, каковъ будетъ челоуѣкъ. Въ Цареградѣ (присоединенный къ православію) стоитъ только въ лентѣ, когда мажутъ его мѣромъ. Масло же не должно мазать.“ Макарій, т. III, стр. 225—226.

тинянъ къ Православной Церкви чрезъ муропомазаніе, находящихся въ нашихъ требникахъ XV и XVI вв.; в) изъ самаго молчанія современныхъ памятниковъ письменности (именно полемиическихъ сочиненій противъ латинянъ) объ иныхъ способахъ принятія ихъ; г) изъ дѣяній всѣхъ соборовъ, бывшихъ на Руси съ XIII до XVI вѣка, гдѣ ни слова нѣтъ о перекрещиваніи западныхъ христіанъ, хотя и были разсужденія о крещеніи чрезъ обливаніе¹⁾ (именно на соборѣ Владимірскомъ 1274 г. и на соборѣ Стоглавомъ 1551 г.), и, наконецъ, д) изъ сношеній пастырей нашей церкви съ римскими католиками о соединеніи церквей, при которыхъ въ числѣ условій соединенія также не видно условія перекрещиванія латинянъ²⁾.

Начиная съ XVI в. уже существуютъ свидѣтельства о

1) Таинство крещенія иногда совершалось у насъ чрезъ обливаніе. Противъ этого возставали и соборъ Владимірскій, и митрополиты Кипріанъ и Фотій и предписывали, чтобы крещеніе совершаемо было непременно чрезъ троекратное погруженіе съ произнесеніемъ словъ: „во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь.“ Владимірскій соборъ 1274 г., между прочимъ, предписалъ: „болѣе да не обливають никого, но да погружаютъ, ибо — говоритъ онъ — нигдѣ не предписано обливаніе, но погруженіе въ особо назначенномъ на то сосудѣ.“ Е. Голубинскій. Исторія русской церкви. Т. II. Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московск. Унив. Кн. 192. 1900 г., стр. 74. — Обливаніе допускалось только въ случаяхъ крайней нужды. Константинопольскій соборъ, на вопросъ Θεογνosta, какъ поступать, если пожелаетъ креститься какой-либо татаринъ, а сосуда большаго для погруженія его не будетъ, отвѣчалъ: въ такомъ случаѣ можно крестить его и чрезъ троекратное обливаніе. Макаріи, т. IV, стр. 281. — Въ служебникахъ 1602 и 1616 гг., въ чинѣ крещенія, было напечатано, что „если младенецъ боленъ, то въ купели должна быть вода теплая, и (священникъ) погрузитъ его въ водѣ по выю, и возливаетъ ему на главу воду отъ купели десною рукою трижды, глаголя: крещается рабъ Божій“... Макаріи, т. XI, стр. 46.

2) Такія сношенія о соединеніи церквей были: въ XV в. при митрополитѣ Іонѣ (Флорентинскій соборъ) и въ XVI в. при митрополитѣ Филиппѣ I и царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Еп. Сергій стр. 114—115. Между прочимъ Коллинсъ (18 лѣтъ прослужившій придворнымъ врачомъ Алексѣя Михайловича) пишетъ: „прежде иностранцы охотно и часто принимали русскую вѣру, но строгость временъ патріаршихъ, заставлявшая лютеранъ и папистовъ отрекаться отъ своего крещенія, была причиною, что при патріархахъ немногіе принимали русское исповѣданіе“. И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. Примѣч., стр. 13—14.

перекрещиваніи западныхъ христіанъ-протестантовъ. По свидѣтельству посѣтившаго Россію, въ царствованіе Іоанна Грознаго, иностранца Флетчера, русскіе перекрещивали въ то время всѣхъ христіанъ, не принадлежащихъ къ греческой Церкви, какъ скоро они переходили въ русскую вѣру, потому что почитали ихъ отдѣленными отъ истинной Церкви, которая, по мнѣнію русскихъ, есть только Церковь греческая. Онъ же свидѣтельствуетъ, что изъ нѣмныхъ ливонцевъ многіе соглашались креститься въ другой разъ по русскому обряду, чтобы пользоваться большею свободою и пріобрѣсть себѣ что-либо на прожитокъ, получая при этомъ обыкновенно награду отъ царя; а изъ англичанъ, съ тѣхъ поръ, какъ они начали пріѣзжать въ Россію, рѣшился перекреститься въ русскую вѣру только одинъ Ричардъ Рельфъ¹⁾.

Появляются примѣры прекрещиванія и католиковъ. Служившій у насъ монетчикомъ Пванъ Фрязинъ, родомъ изъ Венеціи, при обращеніи въ православіе, былъ несомнѣнно крещенъ вновь нашимъ православнымъ крещеніемъ²⁾. Въ смутное время, въ наказахъ данныхъ посламъ о большомъ дѣлѣ (о принятіи королевичемъ Владиславомъ греческой вѣры) говорится: „Быть можетъ, Сигизмундъ возразитъ, что Владиславъ уже крещенъ, то какъ же ему креститься въ другой разъ, никакой христіанинъ дважды не крестится“; на это послы должны были отвѣтить, что истинное крещеніе бываетъ только по закону греческому, что русскій царь непременно обязанъ быть православнымъ, точно также, какъ на престолѣ польскомъ нельзя исповѣдывать другой вѣры, какъ латинскую³⁾. Въ грамотѣ, посланной патріархомъ Гермогеномъ къ самому Владиславу, русскій іерархъ многократно умолялъ его: „прими св. крещеніе въ

1) Макарій, т. VIII, стр. 412—413, примѣч.

2) Тамъ же, стр. 371.

3) Толстой, Т. I, стр. 90. Митр. Макарій говоритъ положительно, что обычай перекрещивать латинянъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, у насъ существовалъ, по крайней мѣрѣ, съ начала XVI вѣка. Макарій, XI, стр. 29.

три погруженія, прими св. крещеніе въ нашу православную вѣру“¹⁾).

Въ первый разъ въ нашей велико-русской церкви состоялось соборное постановленіе о принятіи въ Православную Церковь римскихъ католиковъ чрезъ крещеніе въ 1620 году, при патріархѣ Филаретѣ.

Ближайшимъ поводомъ къ собору 1620 года послужило слѣдующее обстоятельство. Во второе лѣто патріаршества Филаретова, слѣдовательно не прежде начала послѣдней половины 1620 года, два московскіе священника, Иванъ и Евфимій, отъ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы въ Столечникахъ, возвѣстили патріарху, что митрополитъ сарскій и подонскій Іона не велѣлъ имъ крестить ляховъ Яна Слободскаго да Матвѣя Светицкаго, пожелавшихъ принять православіе, а велѣлъ только мѣропомазать и допустить къ св. Причастію, и представили самую хартію, выписанную для нихъ, по митрополичьему указу, изъ извѣстнаго вопрошенія Кирикова новгородскому епископу Нифонту о принятіи латинянъ чрезъ мѣропомазаніе. Узнавъ объ этомъ Филаретъ, какъ самъ выражается, не презрѣлъ такого раскола и приказалъ Іонѣ стать предъ собою. Іона утверждалъ, что латинянъ крестить не слѣдуетъ, что такъ писано на шестомъ вселенскомъ соборѣ, да и вездѣ писано въ божественномъ писаніи. Первосвяtitель напомнилъ Іонѣ о патріархѣ Игнатіѣ, какъ онъ, угождая „еретикомъ латинскія вѣры“, ввелъ еретичку Марину въ Успенскій соборъ, не крестивъ ее совершеннымъ крещеніемъ, а только мѣропомазавъ, и потомъ обвинчалъ ее съ разстригою Отреньевымъ и удостоилъ обоихъ св. Причащенія, и за таковую вину низверженъ былъ съ святительскаго престола; напомнилъ также о патріархѣ Гермогенѣ, который, когда отправлялись послы къ польскому королевичу Владиславу съ предложеніемъ русскаго престола, поставилъ непремѣннымъ условіемъ крещеніе Владислава по

1) Макарій, X, стр. 149.

чину Православной Церкви; при семъ разсказалъ Іонѣ о тѣхъ многихъ нуждахъ, бѣдахъ и напастяхъ, какія терпѣли русскіе послы отъ Сигизмунда, „его же повелѣніемъ по всей русской земли протекаше огонь и мечъ . . . , который и царствующій градъ Москву огню и мечу предати иовелъ и всю землю русскую отъ красоты благолѣпія испроверже“; сказалъ еще Іонѣ, что онъ вводитъ людей въ соблазнъ и въ неумиримую брань, что грозитъ расколомъ, и, наконецъ, запретилъ Іонѣ священнослуженіе до большаго собора. „Сего то ради и созвалъ Филаретъ сыны своя въ 1620 г., да видятъ разсужденіе Святыхъ Апостоловъ и Святыхъ Отецъ правила“. На соборѣ дѣйствительно приведены были въ доказательство законности перекрещиванія латинянъ правила Св. Апостоловъ 46 да 50, да Святаго перваго вселенскаго собора правило 19-е, повелѣвающія перекрещивать еретиковъ, такъ какъ еретическое крещеніе не есть крещеніе, но болѣе оскверненіе. Что же касается, говорилъ Филаретъ, до отвѣта новгородскаго епископа Нифонта Кирику о принятіи латинянъ въ Церковь чрезъ мѣропомазаніе, то „такова указу“ нѣтъ нигдѣ, ни въ правилахъ апостольскихъ, ни въ правилахъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, и св. отецъ. А если и было такое правило въ древнія времена, то оно не можетъ имѣть силы теперь: ибо „послѣди того у латинянъ многія ереси учинилися, и послѣ седми вселенскихъ соборовъ Сергій патріархъ, со всѣми вселенскими патріархи и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, папезевъ — римскихъ еретиковъ изъ помяновенія извергоша, и конечному проклятію предаша.“ Патріархъ Филаретъ ириказалъ еще читать на соборѣ обширную записку или „собраніе“ изъ правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ вселенскихъ, и помѣстныхъ, и св. отецъ, которое составилъ патріархъ Гермогенъ и дополнилъ самъ онъ — Филаретъ, въ доказательство необходимости крестить латинянъ, при обращеніи ихъ въ православіе. Наконецъ Іона повинился предъ великимъ соборомъ, и билъ ему челомъ много, и прощенія просилъ, сознавая, что понималъ такъ 95-е пр. VI вселенскаго собора „простою, а не умы-

плєніємъ“; обѣщался быть единомышленнымъ съ патріархомъ Филаретомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и сказалъ: „и къ вашему соборному избранію отъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ на латинскую ересь о крещеніи хощу рукою своею написать и но сему вашему соборному писанію хощу творити“¹⁾).

1) Макарій Т. XI стр. 23—29. Еп. Сергій, стр. 117—119. Послѣ того, какъ подписано было соборное изложеніе о способѣ принятія латинянь, поляковъ и другихъ въ Православную Церковь, патріархъ Филаретъ вновь созвалъ соборъ, чтобы рѣшить еще, какъ принимать „самихъ бѣлорусцевъ, приходящихъ отъ польскаго и отъ литовскаго государства въ православную вѣру нашу греческаго закона, въ державу Московскаго государства, и хотящихъ быти съ нами вкупѣ христіаны (т. е. православными)“. Патріархъ занялся, вмѣстѣ съ соборомъ, обсужденіемъ этого вопроса, и, наконецъ, соборнѣ приговорилъ: „а) когда кто либо придетъ къ намъ, въ русскую державу, изъ польскаго и литовскаго государства и скажетъ, что онъ бѣлорусецъ и есть истинный христіанинъ греческаго закона, то такого прежде испытывать, какъ онъ вѣруетъ и истинно ли крещенъ въ три погруженія или крещенъ чрезъ обливаніе; если самъ скажетъ, что онъ крещенъ въ своей землѣ, а у нихъ въ крещеніи обливаютъ, а не погружаютъ, то его, при принятіи въ Православную Церковь, совершенно крестить въ три погруженія, и если не мѣропомазанъ, то и мѣропомазать; б) равно, если бѣлорусецъ скажетъ, что онъ крещенъ въ христіанскую вѣру, но поплъ, крестившій его, поминаетъ папу за божественною литургією, (т. е. принялъ унію), то и такого бѣлорусца совершенно крестить въ три погруженія, и онъ долженъ еще проклинать латинскую ересь; в) а которые скажутъ про себя, что они крещены въ греческую вѣру чрезъ троекратное погруженіе и мѣропомазаны, тѣхъ, хотя бы и не было на то свидѣтелей, не крестить вновь и не мѣропомазывать, но только велѣтъ имъ поститься недѣлю и исповѣдаться, и если они на исповѣди предъ духовникомъ по совѣсти подтвердятъ, что говорятъ правду о своемъ крещеніи, то ихъ, съ разрѣшенія архіерейскаго, считать такими же христіанами, какъ и всѣхъ, крещенныхъ въ Московскомъ государствѣ; г) бѣлорусцевъ, которые крещены обливаніемъ и причащались въ костелахъ, или хотя бы и не причащались, крестить въ три погруженія, но именъ ихъ не перемѣнять, и они должны еще проклинать латинскую ересь, только при крещеніи не говорить „младенческаго отрицанія“; д) бѣлорусцевъ, которые скажутъ о себѣ, что они были въ иной вѣрѣ и перешли изъ той вѣры въ христіанскую въ совершенныхъ лѣтахъ и крещены въ Литвѣ отъ русскаго попа, который молится за папу, также крестить совершеннымъ крещеніемъ, и они должны произносить, при крещеніи, и латинское, и еретическое, и младенческое, отрицанія. Излагая такія правила о способѣ принятія бѣлорусцевъ въ русскую церковь, патріархъ и соборъ дѣлаютъ замѣчаніе, что они не новое преданіе вводятъ, а поновляютъ и укрѣпляютъ древнее, послѣдуя заповѣдямъ св. апостоловъ и св. отцевъ; но самыхъ заповѣдей этихъ не приводятъ. Макарій XI, стр. 30—33.

Кромѣ преувеличеннаго представленія о томъ, что будто-бы латиняне суть злѣйшіе изъ всѣхъ еретиковъ, и ересь латинская содержитъ въ себѣ всѣ ереси¹⁾, причины разсматриваемаго опредѣленія о перекрещиваніи западныхъ христіанъ, по справедливому замѣчанію еп. Сергія, заключались въ самихъ западныхъ христіанахъ, и именно, въ полякахъ, которые въ несчастную эпоху самозванцевъ вели себя какъ варвары и безбожники, и за свое кощунство, святотатство, развратъ и многоразличные пороки справедливо заслужили тогда отъ русскихъ названіе „нехристей“²⁾. Наше отечество и наша церковь понесла тогда отъ поляковъ иго, если не тягчайшее, то и не легчайшее, чѣмъ какое понесла въ XVI—XVII вѣкахъ Церковь восточная отъ іезуитовъ³⁾.

Такимъ образомъ, самыя причины, побудившія патріарха Филарета къ постановленію правила о перекрещиваніи латинянъ, достаточно уже показываютъ, что это правило было только временною мѣрою строгости, необходимо вызванною несчастными обстоятельствами времени, а потому и не могло быть обязательно для церкви на всѣ времена⁴⁾.

1) „Латиняне-папешники суть, по мнѣнію патріарха Филарета, сквернѣйшіе и лютейшіе изъ всѣхъ еретиковъ, ибо они приняли въ свой законъ проклятыя ереси всѣхъ древнихъ, еллинскихъ, жидовскихъ, агарянскихъ и еретическихъ вѣръ, и со всѣми погаными язычниками, со всѣми проклятыми еретиками обще все мудрствуютъ и дѣлають.“ Тамъ же, стр. 24.

2) Неистовства поляковъ и тогдашнее бѣдственное состояніе Россіи весьма живо описаны знаменитымъ нашимъ патріотомъ Авраміемъ Палицинымъ: . . . „сердце трепещетъ, говоритъ онъ, отъ воспоминанія злодѣйствъ (поляковъ): тамъ, гдѣ стыла теплая кровь, гдѣ лежали трупы убійенныхъ, тамъ гнусное сладострастіе искало одра для своихъ мерзостныхъ наслажденій. . . Святыхъ юныхъ инокинь обижали, позорили; лишеныя чести лишались и жизни въ мукахъ срама . . . въ глазахъ родителей жгли дѣтей, носили головы ихъ на сабляхъ и копьяхъ; грудныхъ младенцевъ, вырывая изъ рукъ матерей, разбивали о камни. Гибли отечество и церковь: храмы истиннаго Бога раззорялись; скотъ и псы жили въ олтаряхъ; воздухами и пленами украшались кони . . . въ ризахъ іерейскихъ плясали блудницы . . . и т. д. (Аврам. Палиц. 32—37). Еп. Сергій, стр. 120 примѣч.

3) Еп. Сергій, стр. 119—120.

4) Да оно и въ то время было обязательно только для одной части

И дѣйствительно, вопросомъ о перекрещиваніи католиковъ занимались снова уже на Московскомъ соборѣ 1655 года: съ одной стороны, „соборное изложеніе“ и „указъ“ патріарха Филарета Никитича о перекрещиваніи всѣхъ латинянъ внесены были, при патріархѣ Іоасафѣ, въ печатные требники, такъ что, когда въ числѣ другихъ книгъ, приступили къ пересмотру и требника, необходимо было рѣшить, оставить ли въ немъ эти статьи и при новомъ изданіи, или опустить; съ другой стороны, тогда только что присоединилась Малороссія и присоединялась Бѣлороссія, гдѣ всѣ жители, даже православные, крещены были чрезъ обливаніе; кромѣ того, тогда приводили въ Москву множество плѣнныхъ поляковъ, изъ которыхъ нѣкоторые изъявляли желаніе принять православіе, и постоянно возникалъ вопросъ, какъ же смотрѣть на всѣхъ этихъ обливанцевъ, справедливо ли крестить ихъ вновь. Отцы собора и самъ патріархъ Никонъ согласились съ мнѣніемъ пребывавшаго въ то время въ Россіи антиохійскаго патріарха

русской Церкви, т. е. для церквей великорусскихъ, церкви же юго-западной Руси, находившіяся тогда въ зависимости отъ патріарха Константинопольскаго. держались иныхъ правилъ при присоединеніи западныхъ христіанъ къ православію, хотя и не тождественныхъ съ правилами и практикою греко-восточной церкви, но весьма близкихъ къ нимъ и особенно къ правиламъ и практикѣ церкви древне-вселенской. Объ этомъ ясное свидѣтельство сохранилось въ требникѣ митр. Петра Могилы. По этому требнику, чрезъ крещеніе должны быть принимаемы всѣ вообще еретики, невѣрующіе во Святую Троицу и крещенные въ одно погруженіе, согласно съ древними правилами: 19-мъ 1-го вселенскаго собора, 7-мъ П-го вселен., 95-мъ VI вселен. и др., и еще, неизвѣстно на какомъ основаніи, безбожніи Аріане, которыхъ, по правиламъ древнихъ соборовъ, положено принимать чрезъ мѣропомазаніе, — и Социніане, нарицаеміи новокрещенци, о которыхъ до того времени не было опредѣленій въ Церкви Православной. Чрезъ мѣропомазаніе — вообще еретики, крещенные во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и въ частности упомянутые въ указанныхъ правилахъ соборовъ (за исключеніемъ Аріанъ), и еще — Кальвины и имъ подобные, т. е. неправославные западныхъ церквей, крестящіеся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, хотя бы и чрезъ обливаніе, и не мѣропомазаные отъ своихъ епископовъ, или не признающіе таинства мѣропомазанія, каковы всѣ протестанты; безъ крещенія и мѣропомазанія чрезъ одно отреченіе отъ заблужденій въ покаяніи — раскольники вообще и западные христіане, мѣропомазаные отъ своихъ епископовъ. Еп. Сергій, стр. 123—124.

Макарія, что поляковъ перекрепчивать не должно, однако на дѣлѣ это рѣшеніе не исполнялось¹⁾. Поэтому въ слѣдующемъ 1656 г. признано было нужнымъ заняться вновь обсужденіемъ этого предмета. На новый соборъ приглашены были всѣ русскіе архіереи; въ числѣ другихъ прибылъ и митрополитъ казанскій. Антіохійскій патріархъ Макарій и теперь настаивалъ, что латинянтъ не слѣдуетъ крестить вторично, при обращеніи ихъ въ православіе, и имѣлъ жаркій споръ съ русскими іерархами. Онъ старался убѣдить ихъ ссылкой на ихъ собственныя книги закона и, кромѣ того, въ подтвержденіе своей мысли, представилъ выписку изъ какой-то древней греческой книги, принесенной съ Аѳона, представлявшую подробное изложеніе предмета, и тѣмъ заставилъ русскихъ архіереевъ невольно подчиниться истинѣ. Выписка эта, скрѣпленная подписью патріарха Макарія, была подана государю, переведена на русскій языкъ, напечатана и роздана по рукамъ, а государь издалъ указъ, которымъ запрещалось крещеніе поляковъ и другихъ послѣдователей той же вѣры. Недовольствуясь всѣмъ этимъ, Макарій вскорѣ уѣхавшій изъ Москвы, прислалъ еще письмо къ Никону о томъ же предметѣ изъ Терговищъ (отъ 25 декабря 1656 г.). Онъ писалъ, что какъ только достигъ Угровлахін, то и тамъ всячески старался найти что-либо для рѣшенія занимавшаго его вопроса и что угровлахійскій митрополитъ Стефанъ указалъ ему, Макарію, какой то древній греческій и славянскій номоканонъ, совершенно разъяснившій ему истину. Кальвинистовъ и лютеранъ должно перекрепчивать: потому что они истинные еретики, священства не имѣютъ и не признаютъ за таинство, евангельское преданіе отвергаютъ,

1) А. Э. IV, № 332. Въ концѣ января 1656 года, изъ числа плѣнныхъ поляковъ вторично крещенъ былъ въ Москвѣ, съ соизволенія самого патр. Никона, великій гетманъ Павелъ Потоцкій: „воспріемникомъ его при крещеніи былъ тестъ государя, и тогда его величество отдалъ Потоцкому въ управленіе всѣ его земли, оставивъ у себя въ залогъ его вѣрности только нѣсколько членовъ его семейства“. Макарій. Т. XII, стр. 195—196.

и крещеніе ихъ неправильно и несвященно. А латинянь не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ семь таинствъ и всѣ семь вселенскихъ соборовъ, поклоняются св. мощамъ и иконамъ и всѣ они крещены правильно во имя Отца и Сына и Св. Духа, съ призываніемъ Св. Троицы. Перекрещивать ихъ значило-бы впадать въ ересь второкрещенцевъ и противорѣчить символу вѣры, гдѣ сказано: „исповѣдую едино крещеніе“. Мы признаемъ ихъ священство, и никогда не хиротонисаемъ вновь латинскихъ священниковъ, при обращеніи ихъ въ православіе: также должны признавать ихъ крещеніе. Они только схизматики, а схизма не творитъ человѣка невѣрнымъ и некрещеннымъ, а творитъ только отлученнымъ отъ церкви. Самъ Маркъ ефесскій, сопотивникъ латинянь, никогда не требовалъ иерекрещиванія ихъ и признавалъ крещеніе ихъ правильнымъ и проч.

Однако укоренившійся обычай иерекрещиванія оставался еще въ силѣ. Потому царь Алексѣй Михайловичъ предложилъ большому собору (1667 г.) вновь обсудить и рѣшить этотъ вопросъ. Отцы собора сначала внимательно разсмотрѣли уложеніе патріарха Филарета Никитича и пришли къ заключенію, что приведенныя тамъ правила истолкованы и примѣнены къ латинянамъ невѣрно. Потомъ привели другія соборныя правила, по которымъ запрещено было перекрещивать даже аріанъ и македоніанъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, а тѣмъ болѣе, — говорили отцы, — не должно перекрещивать латинянь; сослались на соборъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, бывшій въ 1484 году въ Константинополѣ, и опредѣлившій не перекрещивать латинянь, при обращеніи ихъ къ православію, а только помазывать ихъ св. мѣромъ, и даже составившій самый чинъ принятія ихъ въ церковь; сослались на премудраго Марка ефесскаго, который въ своемъ окружномъ посланіи ко всѣмъ православнымъ преподаетъ тоже самое ученіе, и постановили: „не должно перекрещивать латинянь, но только, послѣ проклятія ими своихъ ересей и по исповѣданіи согрѣшеній, помазывать ихъ св. мѣромъ и сподоблять св. пречистыхъ

таннѣ, и такимъ образомъ пріобщать ихъ св. соборной восточной Церкви по свящ. правиламъ“ (гл. 6) ¹⁾.

Относительно перекрещиванія въ то время желавшихъ принять православную вѣру протестантовъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, хотя о лютеранахъ и другихъ западныхъ протестантахъ соборъ 1620 года, опредѣлившій принимать чрезъ крещеніе римскихъ католиковъ, ясно не упомянулъ. Въ требникѣ 1639 года находится и самый чинъ присоединенія къ православію „приходящихъ креститься отъ люторскія ереси“. О принятіи ихъ чрезъ крещеніе свидѣтельствуется какъ Олеарій, путешествовавшій по Россіи въ 1636 году, такъ и пренія нашихъ пастырей съ лютеранами о крещеніи, происходившія въ 1644 году по поводу предполагаемаго брака старшей дочери Миханла Оедоровича — Прины — съ датскимъ принцемъ „Вольдемаромъ Христіанусовичемъ“, на каковой бракъ наши пастыри не иначе соглашались, какъ по принятіи Вольдемаромъ крещенія Православной Церквн.

Бывшій съ королевичемъ пасторъ Матвѣй Фильгоберъ доказывалъ, что обливательное крещеніе, совершенное у лютеранъ, есть истинное и дѣйствительное, и что несправедливо требуютъ отъ королевича, чтобы онъ крестился еще въ другой разъ, именно, чрезъ погруженіе ²⁾; указывалъ на примѣры браковъ русскихъ съ иновѣрцами. На это онъ получилъ отвѣтъ, что

1) Макарій. Т. XII, стр. 195—197, 786. „Отднесь приходящихъ отъ латинъ къ нашей православнѣй христіанстѣй вѣрѣ святыя восточныя церкви не покрещивати . . . но точію по проклинаніи своихъ ими ересей, и по исповѣданіи согрѣшеній, и подаваніи рукописанія, помазovati ихъ святымъ и великимъ мѣромъ и сподобляти святыхъ и пречистыхъ таинъ и тако пріобщати святѣй соборнѣй и апостольстѣй восточнѣй цѣрквѣ“. Дѣянія Московскихъ соборовъ 1666—1667 годовъ. Изданіе (второе) Братства св. Петра. Москва. 1893. Глава 6, стр. 74 (по рукописи л. РМГ).

2) Пасторъ говорилъ и писалъ: „истинно есть крещеніе или въ три погруженія или въ три поливанія или въ три кропленія“, потому что „силакрещенія не въ водѣ настоитъ, но въ дѣйствѣ Св. Духа, который въ крещеніи обильно на насъ изливается“. . . Слово — *βαπτίζω* крещаю, отъ котораго происходитъ *βαπτισμός* крещеніе, означаетъ не только погружать, но чаще обмывать, обливать, кропить. . . Св. Іоаннъ Предтеча крестилъ

государь Иванъ Васильевичъ выдалъ свою дочь за польскаго короля Александра, крещеннаго хотя чрезъ обливаніе, по вѣры не лютеранской, а латинской. „Мы знаемъ, говорилось въ этомъ отвѣтѣ, что пана и всѣ римляне — еретики, отпали отъ Православной Церкви еще при королѣ Карлѣ и за то прокляты отъ св. Отецъ вѣчною клятвою, почему и не имѣемъ съ ними никакого общенія, какъ съ вѣдомыми еретиками. Но все-таки у нихъ лучше, чѣмъ у васъ; это мы говоримъ не къ похвалѣ ихъ, а желая вашу злѣйшую вѣру еретическую явну учинити. Хотя ихъ ученіе еретическое, но только у нихъ есть поставленіе кардиналовъ, архиепископовъ отъ папы; а у васъ, лютеранъ, и того худаго ничего нѣтъ, ни именуется“.

народъ и самого Господа Иисуса водою, а не въ водѣ, т. е. чрезъ обливаніе, а не чрезъ погруженіе въ Іорданъ. . . Обрѣзаніе въ Вѣтхомъ Завѣтѣ совершалось однажды: такъ и духовное обрѣзаніе — крещеніе въ Новомъ Завѣтѣ должно совершаться однажды. . . II соборы, какъ вселенскіе, такъ и помѣстные, запрещали крестить въ другой разъ даже тѣхъ, которые получили крещеніе отъ еретика, если только оно совершено во имя Отца и Сына и Св. Духа. . . Недавно пріѣзжалъ въ Польшу патріархъ цареградскій Іеремія, и онъ тоже запретилъ крестить вторично всякаго, кто крещенъ во имя Отца и Сына и Св. Духа. . . Да и вашъ государь Иванъ Васильевичъ, отдавая дочь свою Елену за польскаго короля, не требовалъ отъ него, что бы онъ принялъ греческую вѣру и вновь крестился“ . . . и проч. — Русскіе, съ своей стороны, говорили и писали пастору: отнюдь не все равно въ крещеніи — погрузить, облить или окропить; крещеніемъ, по апостолу, мы *спогребаемся* Христу *въ смерть* (Рим. 6, 3. 4), а это спогребеніе возможно только чрезъ погруженіе въ водѣ, а не чрезъ обливаніе ею или окропленіе. . . Потому то правила св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ единогласно повѣлываютъ крестить въ три погруженія. . . Греческое — *βαπτισμός*, крещеніе, означаетъ именно погруженіе и только погруженіе, а обливаніе или окропленіе по гречески называется иначе. . . Св. Іоаннъ Предпечя крестилъ народъ и самого Христа не водою, а *въ водѣ ѣв ѣдатъ*, какъ свидѣтельствуя всѣ евангелисты (Матѣ. 3, 11; Марк. 1, 8; Лук. 3, 16; Іоан. 1, 26), слѣдовательно чрезъ погруженіе, а не чрезъ обливаніе, или окропленіе. . . Крещеніе дѣйствительно неповторяемо, но только крещеніе истинное т. е. чрезъ троекратное погруженіе. А обливательное крещеніе, совершаемое у лютеранъ, не есть истинное, но еретическое, и потому даже вовсе „нѣсть крещеніе, но паче оскверненіе“, и крещенныхъ такимъ крещеніемъ правила апостольскія (прав. 47 и 50) и соборныя (I вселенск. соб. прав. 8 и 9) крестить снова не только не запрещаютъ, но повѣлываютъ“. . . Макарій XI, стр. 109—111.

Какъ извѣстно, эти споры не привели ни къ чему. Королевичъ Вольдемаръ такъ и не пожелалъ креститься вновь и 17 августа 1645 года со всѣмъ датскимъ носољствомъ былъ отпущенъ въ Данію¹⁾.

Не упомянуть о лютеранахъ и Большой Московскій соборъ 1667 года, отмѣнившій постановленіе собора 1620 года относительно присоединенія латинянъ, такъ что правило о при-

1) Въ то самое время, какъ въ Москвѣ происходили такіа жаркія пренія съ датскимъ принцемъ Вольдемаромъ о значеніи лютеранскаго крещенія, этимъ же вопросомъ занимались и въ Константинополѣ. Отецъ принца, датскій король, писалъ къ польскому королю, польскій къ молдавскому воеводѣ Василію, а послѣдній къ новому цареградскому патріарху Паревенію и просилъ его, чтобы разсудили: признавать ли крещеніе лютеранское и кальвинское, или нѣтъ. Патріархъ совѣщался со многими учеными людьми, въ томъ числѣ съ славившимся тогда учителемъ Мелетіемъ Сиригомъ, и созвалъ соборъ, на которомъ, послѣ многихъ розысканій и совѣщаній, рѣшили, что крещеніе лютеранское — не крещеніе и лютеранъ надобно крестить вновь: потому что они не крещаются чрезъ троекратное погруженіе, а только окропляются, и не водою, а разными пахучими жидкостями, да и самые попы ихъ не освящены. Польскій король писалъ также къ кіевскому митрополиту Петру Могилѣ, а Могила просилъ цареградскаго патріарха, чтобы онъ послалъ къ московскому государю извѣстнаго ему Мелетія Сирига и не велѣлъ во второй разъ крестить королевича Вольдемара. Но патріархъ и соборъ не приняли ходатайства кіевского митрополита. О всемъ этомъ царь Михаилъ Феодоровичъ получилъ разомъ (25 марта 1645 г.) три посланія: отъ цареградскаго грека Ивана Петра, отъ халкидонскаго митрополита Даніила и отъ Мелетія Сирига, который извѣщалъ вмѣстѣ, что засѣданія собора продолжались двадцать дней, но соборованіе еще не окончилось: хотятъ созвать больше архіереевъ. Макарій Т. XI, стр. 112—113.

Впрочемъ, изъ книги старца Арсенія Суханова (посланнаго, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, на Востокъ для изученія тамошнихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ), носящей названіе „Проскинитарій“ (поклонникъ) видно, что на Востокъ допускалось крещеніе чрезъ обливаніе, въ случаѣ болѣзни крещаемыхъ, при чемъ крещенные такимъ образомъ, по выздоровленіи, не перекрещивались, слѣдовательно обливательное крещеніе тамъ признавалось дѣйствительнымъ. Арсеній укорялъ въ этомъ грековъ: „А вы, греки, апостольскаго (50-го) правила не храните, въ купели въ три погруженія не креститесь, но, по новому римскому уставу, обливаетесь и покропляетесь . . .; у васъ въ Греціи, также и у валаховъ, не сыщешь ни одного человѣка, крещеннаго правымъ крещеніемъ, и вы мало не соединяетесь съ римлянами“, при чемъ добавлялъ: . . . „если свѣдаютъ въ Москвѣ про ваше обливаніе, то и васъ станутъ крестить“. Тамъ же, стр. 141—161.

соединеніи лютеранъ чрезъ крещеніе оставалось въ силѣ въ велико-русской церкви до 1718 года¹⁾, когда императоръ Петръ I получилъ отъ константинопольскаго патріарха Іереміи грамоту, въ которой, въ отвѣтъ, на вопросъ о принятіи въ Православную Церковь лютеранъ, онъ писалъ, что лютеране, какъ крестящіеся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, должны быть, при принятіи въ Православную Церковь, помазываемы только мѣромъ, и тогда соборомъ русскихъ іерарховъ постановлено было принимать ихъ чрезъ мѣропомазаніе²⁾.

Съ этого времени уже не только католики, но и протестанты были принимаемы въ Православную Церковь безъ перекрещиванія; но такъ какъ соборъ 1667 г. не положилъ различія между католиками мѣропомазанными, прежде обращенія къ православію, и не высказалъ ясно, что онъ признаетъ мѣропомазаніе римско-католической церкви истиннымъ и неповторяемымъ, то въ продолженіе почти столѣтія и оставалось разногласіе между церковью велико-россійскою и юго-западною, въ которой католиковъ, мѣропомазанныхъ отъ своихъ епископовъ, полагалось, но требнику Петра Могилы, присоединять къ православію чрезъ одно покаяніе съ отреченіемъ отъ заблужденій. Это разногласіе рѣшено было въ смыслѣ рѣшенія, заключающагося въ требникѣ Петра Могилы къ половинѣ XVIII вѣка, когда, по благословенію Святѣйшаго Синода, въ 1757 году издано „Чинопослѣдованіе соединяемыхъ изъ иновѣрныхъ къ православной каолическѣй восточной Церкви“, по которому для тѣхъ „схизматиковъ, иже крещени и мѣромъ помазани отъ своихъ отступническихъ іереевъ быша“, не положено повторенія мѣропомазанія, а чрезъ мѣропомазаніе положено присоединять къ православію только тѣхъ еретиковъ,

1) Въ 1671 г. изданъ былъ небольшой сборникъ царскаго духовника Савиновича, отъ котораго сохранился краткій отрывокъ: авторъ настаиваетъ здѣсь на необходимости перекрещиванія лютеранъ, въ случаѣ присоединенія ихъ къ православію. И. Соколовъ, стр. 125.

2) Еп. Сергій, стр. 127—128.

которые „крещеніе имѣютъ истинное въ три погруженія, прочія же святаы тайны и обычаи церковныя отмечаютъ и нынѣ многія ереси содержать¹⁾“. Правила эти сохраняютъ свою силу до настоящаго времени²⁾. Чинопослѣдованіе присоединяемымъ изъ иновѣрныхъ къ православной католической Церкви“, изданное въ 1757 г., вновь издано потомъ въ 1776, 1831 и 1845 годахъ, а въ 1858 году, исполнѣ согласно съ симъ чинопослѣдованіемъ, составленъ чинъ принятія латинянъ, лютеранъ, реформатовъ и армянъ³⁾.

Такимъ образомъ Православная Церковь имѣетъ у себя три чина присоединенія неправославныхъ мірянъ:

Черезъ крещеніе принимаетъ еретиковъ не вѣрующихъ въ Святую Троицу, но отвергающихъ, или искажающихъ произвольными формами таинство крещенія, а равно и тѣхъ раскольниковъ, которые не были крещены до обращенія къ Православной Церкви.

Черезъ миропомазаніе — еретиковъ, не отвергающихъ Святыя Троицы, но заблуждающихъ въ какихъ либо частныхъ истинахъ вѣры, крещенныхъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, хотя бы и чрезъ троекратное обливаніе, но не имѣю-

1) Тамъ же, стр. 128—129.

2) Въ 1797 г. опредѣленіемъ св. Синода (отъ 24 авг.) оказано было снисхожденіе большымъ католикамъ, реформатамъ и лютеранамъ, желающимъ обратиться въ православіе, такого рода: „если кто изъ нихъ пожелаетъ предъ кончиною принять наше исповѣданіе, такового присоединять къ нашей Церкви, въ разсужденіи краткости времени и слабости больного, при одной, съ возложеніемъ священнической руки, исповѣди, и удостовѣ потомъ причастія св. Таинъ, погребать, по кончинѣ его, по всему чиноположенію нашея церкви“ (Собр. Зак. Рос. Имп. № 18110). Но въ опредѣленіи 20 февр. 1800 г. приведенное постановленіе дополнено слѣдующимъ образомъ: „а кто не помазанъ святымъ мвромъ, то, помазавъ на челѣ онымъ, и удостовѣ потомъ причастія св. Таинъ, погребать, по его кончинѣ, по всему чиноположенію нашея Церкви (Тамъ же № 19289). Еп. Сергій, стр. 129—130 прим. — Однако и отъ опасно больного новообращаемаго требуется непремѣнно письменное заявленіе о желаніи обратиться въ православіе (См. Практ. Руковод. для священнослужителей П. Нечаева, стр. 181).

3) Еп. Сергій, стр. 129—130.

щихъ у себя законнаго, по преемству отъ Апостоловъ, священства и таинства мѣропомазанія (каковы всѣ протестанты), а равно и тѣхъ изъ римскихъ католиковъ, армянъ и нашихъ раскольниковъ, которые до обращенія къ православію не мѣропомазаны были почему-либо отъ своихъ епископовъ, или законно поставленныхъ пресвитеровъ.

Наконецъ, безъ крещенія и мѣропомазанія, *грезъ одно покаяніе съ отреченіемъ обращающихся отъ заблужденій* — римскихъ католиковъ, армянъ, мѣропомазанныхъ отъ своихъ епископовъ, и нашихъ раскольниковъ, мѣропомазанныхъ по крещеніи въ Православной Церкви ¹⁾.

Б. Рукоположеніе.

Священноначаліе положено въ самомъ основаніи Христовой Церкви и въ неирерывномъ преемствѣ его лежитъ законъ неизсякающаго дѣйствія благодати Божіей въ церквахъ ²⁾. Поэтому наша Православная Церковь поступала правильно, признавая дѣйствительнымъ и неповторимымъ священство такихъ неправославныхъ церквей, въ которыхъ оно сохраняется непрерывно по преемству отъ Апостоловъ, и не признавая дѣйствительнымъ священства въ такихъ неправославныхъ обществахъ, гдѣ нѣтъ такого преемства, или же — самое священство не признается таинствомъ. Такимъ образомъ она не признавала и не признаетъ дѣйствительности хиротоніи не только тѣхъ неправославныхъ, принятіе которыхъ въ Православную Церковь происходитъ чрезъ крещеніе (такъ какъ для дѣйствительности священства необходимымъ условіемъ является дѣйствительность крещенія), но принимаетъ въ качествѣ простыхъ мірянъ и тѣхъ неправославныхъ клириковъ, которые, при обращеніи къ святой соборной и апостольской Церкви, будутъ приняты посредствомъ

1) Тамъ же, стр. 131.

2) Христіанское Чтеніе. 1866, ч. II, сент., стр. 353.

мѣропомазанія (вторымъ чиномъ)¹⁾, такъ что, если изъ нихъ окажутся лица достойныя (*σπουδαῖοι*), то они (*ὡς λαῖχοι*) вновь рукополагаются въ томъ санѣ, въ которомъ были, держась ереси²⁾; напротивъ, священство тѣхъ неправославныхъ церквей, послѣдователи которыхъ принимаются въ Православную Церковь третьимъ чиномъ — чрезъ одно покаянiе съ отреченiемъ обращающихся отъ заблужденiй, Православная русская Церковь всегда признавала дѣйствительнымъ: не смотря на разность вѣроисповѣданiя, наша Церковь всегда, напримѣръ, признавала рукоположенiе священства въ церкви римской и армянской³⁾ и въ условiя совершеннаго воссоединенiя ихъ съ собою не вносила требованiя новаго рукоположенiя ихъ священнослужителей отъ православныхъ епископовъ⁴⁾.

Древнихъ примѣровъ присоединенiя къ нашей Церкви клириковъ собственно римско-католической церкви, какъ и другихъ неправославныхъ клириковъ, не встрѣчается⁵⁾. Примѣры эти относятся къ принятiю клириковъ-унiатовъ, рукоположенныхъ унiатскими епископами, при чемъ эти при-

1) Во время пренiй съ пасторомъ датскаго королевича Вольдемара Фильгоберомъ ему, между прочимъ, было сказано: „Да у васъ нѣтъ и священнаго чина поставленiя, по преданiю апостолъ и св. отецъ. Мы въ правду вѣдаемъ, что и ты, Матвей, не священъ, ни рукоположенъ съ возложенiемъ руку священничества: такъ же ты самъ и не крещенъ и не освященъ: како тебѣ и инѣхъ крестити и освящати? И какъ вамъ другихъ святити и крестити, когда вы сами ни отъ кого не освящены? У васъ нѣтъ ни святителя, ни церкви, ни св. иконъ“. . . Макарий, Т. XI, стр. 111.

2) Посланiе Константинопольскаго собора къ Мартирiю, епископу Антиохiйскому. *Εἴτα ὡς σπουδαῖοι λαῖχοι χειροτονοῦνται ὁ ἡσάν, εἴτε πρεσβύτεροι, εἴτε διάκονοι, εἴτε τι ἄλλο. (Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, т. IV, стр. 398—399).*

3) Хотя о клирикахъ армянской церкви нѣтъ прямыхъ и положительныхъ узаконенiй въ нашей Церкви.

4) Христiанское чтенiе. 1866, т. II сент., стр. 353. Точно такъ недавно русская Церковь приняла Сиро-Халдiйскихъ несторiанъ во главѣ съ ихъ архіепископомъ Маръ-Іоною. (Церк. Вѣдомости. 1898 г. № 13).

5) Въ письмѣ къ патріарху Никону (отъ 25 дек. 1656 г.) антиохiйскiй патріархъ Макарий, между прочимъ, писалъ: „Мы признаемъ ихъ (т. е. латинянъ) священство, и никогда не хиротонисаемъ вновь латинскихъ священниковъ, при обращенiи ихъ въ православiе“. Макарий, Т. XII стр. 197.

мѣры показываютъ, что древняя Церковь наша признавала рукоположенія уніатовъ истинными и не повторяла оныя, и принимала обращающихся къ православію клириковъ чрезъ одно покаяніе, вручая имъ лишь новыя ставленныя грамоты, вмѣсто прежнихъ, которыя даваемы были имъ уніатскими епископами ¹⁾.

Иногда, впрочемъ, новообращающимся уніатскимъ священникамъ, прежде вступленія ихъ въ служеніе въ Православной Церкви, назначались епитиміи, именно подначальственная жизнь въ какомъ нибудь монастырѣ, а нѣкоторые изъ нихъ даже муромазывались въ Православной нашей Церкви ²⁾. Въ 1839 году, при окончательномъ воссоединеніи съ Православною Церковью уніатовъ, клирики ихъ были приняты въ своихъ степеняхъ священства чрезъ одно письменное отреченіе отъ ихъ римскихъ заблужденій и исповѣданіе православной вѣры, поданное ими Святѣйшему Синоду; такимъ же образомъ приняты были въ 1875 году въ общеніе съ Православною Церковью клирики — уніаты Холмской епархіи ³⁾.

По дѣйствующему законодательству, „если духовное лицо римскаго исповѣданія желаетъ и по присоединеніи (къ Православной Церкви) оставаться въ духовномъ званіи: то Епархіальный Архіерей о признаніи его и о назначеніи ему должности и мѣста служенія представляетъ Святѣйшему Синоду съ своимъ мнѣніемъ и съ документами о званіи и церковной степени присоединяемаго ⁴⁾; если же онъ не желаетъ остаться въ духовномъ званіи, то епархіальное начальство беретъ отъ него подписку въ томъ, что онъ не будетъ употреблять иравъ, ни

1) Свидѣтельства тому изъ рукописнаго патріаршаго сборника XVII вѣка, принадлежащаго Московской синодальной бібліотекѣ (рукопись № 424), приведены у еп. Сергія (См. стр. 159—160).

2) Примѣры тому изъ того же патріаршаго сборника приведены у еп. Сергія (стр. 160—161).

3) Еп. Сергій, стр. 163.

4) При этомъ остающимся въ священствѣ не можетъ быть дозволено вступленіе въ бракъ.

совершать дѣйствій прежняго своего званія и не станетъ впредь просить о возвращеніи ему церковной степени, буде имѣлъ оную; и въ семъ случаѣ онъ присоединяется къ Церкви по чину мірянъ, безъ упоминанія объ оставленномъ имъ, по другому исповѣданію, званію“¹⁾).

Что касается протестантовъ, то, такъ какъ они отвергаютъ самое таинство священства, и должности священниковъ у нихъ отправляютъ міряне, нарочно для того избранные и извѣстные подъ именемъ „пасторовъ“ или „проповѣдниковъ“, о дѣйствительности у нихъ священства не можетъ быть и рѣчи; „пасторы“ или „проповѣдники“ протестантовъ, въ случаѣ присоединенія ихъ къ Православной Церкви, послѣ совершенія такового чрезъ миропомазаніе, принимаются въ число простыхъ мірянъ.

В. Бракъ.

Требуя отъ супруговъ полнаго общенія не только физическаго, но и нравственнаго, а также религіознаго, Православная русская Церковь смотрѣла неодобрительно на браки православныхъ съ лицами неправославными. Поэтому такъ наз. смѣшанные браки на Руси до Петра Вел. вообще не допускались. Еще преподобный Θεодосій печерскій, а также митрополиты Георгій, Іоаннъ II и Никифоръ въ дошедшихъ до насъ посланіяхъ, излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ вѣрѣ латинской и ея послѣдователямъ, между прочимъ, запрещаютъ православнымъ имѣть съ ними общеніе по дѣламъ брачнымъ²⁾. Наши архіереи, предъ рукоположеніемъ, давали

1) Уст. Дух. Консисторій, ст. 30.

2) Митрополитъ Іоаннъ II ясно не одобрялъ такихъ союзовъ, говоря, что весьма неприлично правовѣрнымъ князьямъ отдавать дочерей своихъ въ страны, гдѣ служатъ на опрѣснокѣхъ, и что, по закону, православные должны сочетаваться только съ православными. Макарій, Т. II, стр. 322 (сравн. стр. 372). Именно, церковное правило митроп. Іоанна (Русск. достопамят. ч. I с. 94) Пр. 6 гласитъ: „Иже дщерь благовѣрнаго князя даяти замужъ въ ину страну, иде служить опрѣсноки и сквърнояденнымъ отмѣ-

обѣтъ, что они не позволяютъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства какъ съ армянами, такъ латинянами: „не оставить во всемъ своемъ предѣлѣ, говорилось въ клятвенномъ обѣщаніи, даваемомъ епископомъ, ни единого отъ наніея православныя вѣры къ арменомъ свадьбы творити, такожде и къ латиномъ; аще ли же который поитъ отай мене сотворитъ, мнѣ повѣдати о томъ господину моему митрополиту“¹⁾. Такое же обѣщаніе давали и сами митрополиты при своемъ поставленіи²⁾. О томъ же напоминали и всякое отступленіе обличали пастыри — каждый въ своей епархіи³⁾.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича (гл. 16 ст. 19 говорится): „А будетъ за котораго за крещенаго иноземца сговорятъ замужъ вдова дворянская, или сына боярскаго жена, съ прожиточнымъ помѣстьемъ: и той вдовѣ по тому же съ прожиточнымъ своимъ помѣстьемъ за крещенаго иноземца замужъ итти вольно“. Здѣсь, говоритъ Неволинъ, два раза повторяется слово крещеный, и очевидно имѣется въ виду та мысль, что только однимъ крещенымъ (въ православную вѣру) иноземцамъ можно вступать въ такіе браки, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь⁴⁾.

таются? недостойно и зѣло неподобно правовѣрнымъ се створити своимъ дѣтемъ съчтаниемъ: божествныхъ уставъ и мирьскыи уставъ тояже вѣры благовѣрство повелѣваетъ поимати. К. Неволинъ. Исторія російскихъ гражданскихъ законовъ. Т. I, СПб. 1851, стр. 273, прим. 910.

1) 1424 Акт. эксп. 1. Правосл. Собесѣдн. 1859, ч. III, стр. 219—220. Новгородскій владыка, подобно всѣмъ прочимъ епископамъ, давалъ въ своемъ исповѣданіи предъ рукоположеніемъ обѣтъ не дозволять во всемъ своемъ предѣлѣ православнымъ ни свадьбы, ни кумовства, какъ съ армянами, такъ и съ латинами.

2) 1645—1652 въ Акт. истор. Тамъ же, стр. 220.

3) Посланіе митроп. Іоны Вятскому духовенству около 1452 г. (Акты истор. т. I, с. 491): „Слышимъ: како тамошніи ваши духовніи дѣти незаконно живутъ..., и съ отлученными отъ Божія Церкви и съ погаными и нечестивыми челоувѣки съвѣкупаются“. Неволинъ, Т. I, стр. 273—274, примѣч. 911.

4) Неволинъ, Т. I, стр. 274, прим. 911. Наконецъ, продолжаетъ Неволинъ, данное въ 1721 г. разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Сѣнода вѣнчать браки

Наши русскіе князья хотя вступали въ родственныя связи съ царственными домами и неправославнаго исповѣданія, преимущественно съ домами королевъ польскихъ и венгерскихъ, т. е. съ католиками, однако, при такихъ бракахъ, лица неправославныя принимали православіе ¹⁾. Такъ, дочь норвежскаго короля Олофа, по имени Индигерда, вышедшая замужъ за великаго князя Ярослава, по современному свидѣтельству митрополита Иларіона, вмѣстѣ съ супругомъ и всѣми дѣтьми, содержала у насъ *правовѣріе*, преданное св. Владиміромъ, и называлась уже новымъ именемъ Ирины, которое, можетъ быть, получила вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ приняла православіе ²⁾. Изъ нашихъ лѣтописей извѣстно, что дочь польскаго короля Казиміра, по имени Марія, вышедшая въ 1179 г. за нашего князя Всеволода Святославича Чермнаго, скончалась въ томъ же году, принявъ схиму, и погребена въ Троицкой церкви Кирилловскаго монастыря, которую сама создала: значитъ была уже православная, а не католичка ³⁾.

Съ другой стороны, наши великіе князья выдавали своихъ дочерей за иновѣрцевъ только подъ условіемъ — не принуждать ихъ къ перемѣнѣ православной вѣры, и при томъ только въ исключительныхъ случаяхъ, когда думали способствовать, при помощи такихъ брачныхъ союзовъ, выгодамъ государства, примѣромъ чего можетъ служить упомянутый нами бракъ дочери великаго князя Ивана III Елены съ литовскимъ великимъ княземъ Александромъ ⁴⁾.

лишь иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій съ лицами православнаго исповѣданія служить также доказательствомъ, что прежде такіе браки не дозволялись. Тамъ же.

1) Не подлежитъ сомнѣнію, говорить митр. Макарій, что, при такихъ бракахъ, католики должны были перемѣнять свою вѣру на православную. Т. III, стр. 292

2) Впослѣдствіи она была причтена русскою Церковью къ лику святыхъ. Макарій. Т. I, стр. 244—246.

3) Макарій. Т. III, стр. 292.

4) „Государь Иванъ Васильевичъ отдалъ свою дочь за польскаго короля, по его прошенію, отдалъ потому, что желалъ быть съ нимъ въ любви и совѣтѣ, для утвержденія мирнаго“. Макарій. Т. XI, стр. 112. —

Послѣ смутнаго времени, когда отечество наше претерпѣло не мало бѣдъ отъ католиковъ-поляковъ, взглядъ русской Церкви относительно смѣшанныхъ браковъ могъ сдѣлаться только еще болѣе строгимъ. Бракъ православнаго съ лицомъ неправославнымъ теперь рѣшительно не могъ состояться безъ перехода его въ православіе; нагляднымъ доказательствомъ тому служить сватовство датскаго королевича Вольдемара за старшую дочь царя Михаила Оеодоровича, Принцу, о чемъ мы уже упоминали. Какъ ни заманчивъ представлялся царю этотъ бракъ, онъ не могъ состояться безъ перемѣны Вольдемаромъ лютеранства на православіе, при чемъ перемѣна эта должна была произойти чрезъ перекрещиваніе Вольдемара. Послѣдній на это не согласился, и бракъ этотъ не состоялся¹⁾.

Разсказывая объ отношеніи русскихъ къ католикамъ и о томъ, что русскіе никого никогда не обращаютъ въ свою вѣру, Олеарій подтверждаетъ однако, что они не допускаютъ смѣшанныхъ браковъ, требуя, чтобы оба супруга исповѣдывали православіе²⁾.

Въ первый разъ на Руси формально разрѣшены смѣ-

Исторія сохранила одинъ фактъ выдачи православной княжны замужъ даже за язычника. Именно, язычникъ Ольгердъ (сынъ литовскаго князя Гедемина) женился на Іуліаніи, дочери Александра Михайловича Тверскаго (свояченицѣ великаго князя Симеона). „Сіе бракосочетаніе, говоритъ Карамзинъ (Исторія государства Россійскаго, т. IV, стр. 268) затрудняло совѣсть Великаго Князя; но Митрополитъ Теогностъ благословилъ оное. въ надеждѣ, какъ вѣроятно, что Ольгердъ рано или поздно будетъ Христіаниномъ, и съ условіемъ, что бы его дѣти воспитывались въ истинной Вѣрѣ“.

1) Когда королевичъ заявилъ царю, что „въ ихъ государствахъ мужъ держитъ свою вѣру, а жена другую, и онъ вѣры своей перемѣнить не можетъ“, то царь отвѣтилъ на это: „не только въ государскихъ нашихъ чинахъ, но и въ простыхъ людяхъ мужъ съ женою въ разной вѣрѣ быть не могутъ; а потому не худо бы королевичу подумать да поговорить отъ книгъ съ духовными людьми, не согласится ли онъ перемѣнить своей вѣры на наше св. благочестіе“. И. Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. Москва. 1880, стр. 101. . . „Потому что иначе и законному браку его съ царскою дочерью никакъ быть нельзя.“ Макарій. XI, стр. 106.

2) Толстой, т. I, стр. 99.

шанные браки (т. е. браки лицъ православныхъ съ неправославными) въ 1721 году по слѣдующему случаю: Въ 1720 г., „по имянному Его Царскаго Величества указу, посланы въ Сибирскую губернію, для пріиску рудныхъ мѣстъ и строенія и размноженія тамо заводовъ, отъ артиллеріи капитанъ Василій Татищевъ да бергъ-мейстеръ Бліеръ съ прочими“ и велѣно имъ принимать на службу шведскихъ плѣнныхъ, годныхъ къ рудному дѣлу. Плѣнные охотно соглашались на предложеніе, но выговаривали условіе, чтобы имъ позволено было, безъ перемѣны вѣры, жениться на русскихъ женщинахъ, потому что женъ своей вѣры имъ негдѣ было взять въ Сибири. Татищевъ и Бліеръ представили объ этомъ въ Бергъ-Коллегію, а Бергъ-Коллегія Святѣйшему Синоду. Св. Синодъ нашелъ, что смѣшанный бракъ православнаго съ лицомъ другой религіи или другого вѣроисповѣданія „не есть самъ собою нечистъ, или богомерзкъ, и лице вѣрное самимъ ложа сообщеніемъ оскверняющій“, что запрещеніе смѣшанныхъ браковъ постановлено Церковью не потому „аки бы самъ собою былъ онъ (смѣшанный бракъ) беззаконный, но токмо для нѣкоего бѣдства, таковому браку слѣдовати могущаго, инаиначе же дабы вѣрное лицо не совратилося зловѣрію невѣрнаго или иновѣрнаго своего подружія“, и что, слѣдовательно, „когда будетъ сильное и довольное (противъ того) оберегательство, тогда безъ всякаго сумнительства можетъ вѣрное лицо съ невѣрнымъ или иновѣрнымъ сочетатися“. Далѣе, постановленіе свое о разрѣшеніи смѣшанныхъ браковъ Св. Синодъ оправдывалъ многочисленными примѣрами подобныхъ браковъ, заимствованными имъ изъ Свящ. Писанія, а также изъ исторіи; между прочимъ, указывалъ на примѣръ браковъ — дочери великаго князя Ярослава, Анны (въ 1060 году), съ французскимъ королемъ Генрихомъ I; великой княгини Елены Іоанновны съ Александромъ, королемъ польскимъ и др.¹⁾

1) Полное Собр. Постанов. и Распор. по Вѣдом. Правосл. Исповѣд. Изд. 2-е. № 131 Т. I. (Стр. 182—183.) № 173 (стр. 222—227).

На основаніи всего этого Св. Синодъ дозволилъ шведскимъ плѣннымъ, присягнувшимъ на вѣчную службу Царскому Величеству, а равно и тѣмъ, если бы кто и впредь пожелалъ поступить въ царскую службу, обязавшись вѣчною присягой, жениться на русскихъ дѣвкахъ и вдовахъ, безъ перемѣны своей вѣры, но съ тѣмъ, чтобы женихъ, прежде совершенія брака, далъ письменное обязательство въ томъ, что, во 1-хъ, онъ ничѣмъ — ни обольщеніями, ни угрозами не будетъ склонять свою православную невѣсту, будущую жену, въ свое исповѣданіе и не будетъ дѣлать ей поношеній и укоризнъ за исповѣданіе православной вѣры; во 2-хъ, въ томъ, что онъ будетъ крестить и воспитывать дѣтей по правиламъ православной вѣры. Дозволеніе это дано указомъ Св. Синода 23 іюня 1721 года¹⁾. Въ томъ же году (24 іюля) Св. Синодомъ сдѣлано было распоряженіе о напечатаніи для народа извѣстія о томъ, по какой причинѣ разрѣшены были браки иновѣрцевъ съ православными женскаго пола, „дабы, вѣдая вину оныхъ браковъ, были безсумнительны“²⁾. И дѣйствительно, 18-го августа того же года Св. Синодъ издалъ обширное „посланіе къ православнымъ о безпрепятственномъ имъ вступленіи въ бракъ съ иновѣрцами“³⁾, въ которомъ какъ мы видѣли подробно изложилъ доказательства допустимости такихъ браковъ. Въ декабрѣ (4-го) того же года Св. Синодъ опредѣлилъ разослать по всѣмъ епархіямъ, на имя епархіальныхъ архіереевъ, при указахъ Его Императорскаго Величества, напечатанныя книжки о бракахъ правовѣрныхъ лицъ съ иновѣрными⁴⁾.

На указанныхъ выше основаніяхъ были дозволяемы смѣшанные браки православныхъ съ неправославными и въ послѣдующее время.

Между тѣмъ отъ иновѣрцевъ, какъ русскихъ подданныхъ,

1) Полн. Собр. Постанов. и Распор. № 131.

2) Тамъ же № 154.

3) Тамъ же № 173.

4) Тамъ же № 333.

такъ и иностранныхъ, приносимы были нерѣдко на Высочайшее имя прошенія о дозволеніи имъ вступить въ бракъ съ Русскими подданными Православнаго исповѣданія, съ изъятіемъ существующихъ на этотъ предметъ постановленій, вслѣдствіе чего вопросъ этотъ Высочайшимъ повелѣніемъ (1832 г.) предложенъ былъ на разсмотрѣніе Св. Синода.

Синодъ, по внимательномъ разсмотрѣніи предложеннаго дѣла и соображеніи его съ существующими узаконеніями, нашелъ, что „закономъ 1721 г. (авг. 18) разрѣшено иновѣрцамъ иныхъ христіанскихъ исповѣданій вступать въ супружество съ Русскими тогда только, когда они: 1) сами примутъ Россійское подданство, и 2) обяжутся письменно не совращать жены въ свое вѣроисповѣданіе и послѣдующихъ отъ нихъ дѣтей крестить и воспитывать въ Греко-россійской Вѣрѣ, и сіе разрѣшеніе предоставлено духовной власти. Вступленіе же иновѣрцамъ въ браки съ Русскими, безъ принятія подданства, какъ съ обязательствомъ, такъ и безъ обязательства, рождаемыхъ въ таковыхъ бракахъ дѣтей крестить и воспитывать въ Греко-россійскомъ законѣ, всегда разрѣшалось одною Высочайшею Властью по особеннымъ уваженіямъ. Правила сіи, свыше ста лѣтъ существующія, не стѣсняя ни иновѣрцевъ, ни Русскихъ въ заключеніи брачныхъ союзовъ, съ тѣмъ вмѣстѣ удерживаютъ отъ того легкомысленныхъ, которые могли бы искать подобнаго соединенія необдуманно, по одному побужденію страсти, а симъ полагаютъ прочное основаніе продолженію таковыхъ союзовъ. Напротивъ, измѣненіе сихъ правилъ, т. е. свободное разрѣшеніе иновѣрцамъ браковъ съ Россійскими подданными, безъ принятія подданства первыми, а только съ обязательствомъ рождаемыхъ отъ сего сопряженія дѣтей крестить и воспитывать въ нашемъ вѣроисповѣданіи и не отвлекать отъ онаго женъ, можетъ, во первыхъ, умножить число таковыхъ искателей, а во вторыхъ, и что важнѣе всего, ослабить прочность брачнаго союза“.

По этимъ соображеніямъ Синодъ, „охраняя твердость брака, какъ таинства нашей Православной Церкви, отъ тако-

выхъ необдуманныхъ въ оный посяганій и въ отвращеніе всѣхъ послѣдствій разлученія иновѣрцевъ съ женами и дѣтьми ихъ, нротивныхъ религіи и нравственности, при томъ различая состояніе иностранки, которая, входя въ Русское семейство, удобно дѣлается постояннымъ членомъ онаго, отъ положенія иностранца, который, жениась на Русской, всегда болѣе можетъ сохранить и побужденій и способовъ къ удаленію за границу — полагалъ постановить на сей предметъ слѣдующія правила: 1. Если за Русскаго подданнаго И православнаго исповѣданія хочетъ выйти въ замужество иностранка другого исповѣданія, то бракъ сей разрѣшать духовному начальству, на основаніи закона 1721 г. (авг. 18), безъ испрашиванія на сіе В ы с о ч а й ш а г о разрѣшенія и совершать оный въ Православной Церкви, чрезъ Православнаго священника. 2. Если иновѣрецъ, не Русскій подданный, проситъ дозволенія жениться на Русской подданной, Православнаго исповѣданія, безъ принятія ирисяги на подданство, то въ таковыхъ просьбахъ, по прежнему, духовное начальство имѣетъ отказывать. 3. Исключенія изъ сего втораго правила, каковыя иногда дѣлаемы были по особымъ уваженіямъ и по В ы с о ч а й ш е м у снисхожденію, предоставить и впредь единственно В ы с о ч а й ш е м у усмотрѣнію.“ Правила эти были утверждены Государемъ Императоромъ (1833 г. іюня 10-го¹⁾).

Въ Синодскомъ опредѣленіи 1721 г. не было означено, кѣмъ должно быть даваемо разрѣшеніе на бракъ лица иностраннаго христіанскаго исповѣданія съ лицомъ Православнаго исповѣданія. Изъ позднѣйшихъ узаконеній мы видимъ, что оно было даваемо епархіальнымъ архіереемъ. Въ 1840 г. Синодъ, съ В ы с о ч а й ш а г о соизволенія, положилъ разрѣиить приходскимъ священникамъ, чтобы они къ повѣнчанію браковъ лицъ Православныхъ съ иновѣрными, если къ тому нѣтъ законныхъ препятствій, могли отнынѣ приступать сами, безъ

1) Указъ 1833 г. авг. 26, въ Собр. Зак. № 6406. Неволинъ. Исторія російск. гражд. законовъ. Т. I, стр. 276—277.

испрошенія на то каждый разъ разрѣшенія епархіальныхъ архіереевъ ¹⁾).

Въ опредѣленіи Святѣйшаго Синода 1721 г. предполагалось, что бракъ вѣнчается Православнымъ священникомъ, но возникалъ воирость: въ одной-ли Православной церкви долженъ быть вѣнчаемъ бракъ лица Православнаго исповѣданія съ лицомъ другого христіанскаго исповѣданія, или онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, можетъ быть вѣнчаемъ въ церквахъ обоихъ исповѣданій. Въ 1805 г. Святѣйшимъ Синодомъ, по частному случаю, было выражено правило, что бракъ лица Православнаго исповѣданія съ лицомъ другого христіанскаго исповѣданія долженъ быть вѣнчанъ непременно Православнымъ священникомъ ²⁾. Въ Высочайшемъ указѣ 1832 г. предполагается, что бракъ лица Православнаго исповѣданія съ лицомъ другаго христіанскаго исповѣданія можетъ быть вѣнчанъ въ церквахъ обоихъ исповѣданій. Этимъ указомъ было постановлено, что браки лицъ Православнаго исповѣданія съ лицами римско-католическаго, совершенные одними римско-католическими священниками, почитаются недѣйствительными, доколѣ тотъ же бракъ не обвѣнчанъ Православнымъ священникомъ ³⁾).

Наконецъ, 10-го февраля 1864 года Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта разрѣшено вѣнчать невѣсть Православнаго исповѣданія съ женихами иновѣрными, не состоящими въ русскомъ подданствѣ, безъ исправиванія особаго Высочайшаго соизволенія и безъ обязательства принять русское подданство ⁴⁾).

Г. Религіозное общеніе.

Весьма дорожа своею православною вѣрою и желая сохранить ее въ чистотѣ, а также, въ виду огражденія право-

1) 1840 г. март. 20. Собр. Зак. № 13278. Неволинъ. Тамъ же, стр. 278.

2) 1805 г. ноябр. 15. Собр. Зак. № 21949. Ср. 1832 г. ноябр. 23. Собр. Зак. № 5767. Неволинъ. Тамъ же, стр. 279—280.

3) 1832, ноябр. 23. Собр. Зак. № 5767. Неволинъ. Тамъ же, стр. 280.

4) Собр. Зак. № 40588.

славныхъ отъ совращенія въ иное вѣроисповѣданіе, предки наши строго соблюдали предписанія Церкви, запрещающія православнымъ всякое религіозное общеніе съ иновѣрцами¹⁾. Въ дошедшихъ до насъ памятникахъ не только находятся свидѣтельства о запрещеніи православнымъ участвовать въ молитвахъ съ неправославными (входить въ ихъ храмы²⁾) а также о запрещеніи дозволять неправославнымъ посѣщать православныя церкви, въ особенности же имѣть общеніе въ Причастіи Св. Таинъ³⁾, но встрѣчаются даже указанія на неодобреніе близкаго житейскаго общенія съ ними.

Въ „Словѣ на латиновъ и лютеровъ“ приводится, между прочимъ, одно интересное въ этомъ отношеніи повѣствованіе. Въ монастырѣ св. Оеодосія, говорится здѣсь, жилъ одинъ инокъ, который, но неразумнью, заходилъ въ церкви, какія попадались ему: Египтянъ, Армянъ и другихъ еретиковъ. Явился ему Ангелъ и спросилъ: „скажи, старче, когда умрешь, какъ хочешь, чтобы тебя погребли — по-египетски, армянски, т. е. еретически или по іерусалимски?“

1) Апост. прав. 45, 65; Лаод. соб. прав. 6, 9, 33, 37; Тимоѳ. Алекс. пр. 9.

2) Храмы латинянъ наши предки не хотѣли даже называть храмами или церквами, а называли божницами, въ отличіе отъ своихъ, православныхъ церквей и храмовъ. Макарій. Т. VIII, стр. 371.

3) На основаніи указа Св. Синода 17 іюня 1818 г. и 22 декабря 1833 г., иноисповѣдныя христіане ни въ какомъ случаѣ, — хотя бы и во время болѣзни и за неимѣніемъ духовнаго лица, — не должны быть принимаемы православнымъ священникомъ на исповѣдь, безъ предварительнаго присоединенія ихъ къ Православной Церкви. — На разсмотрѣніи уфимскаго епархіальнаго начальства находилось дѣло о допущеніи священниками одной изъ переквей уфимской епархіи къ исповѣди и Св. Причастію иновѣрца армяно-грегоріанскаго исповѣданія, не присоединеннаго къ Православной Церкви, на основаніи его заявленія, что онъ неоднократно и равнѣ исполнялъ долгъ исповѣди и Св. Причастія въ Православной Церкви. Такъ какъ такое незаконное вторженіе иновѣрца въ права, принадлежащія только православнымъ христіанамъ, произошло отъ недостаточнаго разумнія упомянутыми священниками ихъ пастырскаго долга, то виновные въ нарушеніи правилъ Св. Церкви, подвергнуты домашнему взысканію. Чтобы подобные случаи на будущее время не повторялись среди духовенства епархіи, уфимская консисторія дала знать духовенству епархіи, чтобы оно отнюдь не допускало иновѣрцевъ-христіанъ къ принятію Св. Таинъ, безъ предварительнаго присоединенія къ Св. Православной Церкви по чину, положенному на сей случай.

Старецъ отвѣчалъ: „не знаю“. „Подумай о томъ, приду къ тебѣ черезъ три недѣли, и ты повѣдай мнѣ“, сказалъ Ангелъ. Пошелъ старецъ къ другому монаху и сообщилъ ему о сновидѣніи. Этотъ разъяснилъ ему, что, посѣщая иновѣрные церкви, онъ дѣлается чуждымъ своей Апостольской, и совѣтовалъ ему отвѣтить Ангелу, что желаетъ быть погребеннымъ по іерусалимски. Инокъ такъ и поступилъ. Снова явившійся Ангелъ сказалъ ему: „добро, ты освободилъ свою душу отъ муки“. Это намъ въ поученіе, чтобы мы не слушали пѣнія еретическаго, латинскаго, армянскаго, лютерскаго и другаго, чтобы заходили въ одни свои церкви, да не погубимъ труда добродѣтельнаго и съ нечестивыми не будемъ осуждены отъ Господа ¹⁾. — Великій князь Іоаннъ III, отправляя свою дочь въ Литву, между прочимъ, наказалъ ей: Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александра, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божницу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить ²⁾. — Въ свою очередь, недопускались и въ православные храмы лица неправославныя. Въ „Выпискѣ въ Посольскомъ приказѣ“ читаемъ: II Онтонію (Поссевину) сказано: „Которые торговые люди учнутъ пріѣзжать въ Московское государство римского закону, и священники съ ними будутъ римского жъ закону, и которые безъ поновъ своихъ учнутъ пріѣзжать, и тѣмъ по своему закону въ молбѣ во всемъ воля въ своихъ домѣхъ, а ко христіанской церкви приходить не пригоже и не пустятъ; а которые Римляня на Москвѣ помрутъ, и ихъ бы хоронили

1) Слово на латиновъ и лютеровъ, появившееся, какъ полагаютъ въ 90-хъ годахъ XVII стол. и принадлежащее, какъ думаютъ, перу Игнатія (Корсакова), архимандрита московскаго Спасова Новаго монастыря, впоследствии тобольскаго митрополита, найдено профессоромъ Харьковскаго университета А. С. Лебедевымъ и издано имъ въ „Чтеніяхъ Импер. Москов. Общ. Истор. и Древ. Россійскихъ“ 1884 г. кн. III, отд. II. Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи, стр. 223—224.

2) С. Соловьевъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. V, М. 1872, стр. 133.

за городомъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ, а у церквей ихъ похоронять не доведетца и Россійской вѣрѣ противно“¹⁾. Правда, въ торжественныхъ случаяхъ Іоаннъ Грозный приглашалъ иногда и иностранныхъ пословъ-латинянъ присутствовать при нашемъ богослуженіи, но въ другое время самъ же совѣтовалъ не входить въ русскую церковь, чтобы не подвергнуться нареканію отъ православныхъ²⁾; за то протестантамъ Іоаннъ Грозный входа въ русскую церковь вовсе не позволялъ, имѣя, конечно въ виду, что католики, подобно православнымъ, признають и призываніе Святыхъ въ молитвахъ, и поклоненіе иконамъ, а лютеране не признають: пригласивъ, наприм., Антонія Поссевина въ Успенскій соборъ, онъ тутъ же присовокупилъ: „только смотри, Антоній, не введи съ собою въ церковь кого либо изъ лютеранъ“³⁾. — Не были допускаемы въ православные храмы даже лица заподозрѣнные въ нетвердости въ православіи. Когда въ 1629 году новгородскіе воеводы спросили государя (Михаила Ѳеодоровича), пускать

1) Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностр. испов. въ Россіи. Прилож., стр. IX. Поссев. *De rebus Moscovit.* у Старчев. II, 278. Герберштейнъ въ оба свои посольства присутствовалъ при богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ 15 августа, т. е. въ храмовой праздникъ. (Записки о Московіи). Но Кобенцелю государь не совѣтовалъ входить въ русскую церковь по означенной причинѣ. (*De legat. ad Moscovit.*, у Старчев. II, 14). Макарій, Т. VIII, стр. 372 примѣч.

2) Уже упомянутый нами старецъ Троице-Сергіевой лавры Арсеній Сухановъ, посланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и патріархомъ Іосифомъ на Востокъ для изученія тамошнихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, тоже укорялъ грековъ въ нарушеніи церковныхъ правилъ относительно религіознаго общенія съ лицами неправославными: „Св. апостолы, говорилъ онъ, въ своихъ правилахъ повелѣли вѣрнымъ съ еретиками не молиться въ церкви, а вы, греки, молитесь въ одной церкви вмѣстѣ съ армянами, римлянами и франками и святыню имъ даете на обѣднѣ“. Макарій. Т. XI, стр. 150.

3) Поссев. у Старч. II. 300. 315: *vide, Antoni, ne lutheranum aliquem in ecclesiam inducas.* Макарій. Т. VIII, 411 примѣч. — Ульфелъдъ, протестантъ, пріѣзжавшій посломъ датскаго короля къ нашему государю въ 1575 г., также рассказываетъ о себѣ, что когда онъ въ Псковѣ пожелалъ войти въ одну монастырскую церковь, то его не впустили, какъ недостойнаго. (*Legat. Moscovit.* у Старч. I, 6). Макарій. Т. VIII, стр. 411.

ли имъ въ Кремль и Софійскій соборъ для поклоненія угодникамъ Божиимъ русскихъ людей, которые приходятъ изъ уступленныхъ Швеціи городовъ и уѣздовъ и сами иросятъ о томъ, отъ государя послѣдовалъ приказъ, чтобы воеводы предварительно развѣдывали, не пошатнулись ли эти русскіе люди въ православіи и не пристали ли къ лютеровой вѣрѣ: тѣхъ, которые окажутся еще твердыми въ православіи, пускать въ церкви, находящіяся въ посадѣ, но не въ Кремль и не въ Софійскій соборъ; а тѣхъ, которые уже пошатнулись въ православіи и пристали къ лютеровой вѣрѣ, не пускать и въ посадскія церкви, чтобы „нашей православной вѣрѣ поруганія не было“¹⁾. — Наши архіереи продолжали также повторять, предъ рукоположеніемъ своимъ, и тотъ обѣтъ, чтобы они не позволяли никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства, какъ съ армянами, такъ и съ латинами²⁾.

Даже въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ русскіе старались избѣгать иновѣрцевъ, не ожидая отъ близости къ нимъ ничего хорошаго. Въ одномъ изъ посланій къ псковичамъ митрополитъ Фотій (въ началѣ XV в.) заповѣдуетъ, чтобы православные не вкушали удавленины и чтобы съѣстные припасы, приносимые изъ нѣмецкой земли, вино, хлѣбъ, овощи, предварительно были очищаемы молитвою отъ іерея и потомъ употребляемы въ пищу³⁾. Даже при Петрѣ В. патріархъ Іоакимъ, приглашенный однажды (28 февр. 1690 г.) за торжественный столъ, рѣшительно отказался присутствовать, если будутъ допущены иноземцы и царь долженъ былъ уступить патріарху. Приближаясь къ смерти († 17 марта 1690 г.), онъ оставилъ духовное завѣщаніе⁴⁾, въ которомъ, вмѣстѣ съ заповѣдью государямъ, какъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, оставаться вѣрными

1) Макарій. Т. XI, стр. 22—23.

2) Акт. Эк. I, стр. 471. Макарій. Т. VIII, стр. 372.

3) Макарій. Т. V, стр. 29.

4) Рукопись Москов. Синод. Библ. № 422, л. 24—30. Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима. Издан. Общ. Древ. Письмен. 1879 г., № XLVII, стр. 120—138.

православію, онъ молилъ ихъ, чтобы они не допускали русскихъ до дружбы съ иновѣрцами, латинянами, лютеранами, кальвинами и другими и настрого воспретили, чтобы иноземцы, „пришедъ сюда, въ благочестивое царство, вѣрѣ своихъ не проповѣдывали, во укоризну о вѣрѣ не разговаривали бы ни съ кѣмъ и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересямъ на прелесть христіанамъ не вносили бы“, просилъ также не опредѣлять ихъ на высшія должности ни въ войскѣ, ни въ судѣ, а также не позволять строить имъ „молбищныхъ по прелестямъ ихъ соборищъ еретическихъ“, а какія уже и есть, и тѣ годно было бы снести, потому что въ нихъ много чинится хулы на Православную вѣру и на Русскихъ и такъ какъ въ самыхъ иностранныхъ государствахъ нѣтъ ни одной Православно-русской церкви¹⁾.

Съ теченіемъ времени это строгое отношеніе къ иновѣрцамъ смягчилось. Но и въ настоящее время спорнымъ является вопросъ о томъ возможна-ли молитва за умершихъ иновѣрцевъ. Вопросъ этотъ не всѣми рѣшается одинаково: одни отрицаютъ возможность такихъ молитвъ, ссылаясь, главнымъ образомъ, на отсутствіе въ канонахъ церковныхъ положительнаго основанія для оныхъ; другіе же (между ними, какъ увидимъ ниже, нѣкоторые выдающіеся русскіе богословы) допускаютъ ихъ, руководясь, съ одной стороны, широтою христіанской любви и вѣротерпимости, которая всегда свойственна была Православной Церкви, а съ другой, пастырски входя въ нравственное состояніе тѣхъ православныхъ христіанъ, которые, состоя при жизни умершихъ иновѣрцевъ въ самыхъ тѣсныхъ родственныхъ съ ними связяхъ (напр. дѣти къ родителямъ), или близкихъ служебныхъ и нравственныхъ сношенійхъ, просятъ священника не отказать имъ въ христіанскомъ утѣшеніи помолиться съ ними объ упокоеніи души усопшаго иновѣрца-христіанина. Послѣдняго взгляда придерживался, между прочимъ, и знаменитый митрополитъ московскій Филаретъ, допус-

1) Цвѣтаевъ. Изъ исторіи иностр. испов. въ Россіи, стр. 245—246.

кавій домашній молитвы и панихиды въ домѣ за умершихъ лютеранъ. (Письма его къ Антонію. Т. IV, стр. 277—278). Но при этомъ онъ считалъ основаніемъ возможности молитвы за умершихъ иновѣрцевъ почтительное и уважительное отношеніе этихъ послѣднихъ, при ихъ жизни, къ вѣрѣ православной, со всѣми ея учрежденіями, обрядами и обычаями; иновѣрцы, презрительно или враждебно относившіеся, при жизни своей, къ вѣрѣ и Церкви православнымъ, никакихъ молитвъ со стороны этой Церкви не заслуживаютъ (Собр. мнѣній къ отзыв. митр. Филарета, томъ дополн. № 56)¹⁾. Съ митр. Филаретомъ вполне согласенъ современный извѣстный богословъ — епископъ Сильвестръ, который пишетъ (въ своемъ „Опытѣ Правосл. Догмат. Богословія“, т. V, стр. 316): „Апостоль, по преимуществу любви говоритъ, *есть грѣхъ къ смерти, не о томъ глаголю, да молится* (I Иоан. 5, 16). Церковь, вообще почитая поминовеніе усопшихъ дѣломъ богоугоднымъ и спасительнымъ, признала полезнымъ и нужнымъ молиться только за тѣхъ усопшихъ, которые скончались въ вѣрѣ и покаяніи, подающими надежду на развитіе и укрѣпленіе оставшихся въ нихъ задатковъ духовно-благодатной жизни, но отнюдь не находила умѣстнымъ и полезнымъ молиться за такихъ, которые скончались во враждебномъ разрывѣ съ нею, а также съ явною потерей вѣры и всякаго добра“. Но во всякомъ случаѣ подобная (домашняя) молитва за иновѣрца можетъ быть разрѣшена только мѣстнымъ епископомъ. При этомъ, по мнѣнію „Церковнаго Вѣстника“, допускается не публичная молитва въ церкви (на проскомидіи), а панихиды и молебныя нѣнія на дому у просящихъ.

Отпѣваніе иновѣрныхъ христіанъ по чину Православной Церкви можетъ быть совершаемо только въ случаѣ обращенія ихъ предъ смертію въ православіе и послѣ исповѣди ихъ предъ православнымъ священникомъ²⁾. Только въ случаѣ

1) Церк. Вѣстн., 1897 г. № 49, стр. 1614—1615

2) Ук. 1727 г. іюля 20; 1730 г. мая 22.

крайней нужды, т. е. если не будетъ на лицо духовнаго лица того исповѣданія, къ которому принадлежалъ умершій, православный священникъ не долженъ отказываться отъ погребенія иновѣрнаго христіанина, но, облачившись въ ризу и епитрахиль, долженъ ограничить все совершеніе этого погребенія однимъ только провожденіемъ тѣла умершаго съ мѣста (изъ дома) до кладбища и опушеніемъ его въ могилу при пѣніи въ томъ и другомъ случаѣ: „Святый Боже“, конечно, безъ пѣнія литіи и безъ возглашенія вѣчной памяти¹⁾). Эта процессія никакъ не должна совершаться одновременно и въ ряду съ проводомъ другого умершаго, принадлежащаго къ Православной Церкви²⁾).

Вообще надо замѣтить, что Православная русская Церковь никогда не перестала видѣть въ иновѣрцахъ своихъ ближнихъ, хотя и заблуждающихся въ истинахъ христіанской вѣры, и возносить молитвы ко престолу Всевышняго о возвращеніи ихъ къ истинной Христовой Церкви.

1) Высочайше утвержденный указъ Св. Синода 1800 г. 20 февраля. Срав. указъ 24 августа 1797 г. Законъ этотъ, въ случаѣ требованія, примѣнимъ и къ погребенію умершихъ армянъ православнымъ духовенствомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не находится армянскаго духовенства. Ук. Св. Сн. 17 іюня 1818 г. Ср. Ук. Св. Сн. на имя Преосв. Таврическаго 17 мая 1873 г.

2) Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ отъ 10—15 марта 1847 г. категорически постановилъ: 1) при погребеніи римско-католиковъ, лютеранъ, и реформатовъ православное духовенство можетъ, по приглашенію, исполнять только то, что сказано въ указѣ Святѣйшаго Синода 24 августа 1797 г. (т. е. проводить тѣло усопшаго отъ дома до могилы съ пѣніемъ: „Святый Боже“, съ каковымъ опустить его и въ могилу); 2) по духовенство не имѣетъ права отпѣвать таковыхъ лицъ по чиноположенію Православной церкви; 3) тѣло умершаго иновѣрца не можетъ быть вносимо передъ погребеніемъ въ православную церковь, и 4) духовенство не должно служить по немъ панихиды на дому и включать его въ церковное поминовеніе. Нечаевъ. Практическое руководство для священно-служителей, стр. 273—274.